

11518.

В. Карп.

ПЕРЕЖИТКИ
ДРЕВНЯГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ

У БЪЛОРУССОВЪ.

Этнографическій очеркъ
А. Е. Богдановича.

Г Р О Д Н А.

Губернская Типографія.

1895.

Дозволено цензурою 3-го Іюля 1895 г.—Г. Вильна.

ПЕРЕЖИТКИ
ДРЕВНЯГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ
У БЪЛОРУССОВЪ.

Этнографическій очеркъ

А. Е. Богдановича.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 77
Tel. 26-68-63

Г Р О Д Н А.

Губернская Типографія.

—
1895.

Дозволено цензурою 3-го Іюля 1895 г.--Г. Вильна.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Отъ автора	I—III.
Введеніе	I
I. Пережитки фетишизма	13
II. Пережитки анимизма	45
III. Пережитки олицетвореній	59
IV. Пережитки солнечнаго культа	80
V. Олицетвореніе зла	127
VI. Сообщники нечистой силы	133
VII. Способы лѣченія, основанные на суевѣр- ныхъ представленіяхъ, и колдовство .	154
VIII. Разныя мелкія суевѣрія	171
Краткій предметный указатель	181

О Т Ъ А В Т О Р А .

Первоначально настоящій очеркъ былъ помѣщенъ въ *Научномъ Обзорѣннн* за 1894 годъ; здѣсь онъ является въ значительно дополненномъ видѣ. Этнографическіе матеріалы, вошедшіе въ него, собраны, главнымъ образомъ, въ центральной Бѣлоруссіи — въ уѣздахъ: Ворисовскомъ, Игуменскомъ, Минскомъ, Слуцкомъ и Новогрудскомъ Минской губерніи, Свнновскомъ и Оршанскомъ — Могилевской и Днпелъскомъ — Витебской. Приводимые здѣсь пережитки древняго міросозерцанія и быта, въ большинствѣ случаевъ, общи всей этой мѣстности. Это особенно относится къ пережиткамъ міросозерцанія, къ суевѣрнымъ воззрѣніямъ на внѣшній міръ и природу человека, къ разнымъ повѣріямъ и предрасудкамъ: они почти всюду въ этомъ районѣ сохраняются въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. Пережитки древняго быта, застывшіе въ формѣ различныхъ обрядовъ и обычаевъ, болѣе измѣнчивы: нѣкоторые изъ нихъ свойственны только какой нибудь одной мѣстности; другіе распро-

страпляются шире и иногда на значительную округу; третьи охватывают всю Бѣлоруссію и даже выходят за предѣлы ея. Самые распространенные изъ нихъ, оставаясь въ своей сущности, въ основѣ, одинаковыми или сходными, въ частностяхъ, смотря по мѣстности, болѣе или менѣе видоизмѣняются. Въ нашемъ очеркѣ мы касались обрядовъ постольку, поскольку въ нихъ замѣтно было отраженіе древняго міросозерцанія, и если описывали обрядъ, обычай, воззрѣніе, повѣріе, то старался, по мѣрѣ возможности, описывать его типично, внося въ описаніе всѣ извѣстныя имъ характерныя особенности. Разумѣется, что это возможно было сдѣлать только въ такомъ случаѣ, когда въ нашемъ распоряженіи было нѣсколько записей одного и того же пережитка, когда мы его наблюдали въ разныхъ мѣстностяхъ. Тѣ же обряды, обычаи, повѣрія и суевѣрія, которые намъ встрѣчались только въ какой-нибудь одной мѣстности, мы отмѣчаемъ указаніемъ на эту мѣстность. Это, конечно, не значитъ, что они свойственны только этой мѣстности; можетъ быть они «бытуютъ» и въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, но мы не имѣли случая или возможности наблюдать ихъ. Большинство заговоровъ, приводимыхъ здѣсь, записаны въ одной знахарской семьѣ, гдѣ они, передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, составляя, такъ сказать, фамильную собственность.

III

Всѣ записи матеріаловъ сдѣланные лично авторомъ; наблюденія производились и накоплялись имъ исподоволь, такъ какъ авторъ, будучи уроженцемъ Бѣлоруссін, нѣкогда самъ переживалъ описанные имъ пережитки; а затѣмъ, живя подолгу въ разныхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссін и будучи по своимъ служебнымъ занятіямъ близко поставленъ къ народу, имѣлъ возможность пополнять свои наблюденія.

Для выясненія и освѣщенія нашихъ матеріаловъ, мы пользовались, главнымъ образомъ, слѣдующими сочиненіями: Спенсеръ: Основан. Соціологіи, Тэйлоръ: Первобытн. культура, Бокль: Истор. цивилиз. въ Англіи, и статью Л. Мечникова: Культурное значеніе демонизма (Дѣло, 1879 г.). Мы не пытались все объяснить въ приводимыхъ матеріалахъ; мы заботились болѣе всего о полнотѣ записей; но предназначая первоначально нашу работу для общей печати, мы не считали возможнымъ выпустить одни сырые матеріалы, безъ всякаго объясненія ихъ и освѣщенія.

А. Б.

ВВЕДЕНІЕ.

Бѣлорусскіе крестьяне, истолковывая по своему выраженію „западный край“, — выраженіе чуждое бѣлорусской рѣчи, — передаютъ его словами „западный край“, т. е. заброшенный, захудалый. Хотя съ филологической точки зрѣнія можно многое возразить противъ такого вольнаго перевода, но дѣйствительность его оправдываетъ. И жизнь бѣлоруса, и его творческая дѣятельность рѣзко отмѣчены печатью неразвитости, отсталости, забитости. Именно „западный“ край, „западный“ народъ...

Взять хотя бы бѣлорусскія пѣсни, это общепризнанное зеркало народной души. И онѣ свидѣтельствуютъ о той же „западности“. Пѣсенъ у бѣлоруссовъ довольно много, но содержаніе ихъ очень бѣдно, очень однообразно. Особеннымъ однообразіемъ отличаются тѣ изъ нихъ, которыя посвящены изображенію горькой доли замужней женщины. А пѣсенъ этого рода большинство: онѣ заполняютъ, нисколько не преувеличивая, двѣ трети всего пѣсеннаго матеріала. Это безконечныя варіаціи на тему о побояхъ мужа, свекра, о преслѣдованіяхъ

свекрови, злобѣ золовокъ; къ этому господствующему мотиву присоединяется тоска по роду-племени и пзрѣдка чувство ревности или мести къ злой разлучницѣ. Но вы не встрѣтите въ нихъ выраженія болѣе сложныхъ или болѣе тонкихъ чувствъ. Нѣтъ въ нихъ и помина о томъ разнообразномъ проявленіи нѣжной любви, которая такъ разлита въ малорусскихъ пѣсняхъ. Напротивъ, въ средѣ бѣлоруссовъ обращается множество пѣсень и припѣвокъ самаго безстыднаго содержанія. Ихъ распѣваетъ старъ и младъ, мужскій и женскій полъ,—распѣваетъ, не стѣняясь, какъ нѣчто совершенно обыкновенное. Впрочемъ, къ чести бѣлоруссовъ нужно сказать, что эти остатки пріаписическихъ культуръ свидѣлствуютъ не о развращенности нравовъ, а скорѣе о крайней грубости ихъ. Въ пѣсняхъ же обрядовыхъ и бытового содержанія нѣтъ того могучаго лиризма, свидѣлствующаго о силѣ и свѣжести чувства, который такъ выгодно отличаетъ великорусскую пѣсню; почти всѣ онѣ блѣды, стрывочны, невыдержаны, отзываются какой-то пришибленностью творчества, духовной бѣдностью. Форма ихъ неизящна, мало выразительна, топорной работы, какъ говорится,— и въ этомъ отношеніи вполне соответствуетъ содержанию. Мелодіи ихъ, повидимому, еще бѣднѣе содержанія: въ Бѣлорусіи часто цѣлый отдѣлъ пѣсень поется на одинъ мотивъ. Мотивы же построены по такъ называемой *китайской гаммѣ*,—безъ полутоновъ; и кромѣ того—лишены *подголосковъ*, то-есть при хоровомъ исполненіи поются въ унисонъ, не образуя гармоніи. Веселые напѣвы сравнительно рѣдки; большинство же до

последней степени однообразно-заунывы, такъ что наводятъ шемящую тоску даже и на привычнаго слушателя. Вылиная поэзія совершенно отсутствуетъ. Бѣлорусь или вовсе не принималъ участія въ созданіи того цикла эпическихъ образовъ, къ которому принадлежатъ старшіе и младшіе богатыри кievскаго періода, или если и принималъ, то совершенно забылъ о существованіи своихъ дѣтвищъ. Также нѣтъ въ Бѣлорусіи ничего соотвѣтствующаго украинскимъ казацкимъ думамъ.

Бѣлорусскія сказки опять таки, хотя и многочисленны, но какъ и пѣсни, бѣдны по содержанію: одна повторяетъ другую. Фабула ихъ, въ большинствѣ случаевъ, крайне незамысловата, изображаемыя чувства чрезвычайно просты, воззрѣнія на виѣшній міръ очень наивны.

Обряды, сопровождающіе жизнь бѣлоруса отъ колибели до могилы, — эти окаменѣлости прошлой дѣйствительности, — или крайне дикы съ точки зрѣнія цивилизованнаго человѣка, или грубо фетишистичны. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ о сравнительно невысокомъ уровнѣ умственнаго развитія.

Объ этомъ также свидѣтельствуетъ лучшее мѣрило духовнаго развитія народа — его языкъ. Какъ извѣстно, большее или меньшее развитіе языка соотвѣтствуетъ большому или меньшему интеллектуальному развитію, потому что, если возникаютъ въ сознаніи человѣка понятія, идеи, образы, — вслѣдъ за тѣмъ неизбѣжно является потребность выраженія ихъ въ словѣ. Отсю-

да языкъ, подобно зеркалу, отражаетъ тѣ душевныя движенія, которыя испыталъ народъ на пути своего развитія, высоту выработанной имъ культуры, высоту полета его мысли, степень ея отвлеченности и пр. Но бѣлорусскій языкъ, прежде всего, небогатъ словами. Нѣкоторая часть ихъ заимствована изъ польскаго языка, а въ послѣднее время, между молодымъ поколѣніемъ, довольно широко входятъ въ обращеніе русскія слова. Онъ также бѣденъ формами выраженій и формами рѣчи; такъ напримѣръ, въ немъ вѣтъ причастныхъ формъ, исключая дѣепрічастія прошедшаго времени. Онъ гораздо бѣднѣе словами для обозначенія отвлеченныхъ понятій, чѣмъ великорусскій народный языкъ, и даже уступаетъ въ этомъ отношеніи малорусскому. Онъ также не обладаетъ гибкостью, силой и выразительностью перваго и мягкостью, благозвучностью послѣдняго. Словъ, соответствующихъ русскимъ существительнымъ съ окончаніемъ на *ie*, *ость* и *есть*, въ немъ чрезвычайно мало; заимствованныя же изъ русскаго языка обращаются только среди грамотниковъ, побывавшихъ въ школѣ или въ военной службѣ, а въ среду стараго поколѣнія, а также въ деревни, отдаленныя отъ школы и, слѣдовательно, лишеныя ея просвѣдительнаго вліянія, проникаютъ весьма мало или даже совсѣмъ не проникаютъ.

Среди бѣлоруссовъ почти не сохранилось историческихъ сказаній, такъ какъ этотъ народъ нѣсколько вѣковъ не жилъ исторической жизнью. Отсюда понятно, что въ немъ заглохло и національное самозваніе. Только въ послѣднее время оно начинается

пробуждаться: подъ живительнымъ вліаніемъ школы и церкви въ бѣлоруссахъ возрождается сознаніе о своей принадлежности къ великому русскому племени. Но даже и теперь есть немало бѣлоруссовъ, которые подъ словомъ „рускіе“ разумѣютъ старовѣровъ, издавна живущихъ въ Западномъ краѣ. А если вы къ такимъ бѣлоруссамъ обратитесь съ вопросомъ — кто они такіе въ смыслѣ національности, то очень многіе вамъ только и могутъ сказать, что они „тутэйшіе“, т. е. здѣшніе, или что они мужики, словно бы это ихъ національное отличіе или словно бы только однимъ бѣлоруссамъ и свойственно быть мужиками. И къ вашему заявленію, что они русскіе или бѣлоруссы, они отнесутся довольно скептически: называй, дескать, какъ хочешь... Только въ отношеніи трудолюбія бѣлоруссъ не уступитъ ни великоруссу, ни малоруссу, а по выносливости превосходитъ того и другого. Но этого, конечно, мало, — и справедливость требуетъ поставить бѣлорусса по типу душевнаго развитія ниже его братьевъ изъ великой русской семьи.

Чѣмъ объяснить такую сравнительно значительную отсталость?

Различія между естественными условіями страны, въ которыхъ живутъ эти народы, хотя и наложили, конечно, нѣкоторый особенный отпечатокъ на духовный міръ своихъ обитателей, но эти различія не настолько велики, чтобы посредствомъ ихъ было возможно объяснить такую довольно значительную разницу. Объясненія нужно искать, но нашему мнѣнію, въ особенно-

стяхъ историческихъ условій существованія бѣлоруссовъ. Прежде всего, Бѣлоруссія издавна лишилась своей интеллигенціи, этого свѣточа въ духовной жизни народа, его путеводительницы и насадительницы новыхъ идей въ массахъ. Она, какъ извѣстно, усвоила чужой языкъ и нравы, а потому стала вдвойнѣ непонятной народу: новыя идеи сами по себѣ, въ силу своей новизны, трудно усваиваются, а выраженные на чужомъ языкѣ становятся еще болѣе недоступны. Но это еще полъ-горя: при благопріятныхъ обстоятельствахъ народъ могъ выдвинуть изъ своей среды новыхъ носителей сокровищъ своего духа, — новую интеллигенцію, можетъ быть еще болѣе естественную, какъ вышедшую непосредственно изъ нѣдръ народа. Но бѣда въ томъ, что онъ былъ поставленъ въ такія условія, при которыхъ это было рѣшительно невозможно. Бѣлоруссія была весьма часто ареной опустошительныхъ войнъ, разорявшихъ народъ, и тѣмъ обусловившихъ его отсталость и невѣжество, и развивавшихъ грубость нравовъ; а что всего важнѣе — она до такой степени была закрѣпощена помѣщикамъ, обязанности въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ были такъ отяготительны, что на выполненіе ихъ расходовались всѣ силы народа, такъ что у него не оставалось ни времени на размышленіе и обдумываніе, ни средствъ на обученіе, а безъ этого немислимо умственное развитіе.

Еще слишкомъ живы воспомнанія объ этомъ печальномъ времени и живы свидѣтели перенесшіе на своихъ плечахъ всѣ его тягости. Въ любой деревнѣ вамъ сообщать массу невѣроятнѣйшихъ разказовъ о

безмысленной жестокости или самих помѣщиковъ, или ихъ управляющихъ, экономовъ, войтовъ, тіуновъ и прочихъ „подпанковъ“. Вамъ расскажутъ, что даже и тогда, когда число дней „панщины“ было опредѣлено закономъ, крестьяне, однако, отбывали „пригонъ“ въ такое время и въ такомъ размѣрѣ, какъ это вздумается помѣщику, хотя такой произволъ приносилъ существенный вредъ крестьянскому хозяйству. Но гдѣ было искать управы? Кому жаловаться? Паву на пана? А другой инставціи крестьянинъ не звалъ.

Бывали помѣщики, у которыхъ каждую субботу половину пригонщиковъ жестоко сѣкли розгами: однихъ за ослѣхи при пахотѣ, другихъ за высокія „гривы“ при косебѣ; тѣхъ за то, что высоко жали, а тѣхъ, что малыя снопы вязали, чтобы сжать установленное число копенъ и т. д. Надо было напрягать всѣ силы, пускать въ ходъ всю внимательность и изобрѣтательность, чтобы избѣжать наказанія. Но и это далеко не всегда помогало.

Вѣда такую изнурительную жизнь, чѣмъ питался народъ? Вѣдь отъ качества пищи много зависитъ качество мысли. „Мы только теперь узнали, что такое голодъ“, говорили намъ иронически крестьяне: — „а за панами мы голоду не знали, потому что всегда голодали. Бывало только скотинку бережешь, а сами каждую весну ѣли травы да коренья. А когда молотили панскій хлѣбъ, то невѣянные зерна, тайкомъ, горстями въ ротъ сыпали да ѣли“. Повѣрить можно. И теперь еще въ центральной Бѣлоруссіи крестьяне

настолько сохранили привычку къ хлѣбу съ мякиной, что только такой хлѣбъ, пушной или „полѳвый“, и считаютъ настоящимъ хлѣбомъ, а къ «чистяку» относятся съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, находя, что онъ не питателецъ, что онъ какъ слюва: нѣтъ съ него никакого „посилку“.

Какъ при такихъ условіяхъ, когда крестьянинъ былъ отягощенъ безысходнымъ трудомъ, когда его личность подавлялась, его человѣческое достоинство подвергалось поруганію, какъ было тутъ развитыя критическому мышленію, духу изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что для мужика школы были закрыты, а самостоятельныя попытки помимо школы проникнуть въ область хотя бы простой грамотности систематически подавлялись папами и представителями панской власти? Мужику оставалось одно: влечать изо дня въ день жизнь вола подъяремнаго, по характерному выраженію,—что день прожилъ, то къ смерти ближе,—забывая то изъ своего прошлаго, что не имѣло непосредственнаго отношенія къ текущей дѣйствительности, не заглядывая далеко въ будущее, словомъ — не выходя изъ узкаго круга чувствованій и идей, которыя давала повседневная жизнь, бѣдная событіями.

При такихъ условіяхъ все болѣе и болѣе закрѣпляется привычка мыслить по традиціи, по разъ усвоеннымъ образцамъ,—и если существенно не измѣнятся условія жизни, если не будетъ дано толчковъ извнѣ сильныхъ на столько, чтобы пробудить мышленіе и направить его на критическую переработку установив-

нихся формъ мысли в жизни, то оно рискуеть окопѣть въ этихъ формахъ, считая ихъ чѣмъ то неизмѣннымъ, неизбѣжнымъ и лучшимъ чѣмъ что бы то ни было чужое. Бѣлоруссь такъ долго предавался застою, что въ немъ развилось домошѣдство, неподвижность (даже отхожихъ промысловъ не развилъ, хотя потребность въ нихъ, конечно, чувствовалась), а отсутствіе ознакомленія съ чужимъ мѣшало улучшенію своего. Онъ въскольکو въковъ не жалъ въкоторыми сторонами своего духа, такъ что неудивительно если его воззрѣнія на вышній міръ и душу человѣка очень мало измѣнились и нынѣ стоятъ, по крайней мѣрѣ въ заолустяхъ, почти на той же ступени развитія, какъ и во времена лѣтописца Нестора. Понятно, что „нечистая сила“ т. е. всякая чертовщина, вѣдьмаки, вѣдьмы, вовколаки, вампиры, хатники, хлѣвники, лѣшіе, водявки и пр. и пр., такъ же фигурируютъ въ міровоззрѣніяхъ бѣлорусса, какъ и во время оно, когда его предки „звѣринскимъ обычаемъ живяху“. Тѣсно связанные съ „нечистой силой“ чародѣйства, ворожба, заговоры, напусканія болѣзней, изгнаніе ихъ, все еще полонять умъ бѣлорускаго крестьянина, — немалого, можетъ быть, менѣе, чѣмъ умъ какого нибудь остяка, — все еще играютъ важную роль въ его предпріятіяхъ, въ его жизни.

Единственнымъ просвѣтительнымъ началомъ жизни бѣлоруссовъ было христіанство. Известно, что со времени введенія христіанства, языческое міровоззрѣніе получило значеніе антихристіанскаго начала и въ этомъ смыслѣ служило предметомъ борьбы со стороны духо-

венства. Здѣсь считаемъ нелишнимъ напомнить читателю, каковы были тѣ возрѣнія, противъ которыхъ боролись христіанскіе просвѣтителі вашихъ предковъ: тогда читателю будетъ видѣе, что сохранилось у бѣлоруссовъ отъ первобытнаго міросозерцаія и въ какихъ формахъ сохранилось. Для этого мы воспользуемся обличительною рѣчью, составленною А. Н. Майковимъ изъ сводки разныхъ отрывковъ древнихъ духовныхъ писателей, обличавшихъ языческое нечестіе русскихъ:

„О во тѣмъ блуждающіе! — восклицаетъ одинъ изъ ревнителі христіанства:— „Кумиры повержены, по вы рабствуете и поклоняетесь прежнимъ бѣсамъ! Богами нарицаете стихіи, и солнце, и огонь; и огню тоже молитесь, зовете его Сварожичемъ! Вѣруете и въ стрѣчу, и въ полазъ, и въ птичій грай и въ ворожбу; волхвуете птицами и звѣрьми! Богъ даетъ вамъ вся блага; вы же Ео не познали, а все отъ бѣсовъ своихъ виѣти мните—и обиліе плодовъ земныхъ, и раствореніе воздухонъ! Виѣсто призыванія благодати Господней на вешнія поля и нивы, радитесь во звѣринья шкуры, надѣваете личины, толпами выходите вызывать Перуна или поганнаго Ярилу (Ярילו—ярь, весна), съ крикомъ и гамомъ бѣгаєте по селамъ, ударяя въ бубны, тазы, сковороды, мѣдныя доски, бряча колокольчиками и бубенчиками, хлопая бичами: тѣмъ мните зиму и иракъ вроговати, не вѣдя того, что вся отъ Господа! Покараетъ ли васъ Господь, посушитъ поля и нивы, дабы сердца ваши окаянніи подвиглись къ Нему,—вы яко слѣпы и глухи пребыва-

ете, и паки къ нечистому дѣйству прибѣгаете: обовьете дѣвку цвѣтами и травами, водите ее по полямъ, обливая волою, а сами, переряженные зъ звѣринья шкуры, бѣгаетѣ кругъ нея съ бѣсовскими пѣснями, съ плясаніемъ и скаканіемъ *). Отъ рожденія до самыя смерти бѣсамъ токмо служите: зачинаетесь въ сквернѣ и грѣхѣ; бракъ ли то есть, когда собираетесь на игрища, и дѣвицу себѣ любу избравъ, на коняхъ ристающе, подскакиваете и съ собой умыкаете: и то есть вамъ бракъ! И станеть увѣщевать васъ служитель Божій, въ продерзости отвѣщевае; христіанскій-де обрядъ вѣнчавія годенъ токмо для князей и бояръ, а мы-де люди простые, живемъ какъ отцы и дѣды жили, и по двѣ жены имѣть можемъ!.. О горе горькое, о прелесть сатанинская! И паки скажу: какъ вы пастыря душъ встрѣчаете? Плюете, невѣгласи, встрѣтятся со святымъ отцомъ, бѣсамъ заклятія читаете и яко отъ недоброй верѣчи, назадъ ворочаетесь! А волхвамъ, и скоморохамъ, и гудцамъ, пѣвунамъ, что толпами изъ села въ село шатаются и поганныя требы и волхованія творять и басни о бѣсахъ баютъ со струннымъ гуденіемъ,—ихъ послушаете и ихъ ублажаете и чувствуете, и на праздникахъ своихъ все ими указанное творите, и на кладбища съ ними съ огнемъ ходите, и окрестъ могилъ пѣсни бѣсовскія возглашаете, и скаканіемъ и плясаніемъ святое мѣсто оскверняете! Молитвы пи единой сотверить не могуще, развѣ кто

*) Г. Аоанасьевъ думаетъ, что переряживаніе въ звѣринья шкуры знаменовало облака, видъ свой мѣняющія, а дѣвка—алчущую землю.

„Господи помилуй“ со страхомъ скажетъ, заклятіи знаетъ множество—и къ вѣтрамъ нарицающе ихъ Стрибожьими чадами, и къ зарѣ—яко къ пѣкоей жепѣ, сѣдящей на морѣ, на Окіяніѣ, въ палатахъ красна золота да чиста серебра, и къ огню-сварожичу, и къ печевѣ, и къ ивнмѣ, иже стихіи суть, или руками дѣлавная!“ *).

Христіанское духовенство много, конечно, разсѣяло первобытной тьмы. Но то, что выработано самимъ народомъ путемъ естественнаго развитія, что составляетъ естественную ступень въ эволюціи его мысли, какъ видво, велегко поддается сглаживанію и уничтоженію. Оно исчезаетъ при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы мысль человѣческая естественнымъ образомъ вступила въ слѣдующій фазисъ своего развитія. А для этого необходимы извѣстныя условія, какъ на примѣръ—нѣкоторыя матеріальная обеспеченность, дающая досугъ для наблюденій, изслѣдованій и обобщеній; обогащеніе нашего ума путемъ пріобрѣтенія положительныхъ свѣдѣній изъ различныхъ отраслей знанія и т. п. А такъ какъ до послѣдняго времени ни одно изъ этихъ условій не имѣло мѣста въ жизни бѣлорусса, то понятно, почему большая половина его возрѣвій представляетъ изъ себя „живую старину“. Къ ней-то мы теперь и обратимся.

*) Майков. Сочин., т. II, стр. 414.

I.

Пережитки фетишизма.

Со времени „Курса позитивной философіи“ Огюста Конта, процессъ мифологическаго развитія раздѣляютъ обыкновенно на три послѣдовательные фазиса: фетишистическій, политеистическій и монотеистическій.

Фетишизмъ — начальная ступень въ процессѣ осмысливанія человекомъ вѣшняго міра. Это періодъ совершенно младенческаго состоянія человѣческаго ума. Для правильнаго пониманія этого періода необходимо принять то неоспоримое положеніе *), что первобытныя идеи естественны, и, при тѣхъ условіяхъ, когда онѣ имѣютъ мѣсто, — разумны. Ставши на эту точку зрѣнія, спросимъ себя: какъ могъ поступать первобытный человѣкъ, подавленный массою разнообразныхъ явленій вѣшняго міра, чтобы разобратся въ нихъ собственными силами, — какой путь могъ избрать онъ для этой цѣли? Для него выбора не было, ибо такой путь одинъ, который, между прочимъ, практикуется не только дикаремъ, но и ученымъ изслѣдователемъ, до-

*) Спенсеръ, Основан. социолог., т. I стр. 110.

стигшимъ вершинъ человѣческаго знавія: онъ заключается въ объясненіи неизвѣстнаго посредствомъ извѣстнаго.

Ближе всего, такъ сказать — непосредственно, первобытнѣйшій человѣкъ зналъ самого себя, т. е. свои собственные состоянія. Отсюда слѣдуетъ, что первобытные люди должны были основывать свои объясненія явленій вѣшняго міра на аналогіяхъ, почерпнутыхъ изъ своего сознанія, и вслѣдствіе этого они должны были надблѣзать всѣ предметы свойствами и способностями, присущими живому человѣку: способностію чувствовать голодъ и жажду, удовольствіе и страданіе, любить похвалу и лесть, мстить обидчику и т. п. Такое апріорное заключеніе подтверждается массою фактовъ и наблюденій, собранныхъ изслѣдователями жизни дикарей. Сообразно со своими понятіями о вѣшнемъ мірѣ, дикарь устанавливаетъ и свои отношенія къ нему: бесѣдуетъ даже съ неодушевленными предметами, какъ наши дѣти съ куклами и игрушками, проситъ у нихъ помощи въ потребныхъ случаяхъ, благодаритъ ихъ, буде она оказана, бьетъ и наказываетъ за непослушаніе, дѣлится своей добычей, кормитъ ихъ и т. п. Отголоски этого далекаго прошлаго, въ силу ксности человѣческаго ума, сохраняются, въ той или другой формѣ, даже въ обществахъ, стоящихъ на высшей ступени цивилизаціи. Поэтому неудивительно, хотя и печально, что довольно яркіе слѣды ихъ сохранились въ медвѣжьихъ углахъ Бѣлоруссіи въ видѣ суевѣрнаго почитанія разныхъ предметовъ, въ видѣ разныхъ повѣрій, легендъ и преданій.

Почитаніе огня. Ясные слѣды фетишизма сказываются въ почитаніи бѣлоруссами огня вообще и домашняго очага въ частности. Это черта болѣе или менѣе общая всемъ народамъ арійскаго корня. Такъ у римлянъ, какъ извѣстно, въ храмѣ Весты горѣлъ вѣчный огонь, поддерживавшійся предназначенными для этого жрицами-дѣвственницами, весталками; у литовцевъ предъ истуканомъ Перкуна вайделотки непрестанно жгли дубовыя дрова, поддерживая, такимъ образомъ, неугасаемый огонь *Зничъ*, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ — самостоятельное божество, носившее названіе Вѣчнаго Отца. И у нашихъ предковъ огонь почитался наряду съ солнцемъ, какъ родные братья, какъ свѣтоносныя и теплотворныя начала, что видно, между прочимъ, изъ слова нѣкоего христолюбца, обличающаго это нечестіе: «*И огневъ молятся, зовуще его Сварожичемъ*»...

Въ воззрѣніяхъ бѣлоруссовъ огонь является одной изъ основъ семьи, домашнимъ венатомъ, началомъ цѣлебнымъ и всеочищающимъ. Особенно это связывается въ захолустныхъ мѣстностяхъ. Тамъ въ каждой семьѣ стараются поддерживать *свой* огонь, тщательно загребая горячіе уголья въ печурку. Онъ вздувается по мѣрѣ надобности. При переходѣ изъ одного жилья въ другое, при семейномъ раздѣлѣ, везутъ съ собою огонь изъ домашняго очага. Осквернять огонь плеваками или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, считается дѣломъ нечестивымъ и небезопаснымъ, обо „жижа“, какъ зовется огонь на дѣтскомъ языкѣ, кусается, — и отъ этого на лицѣ виноватаго появляется „вогникъ“ — особая

накожная болѣзнь, при которой лицо покрывается струвьями, какъ послѣ ожога. *Вогникъ* можетъ быть вылѣченъ только посредствомъ огня. Для этого, когда дрова разгорятся яркимъ пламенемъ, выгребають девять раскаленныхъ угольковъ (иногда три); каждымъ изъ нихъ обмахивають три раза вокругъ больного мѣста и, ваотмашь, обратно вбрасываютъ въ печь, со словами: „аткуль пришоу, туды идзи“, а большой трижды цѣлуется припечекъ. Это называется „откидать вогникъ“.

Огнемъ лѣчатъ и другія болѣзни. Когда дѣти корчатся и кричатъ отъ боли, не спятъ по ночамъ,—это ихъ мучаютъ *Ночницы*—маленькіе и злые духи ночи. Ихъ только можетъ прогнать свѣтоносное начало—огонь. Ночью, когда дитя особенно раскричится, топятъ печь, и передъ полымемъ „палають“ больного ребенка. *Палать*—собственно значить очищать отъ шелухи ячменную или какую нибудь другую крупу, посредствомъ встряхиванія въ особыхъ ночвахъ-палавкахъ. Нѣчто подобное продѣлываютъ и съ большимъ ребенкомъ. Его кладутъ въ «приполь», въ подолъ платья, качають передъ пламенемъ, слегка встряхивая и ваяштывая „заговоръ“:

Цемная ночка
Начницъ парадзила, —
Малому дзицяци
Муки нарабила;
Ясное соувійка *)

*) Въ бѣлорусскомъ текстѣ „у“, напечатанное курсивомъ, слѣдуетъ произносить кратко, сливая съ предшествующей гласной.

Дзевъ начинаець,
 Пачвиць проговяець,
 Дзянняць насылаець,
 Боль сунязаець.
 Шухъ у печь! Шухъ у печь!..

Пламя или пожираетъ вочницъ, или отговяетъ прочь.

Вообще совѣтуютъ часто „палать“ дѣтей передъ печью, такъ какъ огонь считается средствомъ, очищающимъ всякую „немочь“, а равно и предохраняющимъ отъ нея. Потому-то нарни и дѣвушки прыгаютъ черезъ купальскіе огни. Хорошій хозяинъ, насаживая въ овинѣ снопы первый разъ въ году, чтобы просушить ихъ для молотбы, бросаетъ обыкновенно снопы ржи въ овинный огонь. Это несомнѣнно отголосокъ нероботныхъ жертвъ огню.

Огонь, въ качествѣ древняго родового пената, скрѣпляетъ различные родственные союзы. Такъ невѣста, прибывшая въ домъ жениха, чтобы „освоить-ся“ въ немъ, кланяется очагу и прикасается къ нему руками. То же дѣлаетъ и женихъ, идущій въ чужую семью. Въ извѣстные дни, — на праздникъ Пасхи или когда кто-нибудь изъ домашнихъ выѣхалъ на поле сѣять, а особенно, когда въ домѣ *толока* (пѣмочи), — огня изъ очага не одолжаютъ (сничекъ одолжить можно); вѣрятъ, что за огнемъ можетъ уйти изъ дома благосостояніе, или, по крайней мѣрѣ, хлѣбъ не уродится. Въ это время огонь называютъ *богачемъ* *).

*) Въ Полѣсье огонь вообще называютъ „богачемъ“, т. е. богатствомъ

Впрочемъ, нѣкоторые крестьяне, по той же причинѣ, что указана выше, и въ обыкновенные дни опасаются давать изъ своего очага горячіе угли чужимъ людямъ, въ другую избу; а если даютъ, то весьма неохотно, при томъ подъ условіемъ, чтобы тѣ же угли были возвращены, хотя бы и потухшіе; трубуютъ также, чтобы одолающій оставилъ свою вещь, пока не возвратитъ углей: это предохраняетъ отъ дурныхъ послѣдствій, которыя могли бы произойти вслѣдствіе того, что огонь былъ одолженъ. Иные съ этою цѣлю, если угли не возвращены, въ свою очередь посылаютъ къ тому сосѣду, который одолжалъ, за горячими углями, хотя бы въ нихъ и не было надобности.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бобруйскаго уѣзда и почти во всея Полесьѣ употребляется для освѣщенія такъ насываемая „коминъ“. Это воронкообразная труба, выходящая наружу черезъ потолокъ и крышу; снизу къ этой воронкѣ подвизывается „каганецъ“ — старая сковородка, обломокъ чугунаго горшка или глинавая лопавка; на каганцѣ жгутся сухія полѣнца или смолистыя, мелкоизрубленные сосновые корни. Въ этихъ мѣстностяхъ на Оминой ведѣлѣ справляется женитьба комина. На комъ онъ женится — намъ не удалось точно узнать. Одни говорили, что „съ печью женитца“, другіе — съ хатой, а большинство отвѣчали: „кто его знаетъ! старыя люди говорили: женится коминъ, — и мы за ними“. Къ этому времени, т. е. къ женитьбѣ, коминъ бѣлятъ, охорашиваютъ, украшаютъ зеленью — плавуномъ, брусничникомъ, хвоею, — и бросаютъ въ огонь кусочки сала или масла: это ему свадебное

угощеніе. И въ этомъ также нельзя не видѣть пережитка первобытныхъ жертвъ огню.

При помощи огня гадаютъ. Если огонь горитъ весело—это вообще хорошій признакъ. Если уголь упадетъ въ горшокъ съ пищей -- это означаетъ подарокъ. Если изъ печи съ трескомъ выскакиваютъ горячіе уголья—это предвѣщаетъ скорое прибытіе желаннаго гостя. Почему? Да вѣроятно потому, что въ былыя времена огонь, какъ домашній пенатъ, считался покровителемъ гостей, какъ и всѣхъ вообще находившихся подъ кровлей его обиталища.

Вода. На ряду съ царемъ-огнемъ, немалымъ почетомъ пользуется и царица-водица — другая стихія, еще болѣе важная по своему значенію для жизни человѣка. Много сохранялось упоминаній какъ въ нашихъ летописяхъ, такъ и въ поученіяхъ русскихъ святителей о поклоненіи водѣ и о принесеніи ей жертвъ. Такъ воины Святослава, по словамъ Льва Діакона, послѣ погребенія павшихъ въ битвѣ товарищей, погружали въ волны Дуная иѣтуховъ и младенцевъ. Преподобный Несторъ говоритъ о полянахъ: „бяху же тогда поганіи, жруще езеромъ и кладеземъ и рощеніемъ, якоже и прочіи поганіи“.

И по сей день въ Бѣлоруссіи почитаются «езера, кладези и вогочниці». Особенно послѣдніе. Нѣкоторыя „ключи“, издавна пользующіеся извѣстностію, періодически привлекаютъ къ себѣ поклонниковъ массажи, въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ наши липецкія и пятигорскія воды. Ключевая вода, или, какъ ее часто называютъ, «живая», почитается высшимъ цѣ-

лебнымъ и очищающимъ средствомъ, такъ же, какъ и огонь. Весной, послѣ перваго грома, начинается это своеобразное паломничество „къ ключамъ“. Совершается оно въ извѣстные дни, издавна установленные: на Юрья, на Николу, на Ушестя (Вознесеніе), на Дзвятника (девятый четвергъ послѣ Пасхи), на Пяцинку, на Дзесятуху и пр. До „русальной недѣли“ (первая послѣ Троицы) берутъ воду только для питья, а послѣ русальной и купаются, гдѣ это удобно, а также поятъ и купаютъ лошадей. Дѣлается это или чтобы излѣчиться отъ болѣзни, или чтобы предохранить себя отъ нея на будущее время. Плевать въ воду вообще предосудительно, а въ „живую“ въ особенности. Она такъ же, какъ и огонь, употребляется для гаданій и чародѣйствъ. Вода въ кадкѣ, употребляемая для питья, должна быть закрыта, иначе въ нее можетъ войти нечистая сила.

Земля. Подобно сказанному выше, отношеніе бѣлоруса къ кормилицѣ-землѣ носить также нѣсколько фетишистическій характеръ. Да и можетъ ли быть иначе, когда его благосостояніе, распорядокъ его личной, семейной и даже общественной жизни во многомъ зависитъ отъ неумолимой „власти земли“? Отправляясь въ чужую сторону, бѣлорусъ, слѣдующій обычаямъ предковъ, беретъ щепотку родной земли и, зашивъ ее въ лоскутокъ холста, вѣшаетъ на груди: если придется умереть на чужбинѣ, то его врахъ все же будетъ покоиться вмѣстѣ съ родной землицей. Самая страшная клятва для бѣлоруса—это клятва, произнесенная съ землею во рту или въ рукѣ. Къ этой клятвѣ прибѣ-

гаютъ рѣдко, и если бѣлорусъ что-нибудь удостовѣряетъ, взявъ щепотку земли въ ротъ, то его земляки ему, несомнѣнно, повѣрятъ. Если же онъ солжетъ, то думаютъ, что почернѣетъ, какъ земля. Глубоко укоренилось въ сознании бѣлоруссовъ представленіе о землѣ, какъ о всеобщей матери; поэтому, между прочимъ, считается предосудительнымъ ругаться материнскими словами, чтобы не оскорбить чести матери-земли. Великихъ грѣшниковъ „земля не примае“, т. е. выбрасываетъ ихъ изъ могилы, не даетъ имъ упокоенія. Въ бѣлорусскихъ заклѣтиахъ и чарахъ земля столь же часто фигурируетъ, какъ и огонь. Есть повѣрье, что предъ наступленіемъ общественныхъ бѣдствій земля стонетъ по утрамъ, предъ восходомъ солнца. Люди, одаренные чуткимъ слухомъ и при томъ свѣдущіе въ ворожбѣ, могутъ слышать этотъ стонъ и заранѣе предсказывать разныя бѣдствія: голодъ, моръ, войну и т. п., ибо стонъ земли измѣняется соотвѣтственно характеру бѣдствія. Такъ предъ голодомъ къ стону примѣшивается плачь дѣтей, предъ моромъ — похоронныя причитанія, передъ войной слышенъ особый гулъ, какъ бы отъ топота множества ногъ и копытъ.

Хлѣбъ. Къ хлѣбу бѣлоруссы относятся съ большимъ почитеніемъ. Печь хлѣбъ должна женщина „чистая“, въ противномъ случаѣ онъ не удастся: будетъ коробиться, трескаться. Вообще это оскорбленіе хлѣба. Крошить хлѣбъ, сорить имъ — большой грѣхъ: кто такъ поступаетъ, — не будетъ имѣть хлѣба. Лучше всего — хлѣбныя крошки и корки сжигать въ печи.

Почитаніе бѣлоруссами хлѣба прекрасно иллюстри-

руется слѣдующимъ разсказомъ, широко распространеннымъ въ Бѣлоруссіи. Вотъ этотъ разсказъ. Одинъ человекъ, во время ѣды, печаянно уронилъ крошку хлѣба. Испугался онъ, сталъ ее искать. Въ это время его гумно загорѣлось. Бѣгутъ сосѣди, кричатъ ему: гумно горитъ! Онъ спокойно продолжаетъ искать оброненную крошку. Нашелъ, извинился передъ хлѣбомъ и, перекрестившись, съ благоговѣніемъ съѣлъ его. Тогда бросился гумно гнѣсть. Но, въ то время, когда онъ умилостививалъ хлѣбъ, гумно его мгновенно потухло.

Если обвести вокругъ горящаго дома хлѣбъ, то огонь не будетъ далѣе распространяться; только надо, чтобы хлѣбъ захотѣлъ этого. Иные, ꙗкобнеси хлѣбъ вокругъ горящаго дома, бросаютъ его въ огонь, полагая, что отъ этого пожаръ прекратится. Этотъ обычай намекаетъ на жертву огню; повидимому здѣсь сила не въ хлѣбѣ, какъ намъ обьясняли крестьяне, а въ томъ, чтобы умилостивить огонь.

Во всѣхъ семейныхъ торжествахъ, хлѣбъ занимаетъ высокое мѣсто, но эти обычаи такъ распространены и общеизвѣстны, что не считаемъ нужнымъ останавливаться на нихъ. По хлѣбу предсказываютъ судьбу членовъ семьи. Если хлѣбъ въ печи развалится на двѣ половины—это не къ добру: умереть или хозяйцъ, или хозяйка. Если въ мякишѣ окажется вертикальная трещина—это предвѣщаетъ близкій раздѣлъ семьи; горизонтальная трещина—вѣрный признакъ, что или дочь выйдетъ замужъ, или сынъ пойдетъ „у примы“ (въ чужую семью).

Почитаніе камней. Отпосительно камней сохранилось повѣрье, что въ былыя времена они, подобно животнымъ, чувствовали, росли и размножались; но когда люди прогнѣвали Бога, онъ проявлялъ и людей и землю, — и земля перестала давать прежніе баснословные урожаи, и камни перестали расти. Въ Борисовскомъ уѣздѣ, около села Красполукъ, лежитъ большой камень, въ которомъ, по преданію, встарину жилъ портной. Онъ всемъ шилъ безденежно и шилъ очень хорошо, только не слѣдовало его просить объ этомъ: попросишь — и онъ поступитъ какъ разъ наоборотъ, а иногда просто изрѣжетъ матеріаль въ куски и выброситъ вонъ. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова. За работу ему приносили ѣсть и пить.

Не служить ли послѣднее указаніемъ на поклоненіе и жертвоприношеніе камнямъ? Очень вѣроятно. Такихъ камней, съ которыми связано то или другое преданіе, — камней, прославившихся чудотворною силой, въ Бѣлоруссіи немало. Два такихъ камня находятся въ Игуменскомъ уѣздѣ близъ села Пережира. Одинъ изъ нихъ называется Дземьянъ, другой Марья. Они находятся другъ отъ друга на разстояніи, приблизительно, ста сажней. Дѣтъ двадцать тому назадъ прославился чудодѣйственной силою камень Марья: ходили слухи объ исцѣленіи паралитиковъ, хромыхъ, глухихъ и проч. Къ нему стекались на поклоненіе не только жители ближайшихъ мѣстностей, но даже издалека, изъ губерній Могилевской, Витебской, Псковской, Виленской и др. Марья въ высоту аршина два, въ ширину около аршина и въ одинъ футъ толщиною; Дземьянъ нѣсколь-

ко меньше. Глаза суетворъ усматриваютъ въ томъ и другомъ подобіе человѣческой фигуры, именно подобіе подбоченившагося человѣка, хотя эти камни не имѣютъ ни малѣйшихъ признаковъ головы, шеи и другихъ частей тѣла. Къ половымъ различіямъ пошло присутствіе у Марьи нѣкоторыхъ возвышеній посрединѣ: они то и принимаются за женскія груди. Этими камнямъ приносили жертвовапія: холстъ, ленъ шерсть, поросятъ, телятъ, овецъ и деньги. Порою жертвовапія были такъ обильны, что холстъ, ленъ и т. н. возами возили. Впрочемъ, въ послѣднее время популярности Марьи значительно упала, и о прежнихъ приношеніяхъ и помина вѣтъ. Иногда только какая-нибудь дѣвушка, выпрашивая жениха, привѣситъ къ каменной кольцо или вѣсколку бусъ.

Эти два камня могутъ быть отнесены къ такъ называемымъ „каменнымъ бабамъ“. Все это камни, обработанные рукой человѣка въ подобіе человѣческой фигуры, обработанные весьма грубо. Съ ними обыкновенно связываются легенды о томъ, что это были люди, которые за грѣхи превращены въ камни.

Недалеко отъ г. Несвижа (верстъ 10—12), близъ фольварка Лозовичи, князя Радзивилла, есть три камня весьма значительной величины. Одинъ изъ нихъ торчитъ изъ земли, напоминая, хотя слабо, человѣческую фигуру, а два лежатъ рядомъ близъ перваго. Относительно этихъ камней ходитъ среди окрестныхъ крестьянъ такая легенда. Жилъ въ Несвижѣ жестокій князь, который Бога не боялся, весьма народъ мучилъ. Мало того, что люди въ будни изъ силъ выбивались,

работая на барщинѣ, онъ сталъ требовать, чтобы они и въ годовые праздники на пригонъ ходили. Вотъ наступила Пасха. Сибѣгъ сошелъ, поле можно пахать. И заказываетъ войтъ пригонъ, а если кто не явится по заказу, то грозитъ вырѣзать тому три полосы со спины. Такъ злой князь приказалъ. Плачетъ народъ. Выйти на пахоту—вышли, но за работу никто не принимается. А войтъ похаживаетъ, да квutomъ стегаетъ непослушныхъ. Приѣхалъ самъ князь. Тутъ войтъ еще болѣе сталъ свирѣпствовать, желая угодить князю. Вотъ и говорятъ люди войту: если ты такой умный, то попробуй самъ пахать. Войтъ захотѣлъ отличиться передъ княземъ, схватилъ соху за рогачъ и погналъ борозду. Но не дошелъ онъ и до половины борозды, какъ ударилъ громъ небесный — и войтъ съ волами окаменѣлъ. Такъ и стоятъ они до страшнаго суда.

Весьма распространены камни съ отпечаткомъ человѣческой ступни. Трудно сказать, что это такое: игра природы или дѣло рукъ человѣческихъ (послѣднее вѣроятнѣе), — но только такіе камни пользуются большимъ почетомъ въ средѣ бѣлоруссовъ и привлекаютъ немало пожертвованій.

Также и по сей день почитаются чудодѣйственными такъ называемыя „перуновы стрѣлы“; это орудія каменнаго вѣка, находимыя въ землѣ. Они употребляются въ чародѣйствахъ и для лѣченія болѣзней.

Горы. Въ Бѣлоруссіи вѣтъ сколько нибудь значительныхъ горъ. То, что здѣсь называется горами, не что иное какъ холмы, болѣе или менѣе возвышенныя. Повятыво, что они не могли поражать воображеніе бѣ-

лорусса, внушать къ собѣ суевѣрный страхъ, какъ это бываетъ въ странахъ горныхъ. Индусы, наиримѣрь, завидѣвъ снѣговяя вершины Гималая, со страхомъ и трепетомъ, въ нѣмомъ обожаніи, простираются предъ нимъ, какъ предъ грознымъ, величественнымъ божествомъ. Это, конечно, грубый фетишизмъ, который въ чистомъ видѣ встрѣчается только среди народовъ, находящихся на весьма низкой ступени развитія. Но вообще нужно сказать, что въ горныхъ странахъ перазвитые умы, если и не поклоняются горамъ, какъ таковымъ, то считаютъ ихъ мѣстомъ обитанія могущественныхъ горныхъ духовъ или божествъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и славянскіе народы въ тѣ отдаленныя времена, когда они обитали на своей прародинѣ, гдѣ-то около горнаго хребта Гинду-Кушъ, относительно горъ раздѣляли первобытныя воззрѣнія родственныхъ племенъ, которыя и теперь являются въ недоступныхъ долинахъ и горныхъ тущобахъ Гималая чуть ли не горопокловниками, — во всякомъ случаѣ питаютъ суевѣрный страхъ къ горамъ.

Послѣ того какъ славяне, оставивъ свою первобытную родину, населили русскую равнину, эти вѣрованія, не находя для себя достаточной пищи на новомъ мѣстѣ, должны были, мало-по-малу, ослабѣвать, сглаживаться, терять свою яркость и опредѣленность. Однако слѣды ихъ, хотя и слабые, сохранились въ Бѣлоруссіи и доселѣ.

Такъ наиримѣрь, бѣлоруссы питаютъ суевѣрный страхъ къ «лысымъ горамъ», т. е. таковымъ; вершины которыхъ лишены растительности, полагая, что онѣ

въ извѣстное время являются мѣстомъ сборища печистой силы: отъ сопрякосновенія съ нею онѣ и облысѣли.

Есть немало горъ, съ которыми связаны легенды и суевѣрныя преданія. Ови сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что на такой то горѣ стояла вѣкогда церковь или костель и провалились, поглощены горой. Между прочимъ, такое преданіе связано съ холмомъ, возвышающимся среди мѣстечка Лукомля (Могилевск. губ., Сѣвновскаго уѣзда). Этотъ холмъ, вѣроятно, старое замчище; но крестьяне говорятъ, что на немъ давнымъ давно стояла церковь и провалилась. Они увѣряютъ, что на Рождество, на Пасху и вѣкоторые другіе праздники, если приложить ухо къ этой горѣ, то въ ней слышенъ колокольный звонъ и пѣніе. Намъ кажется, что такіа суевѣрія объясняются тѣмъ, что въ былыя времена на горахъ находились языческіе капища и жертвенники; иначе—какъ-то не вяжется съ христіанскимъ воззрѣніемъ, чтобы церковь, святывя, проваливалась,—и намъ вѣкогда не удавалось получить объясненіе, почему она провалилась. «Отъ старыхъ людей слышали»—говорятъ въ такихъ случаяхъ. Но въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ сохранились намеки, указывающіе на то, какое значеніе имѣли горы въ обрядовыхъ празднествахъ. Такъ въ одной „волочобной“ пѣснѣ, записанной нами, между прочимъ, восхваляется хозяинъ, прославившійся своимъ чуднымъ дворомъ:

На яго дварѣ ды стоаць горы,

Ды стоаць горы высокія;

А на тыхъ горахъ ды лежаць брусья,

Ды лежаць брусья цесовые;

А на томъ брусси ды стояць стоубы,
 Ды стояць стоубы малеваные;
 А на тыхъ стоубахъ ды всяць котлы,
 Ды всяць котлы отливаные;
 А по-подъ котлами ды горяць агви,
 А гараць агви ясененькіе,
 Ды идуць дымки синенькіе;
 Тамъ сидзяць дзѣлки старенкіе,
 Вараць воски жоуценькіе,
 Сучаць свѣчи двойчастыя,
 Двойчастыя и тройчастыя;
 Сподзеютца любыхъ гостційкоу
 Любыхъ гостційкоу—великодничкоу
 и пр. (*село Погорълоє, Инуменскаго уѣзда*).

Это несомнѣнно картина языческаго жертвоприно-
 шенія, сопровождавшася обыкновенно народнымъ пир-
 шествомъ, картина, нѣсколько измѣненная въ христі-
 анскомъ духѣ. Внѣшняя сторона этого обрядоваго тор-
 жества, обстановка его, весьма выдержана,—отъ нея
 такъ и вѣетъ духомъ древности; но тутъ уже дѣлки
 старенькіе, языческіе жрецы, не точатъ ножей булат-
 ныхъ, не собираются рѣзать козла, какъ это поется въ
 извѣстной великорусской „колядкѣ“, а варятъ „воски
 жоуценькіе“ (желтые), сучатъ свѣчи двойчастыя и трой-
 частыя, т. е. языческую жертву замѣняютъ христіан-
 ской. Но намъ здѣсь, главнымъ образомъ, интересно
 то, что для этого торжества, для встрѣчи дорогихъ
 гостей-великодничковъ понадобились высокія горы, на-
 столько понадобились, что пѣвецъ, совсѣмъ не къ
 мѣсту, громоздитъ ихъ на хозяйскомъ дворѣ, хотя,

разумѣется, и воскъ варить, и гостей встрѣчать гораздо удобнѣе на ровномъ мѣстѣ. Здѣсь пѣсня, очевидно, остается вѣрной стариннымъ обычаямъ, въ силу которыхъ нѣкоторыя языческія празднества должны были совершаться на горахъ.

И теперь въ Бѣлоруссіи выкликавіе весны и другіе весенніе обряды совершаются непремѣнно на горахъ, „на юру“.

Также сохранились отголоски прежняго поклоненія „рощеніямъ“, о которомъ упоминаетъ Густинская лѣтопись. Такъ въ Борисовскомъ уѣздѣ намъ приходилось слышать, что давнымъ давно, близъ Стараго Борисова, большого имѣнія, нѣкогда принадлежавшаго князьямъ Радзивилламъ, расположеннаго въ мѣстности богатой лѣсами, росъ на одной полянкѣ „стародавній дубъ“ очень большихъ размѣровъ. Если кто, бывало, рубнетъ его топоромъ, то непремѣнно съ тѣмъ случалось несчастіе. А когда, по приказанію владѣльца, срубили этотъ дубъ, то, падая, онъ раздавилъ всѣхъ рубившихъ его, и, вромъ того, цѣлую недѣлю свирѣпствовала страшная буря, съ громомъ и молніей, причинившая много бѣдъ.

Въ той же мѣстности и въ Игуменскомъ уѣздѣ до послѣдняго времени, среди выдѣлывателей клепки, ходило мнѣніе, что есть такія деревья, которыя рубить небезопасно: какъ ни берегись, а оно тебя придавитъ. Не совѣтуютъ рубить дерево, которое скрипитъ, ибо это вѣрный признакъ, что въ немъ человѣчья душа мучится. Срубившій такое дерево заставляетъ ее искать себѣ новаго пристанища, за это онъ можетъ

поплатятся увѣчемъ, а иногда и своею жизнью. Много связано повѣрій и съ осиною. Это дерево употребляется при волхованияхъ.

Всѣ растенія, по повѣрью, разговариваютъ между собою, и есть такіе люди, что понимаютъ ихъ рѣчь, и вслѣдствіе этого могутъ узнать, какая заключается въ нихъ сила: цѣлебная или ядовитая, — и въ какихъ болѣзняхъ извѣстное растеніе помогаетъ. Въ прежнія времена, говорятъ бѣлоруссы, много было такихъ людей, а теперь очень мало, но все-таки есть они.

Особенно отличаются таинственными свойствами папоротникъ и разрывъ-трава *Папоротникъ*, какъ гласитъ повѣрье, цвѣтетъ только въ ночь на Купалу (23 іюня): цвѣтетъ онъ одинъ мигъ; цвѣтки его горятъ, какъ искорки. Завладѣть этими цвѣтками очень трудно, ибо нечистая сила поставляетъ къ этому всякія препятствія: отводитъ глаза, а болѣе всего пугаетъ разными страхами, такъ что за это дѣло надо браться умѣючи, и даже не всякому чаровнику оно по силамъ. Всего чаще ушедшіе въ дѣсь за этимъ чуднымъ цвѣткомъ умираютъ со страху.

Собираетъ эти цвѣтки безпрепятственно только *Купальскій дзвдокъ*; онъ ходитъ съ луконачкомъ и наполняетъ его цвѣтами, такъ что луконачко горитъ какъ жаръ. Купальскій дзвдокъ — добрый. Если встрѣтиться съ нимъ и разостлать предъ нимъ бѣлую скатерть, то онъ броситъ на нее одинъ цвѣтокъ. Хватай, тогда скорѣе его и, разрѣзавши ладонь правой руки кледи подъ кожу: оттуда нечистикъ не достанетъ. Счастливый обладатель чуждаго цвѣтка получаетъ даръ

всевѣдѣнія, а въ особенности знаетъ, гдѣ какіе клады лежатъ и какъ къ нимъ приступить, знаетъ, какія заклятія на вѣхъ наложены и какъ ихъ отчаровать. Понятно что, «нечисльцики», стерегущіе клады, всѣми силами стараются отнять двѣтокъ.

Разрывъ-трава добывается особымъ способомъ. Эту траву знаютъ только вѣщія птицы, какъ напримѣръ, сокола, сова и сойка. Найдя гвѣздо съ птвенцами одной изъ этихъ птицъ, нужно въ немъ замазать глиной отверстіе, такъ чтобы птица не могла кормить своихъ дѣтей. Подъ деревомъ, на которомъ свито гвѣздо, слѣдуетъ разостлать скатерть и самому сирягаться подъ ней. Побуждаемая пискомъ голодныхъ дѣтенышей, желая освободить ихъ изъ неволи и накормить, птица полетитъ искать разрывъ-траву. Бываетъ, что она и находитъ ее. Тогда она прикладываетъ разрывъ-траву къ гвѣзду, и замазка съ него спадаетъ. Вотъ тогда-то и нужно смотрѣть на скатерть: не упала ли разрывъ-трава. Если найдете ее, разрѣжь ладонь на правой рукѣ и подсувь подъ кожу траву. Тогда стоитъ только толкнуть этой рукой въ запертую дверь — она отворится, стоитъ только взяться за замокъ — онъ самъ открывается.

Крестьяне вѣрятъ, что прославленные воры имѣютъ разрывъ-траву.

Животныя. Изъ міра животныхъ суевѣрное почитаніе вызываютъ главнымъ образомъ змѣи, а изъ нихъ особенно ужи. Эти послѣдніе, въ нѣкоторыхъ болотистыхъ мѣстностяхъ Вѣлоруссіи, гдѣ водится мно-

го ужей, и до сихъ поръ играютъ роль домашнихъ божковъ.

По повѣрїямъ, все змѣи обладаютъ вѣщею силой, необыкновенною мудростію, но одинъ только ужъ склоненъ употреблять свою мудрость на пользу дома, гдѣ онъ поселился,—и если угождать домашнему ужу, то и онъ, въ свою очередь, будетъ радѣть тому дому. Вообще поселеніе ужа въ домѣ считается хорошимъ предзнаменованіемъ: стоитъ только ужу угодить—и онъ будетъ приносить въ домъ счастье. Но бѣда, если домашняго ужа прогнѣвить: тогда онъ постарается жестоко отомстить. Поэтому крестьяне кладутъ своимъ ужамъ пищу и питье и вообще заботятся о томъ, чтобы не раздражать ихъ. Намъ не разъ приходилось слышать, что въ южной части Бобруйскаго уѣзда и далѣе къ югу, въ Полѣсьѣ, есть много ужей, совершенно ручныхъ, которые ѣдятъ изъ одной миски съ дѣтьми, посаженными ѣсть на полъ, какъ это часто бываетъ у крестьянъ. Думаютъ, что ужъ имѣетъ ядъ, но по добротѣ своей не пускаетъ его въ дѣло, не хочетъ жалить. Намъ передавали за вѣрное слѣдующій не вѣроятный разговоръ. Въ одномъ домѣ долго жилъ большой ужъ. Положилъ онъ въ хлѣву въ навозѣ свои яйца. Когда копали навозъ, нашли ихъ и взяли „на пробу“, чтобы узнать, какъ отвесится къ этому ужъ. Скоро онъ замѣтилъ пропажу яицъ. Тогда онъ забрался въ клѣтку и сталъ „плевать“ въ горшки съ молокомъ, чтобы отравить ихъ своимъ ядомъ. Это видѣла хозяйка. Отсюда заключили, что съ ужами нельзя шутить такихъ шутокъ

и немедленно возвратили яйца въ его гнѣздо. Увидѣвъ, что яйца принесены обратно, ужъ опять забрался въ клѣтъ и, обвинивши головой за пожку стола, а хвостомъ за молочный горшокъ, попрокидывалъ всё горшки, чтобы не отравить людей понапрасну. Убить ужа—большой грѣхъ, полагаютъ бѣлоруссы, а убить гадюку—дѣло душевнасительное: за это отпускается 12 грѣховъ.

Надъ всеми гадами есть царь. Подъ его личнымъ начальствомъ змѣи идутъ на зимнюю спячку. Царь-змѣй идетъ впереди, а за нимъ, въ несмѣтномъ числѣ, его пресмыкающіеся подданные. Онъ по величинѣ больше всехъ ихъ, чешуя его огливаегъ серебромъ и золотомъ, на головѣ его корона изъ маленькихъ золотыхъ рожковъ. Трудно встрѣтить змѣй во время ихъ такого перехода, ибо они выбираютъ для этого непроходимыя для человѣка мѣста. А если удастся встрѣтить змѣиный „вырой“, и разостлать передъ змѣинымъ царемъ скатерть, и положить хлѣбъ-соль, и поклониться ему до земли, то онъ, проползая черезъ скатерть, въ знакъ благодарности, сброситъ съ головы одишь золотой рожокъ. Кто илѣтъ такой рожокъ, тотъ обладаетъ необыкновенной мудростію и пророчествовательностію, такъ что въ состояніи угадывать чужія мысли, давать подходящія объясненія, выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Кромѣ того, никакой ядъ не дѣйствуетъ на счастливаго обладателя змѣинаго рожка.

Другое повѣріе относительно змѣй говоритъ, что змѣиное мясо, приготовленное такимъ образомъ, чтобы

ово лишилось ядовитости (а такой способ приготовления знают только большіе чаровники), сообщает тому, кто имъ питается, умѣнье понимать рѣчь животныхъ.

Къ *пѣнію курицы по-птициному* бѣлоруссы питаютъ суевѣрный страхъ, полагая, что такое пѣвіе предвѣщаетъ бѣду той семьѣ, чья курица, — не только предвѣщаетъ, но даже накликаетъ ее. Услышавъ, что курица поетъ пѣтухомъ, крестьяне говорятъ: на свою голову! — и тотчасъ же отрубаютъ зловѣщей пѣвунѣ голову, на порогъ избы. Это предохраняетъ отъ несчастія. Иные въ этомъ случаѣ поступаютъ такъ. Поймавъ ту курицу, которая пѣла, мѣряютъ ея, какъ аршиномъ, по прямой линіи, пространство отъ почетнаго угла до порога, поворачивая курицу попеременно то хвостомъ впередъ, то головою, — и если на порогъ ляжетъ голова, то ее тутъ же отрубаютъ, и курицу, зажавъ или сваривъ, съѣдаютъ; если же ляжетъ хвостъ, то, отрубивъ конецъ хвоста, сжигаютъ его, а курицу пускаютъ на свободу. Если она снова запоетъ, тутъ ужъ сразу отрубаютъ ей голову. Вѣроятно, — это остатокъ первобытныхъ умиловительныхъ жертвъ домовымъ божествамъ.

По возрѣніямъ бѣлоруссовъ, *опщими свойствами* отличаются: сорока, воронъ, кукушка и сова; всѣ эти птицы обладаютъ свѣдѣніями относительно судьбы человѣка и предсказываютъ ее, только надо понимать ихъ языкъ. Чаровники и ворожбиты умѣютъ понимать ихъ, поэтому-то, между прочимъ, они и предсказываютъ будущее. У нѣкоторыхъ чаровниковъ эти птицы состо-

ятъ въ услуженіи и приносятъ имъ всевозможныя вѣсти. Но и простые смертныя могутъ кое-что вѣдугадывать при помощи этихъ вѣщихъ птицъ. Сорока приноситъ и хорошія и дурныя вѣсти, но неважныя. Воронъ, каркающій вадъ домоу, предвѣщаетъ смерть одного изъ обитателей этого дома. По кукованію кукушки гадаютъ о долготѣи, замужествѣ, богатствѣ. Крикъ совы надъ домоу — дурное предзнаменованіе.

Съ летучей мышью, черной кошкой и чернымъ пѣтухомъ также связаны вѣкоторыя суевѣрныя представленія, но мы обратимся теперь къ самому распространенному виду фетишизма — къ *фетишизму слова*.

На первыхъ ступеняхъ развитія умъ первобытнаго человѣка не отличаетъ вполне предмета отъ его обозначенія словомъ: предметъ и его названіе какъ-то сливаются воедино въ сознаніи дикаря. Съ точки зрѣнія интеллигентнаго человѣка: „что имя? — звукъ пустой“... Мы сознаемъ, что не въ названіи дѣло. Но дикарь думаетъ иначе. По его понятіямъ, сообщить другому человѣку свое имя — это значить въ известной степени подчинить себя власти этого человѣка: обладая именемъ, колдунъ надъ нимъ, онъ можетъ причинить вредъ самому посетелю этого имени. Поэтому дикари или не сообщаютъ своихъ именъ тѣмъ людямъ, которые могли бы злоупотребить такимъ довѣріемъ, или же мѣняютъ имена. Къ этому порядку идей, свойственныхъ первобытному уму, слѣдуетъ отнести воззрѣнія на *тотемъ*, т. е. на одноименные предметы. Пояснимъ это. У дикарей въ обычаѣ давать людямъ имена одинаковыя съ названіями разныхъ предметовъ изъ міра животныхъ

или неодушевленной природы, напримѣръ: Сѣрый Волкъ, Дикая Кошка, Дубъ и т. д. Отсюда вотъ что выходитъ. Дикарь, который называется, положимъ, Дикая Кошка, не различая предмета отъ его названія, считаетъ всякую дикую кошку чѣмъ то общимъ, чѣмъ-то однороднымъ съ нимъ самимъ; она для него *тотэмъ*, тезка, — и этого довольно, чтобы онъ считалъ ее предметомъ священнымъ для себя. Онъ не только не убьетъ своего *тотэма*, но будетъ опасаться прицпавтъ ему какое-либо зло, хотя бы неволью. Слова, сливавшіяся въ представленіи дикаря въ одно цѣлое съ соотносительными предметами, во время господства фетишистическаго міросозерцанія надѣлялись такими же свойствами, какъ и самый предметъ, и были такими же фетишами, какъ и весь міръ. Въ періодъ одухотворенія и олицетворенія стихій, слово почиталось такою же стихійною силою, какъ и силы природы, и такъ же, какъ и эти послѣднія, имѣло своихъ боговъ.

Такое грубо-фетишистическое отношеніе къ слову сохранилось въ средѣ бѣлоруссовъ до сихъ поръ — и сохранилось въ значительной степени. Такъ они вѣрятъ, что можно овладѣть всякою вещью посредствомъ особаго слова: скажи только такое слово — и вещь или животное, или человѣкъ пойдутъ за тобою, будутъ дѣлать то, что имъ прикажешь. Также и въ колдовствѣ имя человѣка, котораго желаютъ „счаровать“, занимаетъ не послѣднее мѣсто.

Въ Бѣлоруссіи, до возсоединенія уніатовъ, а въ польской ея части и въ недавнее время, практиковался такой обычай. Если почему-либо было неудобно

везти новорожденнаго къ священнику крестить, и крещеніе отлагалось на вѣкоторое время, а вмѣстѣ съ тѣмъ желали дать ребенку имя, то кумовья или родители отиравались къ священнику одни и просили его прочитаты молитвы, положенныя при нареченіи имени, и произнести это имя надъ шапкой или дѣтсвямъ чепчикомъ; шапку сжимали рукой, иногда завязывали, чтобы имя не улетучилось изъ нея, и, принеся ее домой, одѣвали на голову ребенку. Такъ какъ не многіе священники соглашались исполнять такую просьбу, то крестьяне продѣлывали этотъ обрядъ самостоятельно: приносили имя въ шапку и одѣвали ее на голову ребенку.

Полагаютъ, что особенно чудесную силу имѣютъ слова, скомбинированныя въ созвучіи, въ рѣчь раздѣренную: почти всѣ бѣлорусскія заговоры и причитанія имѣютъ извѣстный складъ, иногда раздѣръ и риѣмы. Магическая сила слова можетъ быть механически передана другимъ предметамъ: стоитъ только произнести данное слова или цѣлый заговоръ надъ водой, хлѣбомъ, водкою и т. п. Кто проглотитъ „нашептанный“ хлѣбъ, воду, тотъ, полагаютъ, проглатываетъ и самыя слова. Если написать заговоръ на бумагу и проглотить ее самое или, сжегши, проглотить пепель, результатъ будетъ одинаковъ: слова или всоляютъ въ чловѣка боль, или вытѣсняють ее, смотря по тому, какія это были слова. Можно „пускать слова по вѣтру“, съ цѣлью причинить кому-нибудь зло, но это не совсѣмъ-то удобно, потому что они могутъ попасть и не туда, куда слѣдуетъ. Есть-такія слова, которыя повинуются

нечистая сила, но такія слова знаютъ только „хорошіе чаровники“.

Выше мы попутно приводили заговоръ противъ „починиць“. Но чтобы дать читателю болѣе полное понятіе о „фетишизмѣ слова“, приведемъ здѣсь тѣ заговоры, которые не сопровождаются особыми чародѣйскими дѣйствіями.

Вотъ заговоръ противъ укушенія змѣи, чтобы оно не имѣло дурныхъ послѣдствій:

На синемъ мори дванадцать дубу;
Подъ тѣми дубами дванадцать пашу читающъ,
Поганые зубы замоуляющъ.

Нужно проговорить трижды надъ больнымъ мѣстомъ, не переводя духа.

А вотъ другой противъ такъ называемаго *золотника* (болѣзнь матки):

Золотникъ, золотничокъ,
Золоцечкѣй рожокъ!
Сядъ на своемъ мѣсци,
Якъ пашъ на кресли.

(Игуменскаго у. с. Пережуръ).

Заговоръ противъ вывиха и полома костей:

У городзи Русалимъ Христа распинали, пашку давали, къ хресту присвождали, ручки ножки ломали, косточки хрущали. Приходъзла Прачистая Матка, горкія слезки проливала, Яго раны целѣвала (исцѣляла), косточки зращала, суставы скрѣщала. Зращися ты,

конецъ, у раба (такого-то или такой-то)
скрапичеся яго суставы, закрыицеся яго раны.

(Холопеничи, Борисовскаго уезда).

Этотъ заговоръ надо нашептывать каждый день, передъ восходомъ и закатомъ солнца, до тѣхъ поръ пока не спадеть опухоль. Впрочемъ, не ограничиваясь вѣрой въ цѣлебную силу заговора, бѣлорусскія знахарки умѣло вправляютъ вывихи и дѣлаютъ перевязки поломовъ костей; и та знахарка, которая сообщила намъ вышеприведенный заговоръ, въ цѣлительную силу котораго она безусловно вѣрила, искусно вправляла вывихи и налагала повязки при поломахъ, употребляя лубки и глину вмѣсто гипса.

Заговоры отъ кровотеченія:

Съ-падъ дуба каранистаго цекла Юрдань-рѣка: тамъ ишоу Иеусъ Христось и святая Илья: вадзяные ключи закрывалися, Юрдань-рѣка стававилася. Закрыйцеся жилы кровавыя! стань, не цячи, кроу чирвоная!

(Борисовскаго у).

Ишоу панъ Езусъ прать Юрдань;
Рѣка стала и кроу стань.

(Новогрудскаго у).

Заговоръ передъ отъѣздомъ въ дальнюю дорогу:

Першимъ разомъ, добрымъ часомъ. Господу Богу помолимся, хресту павлонимся. Учора зъ вѣчора соувѣйка играло, добрую до-

рогу провѣщала; сягоння зъ равку зара завя-
лася, у неби на парози зъ сонцемъ спотка-
лася; залатые ключи у ручки брала, дубовую
дзверку одыкала, шоуковый пологъ подымала,
соувійко не небо выпушала, добрую дорогу
провѣщала. Устау (или устала) я рано — под-
вйду къ ваковцу; щира я щира уздыхну
до Бога: дай-же мнѣ, Боже, счастливу до-
рогу! Ажъ св. Юрій кавя запрагае, св.
Ауласъ помогае, отъ бяды, напасьци зберегае.

Заговоръ произносится предъ иконами, на колѣ-
няхъ, а также его говорятъ на дворѣ, обходя вокругъ
лошади.

Приведемъ здѣсь еще нѣсколько заговоровъ, кото-
рые вашентываются на воду. Дѣлается это такъ. Бе-
реть знахарь кружку воды, выходитъ на дворъ, ста-
новится лицомъ къ востоку и произноситъ надъ водою
заговоръ, потомъ поворачивается лицомъ къ югу и за-
паду, каждый разъ произнося одно и то же. Самое
лучшее — продѣлывать это при восходѣ солнца. Это
называется „даць воды“: самый употребительный видъ
звхарскаго врачеванія въ Бѣлорусси. Наговорную
воду пьютъ, обмываютъ ею больныя мѣста, вливаютъ
въ уши и т. п.

Вотъ два заговора противъ „нутраныхъ“ болѣзней:

Чорная хмара (туча) на неба ушадзила,
ясное сонце закыла; панасила чорная хмара
мжаку (мглу) и туманы, панушала тугу
(печаль, тоску) в болѣзци, чорную и бѣлую

немочь на людзей, на живёла (животныхъ).
А мы Господа молимъ, мы сватыцеля просимъ:
пашли, Божа, целые вѣтры, прагани черную
хмару, тугу и балъзыци, черную и бѣлую
немочь, кабъ рабу (такому то) быць здоро-
вымъ, кабъ яго ножки стояли—яя млѣли, кабъ
яго ручки работыньку брали—крапчѣли, кабъ
яго вочки весяло глядзѣли.

*
* *

У цемнымъ лѣси стоиць гора высокая, тамъ
растуць дубы вячистые, тамъ стоиць церква
свяцоная, тамъ бяжиць вода цудоуная. А
я жь тую воду брала, балючее цѣла обмывала,
шиць давала, сладо вымоуляла: пашла не-
мочь зъ цѣла вонъ! Кали ты трасца идзи у
балота; кали падвѣй ты—идзи на вѣцерь;
кали ты рѣзанва—зарѣжься; кали ты суро-
цы—соль табѣ у вочя, кали ты съ пуду—
сама спужайся. Пашла хира (болѣзнь) зъ
цѣла вонъ!

(Холоничи, Борисовскаго у.).

Послѣдній заговоръ записанъ отъ знахарки, кото-
рая объяснила, что это заговоръ „жаноцѣй“, т. е.
употребляющійся жєнщинами.

Заговоръ отъ „зѣвду“:

Помолимся мы и поклонимся Господу Богу
и духу святому, тройцы святой ядыной, и
прачистой мацери божай, и святому воскрес-
нѣйбу христовому, честному, милосерному, и

усимъ святочкамъ, годовымъ празьничкамъ, кїивськимъ, пячерськимъ и рымськимъ и русалимськимъ, и Исакову и Якову, и Антоваю и Хвядосіаму, и святому Юру и Ягору, и святому вотчу Миколу. И святой вотча Миколочка, вы скорые помошники, вы божїа угодники, вы великія молитвеньники, вы жъ скоранько помогаетя,—гэтому рабъ бажаю чаловѣку, зьѣдъ замовляйтя, и злого чаловѣка на мхи на болоты ссылайтя. И найсвещая Марєя ина стоиць у храми Господнямъ, дзяржиць ина свое ключики золотєя при столи, чаровняку и злой хвороби замыкая губы и зубы, засылая ина яго и злую хворобу на мхи на болоты, на ницюю лозу, на колючюю грушу, дзѣ жъ быдлы не бѣгаюць, дзѣ птицы не летаюць, дзѣ вужи-гады не живуць, тамъ нехай злий чаловѣкъ и злая хвороба проживая и пробывая.

(Церковищ. вол. Могил. у).

Заговоръ отъ „уроць“ (сглазу):

Царица водица, красная дзявица, самоцвѣтница и угодница, и ходзила и гуляла, рыдысь-брыдысь обивала, круты береги обрывала, жовты паски привосила, бѣло каменява, сыро коренья. Обмывала царей, королев и увесь народъ христіянськїй,—обмный раба божаго (имя). Уговарюю я яго уроць стрѣшныя и попарешныя, подзивныи и посмѣшныи, жень-

скій и мужьскѣй и дзявоцкіи лихей. И ссылаю, издымаю усю печь яго, — не самъ собою, Господомъ Богомъ.

(*М. Рудня, Оршанск. у.*) *).

Заговоры и чародѣйства представляютъ наиболѣе интимную часть пережитковъ далекаго прошлаго. Когда мы обращались даже къ знакомымъ знахарямъ и чаровникамъ съ просьбою сообщить намъ извѣстные имъ заговоры, то почти всегда получали отказъ и увѣреніе, что они кромѣ того, какъ перекреститься, ничего не знаютъ. Въ силу этой интимности, въ силу того, что заговоры обыкновенно сохраняются въ одномъ какомъ-нибудь родѣ, а не пускаются въ оборотъ, не являются общимъ достояніемъ, какъ, напр., пѣсни, — въ силу всего этого въ нихъ должны наиболѣе чисто сохраниться возрѣнія языческой старины. И дѣйствительно, въ нихъ фигурируютъ обычные предметы поклоненія первобытныхъ людей: и дубы зеленые, коренистые, „вѣчистые“, упоминаемые иногда ни къ селу, ни къ городу, — безъ всякой видимой связи съ остальнымъ текстомъ заговора, и вода чудодѣйственная, и борьба двухъ началъ — свѣта и тьмы, солнца и тучи, закрывающей его и такимъ образомъ лишающей людей его живительнаго дѣйствія и вмѣстѣ съ тѣмъ насылающей на все живое „тугу и болѣзни, червую и бѣлую немочь“, туть и заря, отворяющая золотыми ключами

*) Последніе два заговора заимствованы изъ Вѣлорск сборн. Е. Р. Романова, вып. V, гдѣ собранъ богатѣйшій запасъ этого рода матеріаловъ.

небо, подымающая шелковый пологъ и выпускающая
 солище и т. п. Однако, на ряду съ этими, несомнѣн-
 но, первобытными чертами, въ нихъ заключаются и
 позднѣйшія наслоенія въ родѣ обращенія къ помощи
 Божьей Матери и святыхъ, въ родѣ упоминанія объ
 Іерусалимѣ, Гордань-рѣкѣ, церкви, священникахъ. Тутъ
 очевидно произведена замѣна древнихъ воззрѣній новѣй-
 шими, языческихъ божествъ — христіанскими святыми.
 Но это нисколько не лишаетъ эти заговоры фетишисти-
 ческаго характера, заключающагося въ самой сущности
 воззрѣній на значеніе заговоровъ, въ вѣрѣ въ ихъ
 чудодѣйственную силу: „что скажется, то и сбудется“.
 А эта вѣра крѣпко укоренилась въ народѣ. И всего
 печальнѣе то, что бѣлоруссы обращаются къ захарю
 съ просьбой „дать воды“ именно при серьезныхъ за-
 болѣваніяхъ, когда обычныхъ народныхъ медикамен-
 товъ, вродѣ питья липоваго цвѣта, натиранія комфо-
 рой, тертой рѣдькой, хрѣномъ, паренья въ банѣ кра-
 пивой вмѣсто вѣника и т. п. бываетъ недостаточно.

II.

Пережитки анимизма.

Въ началѣ предыдущей главы мы коснулись процесса осмысливанія вѣшняго міра, выражавшагося въ перенесеніи свойствъ человеческой личности на вѣшніе предметы. На ряду съ этимъ, въ душѣ первобытнаго человѣка развивался и другой процессъ, который антропологи называютъ *анимизмомъ*.

Сущность анимизма заключается въ томъ воззрѣніи, что человѣкъ и всѣ чувственные предметы — двойственны; что они состоятъ изъ видимой, осязаемой оболочки, за которою скрывается нѣчто неуловимое, топкое, невещественное, но всетаки существующее и тѣсно связанное съ нашимъ личнымъ существованіемъ, съ нашимъ страданіемъ и благополучіемъ.

Къ такому понятію, по мнѣнію Спенсера *), приводили дикаря наблюденія надъ облаками, которыя то появляются, спущаясь, въ извѣстныхъ очертаніяхъ, то таютъ и исчезаютъ; надъ звѣздами, появляющимися вечеромъ и исчезающими при дневномъ свѣтѣ; надъ

*) Основ. Соціод. т. 1.

вѣтромъ, который качаетъ деревья, вырываетъ ихъ съ корнями и однако невидимъ; также наблюденія надъ такими явленіями, какъ, наприим., тѣни: онѣ хотя и похожи на тѣ предметы, которые ихъ отбрасываютъ, но отличаются не уловимостью, тѣмъ, что ихъ „изъ стѣны не вырубить“; а также и надъ такими, какъ отраженіе предметовъ въ водѣ, какъ эхо и т. п. Но самое главное значеніе въ процессѣ выработки анимистическаго строя мышленія имѣли сновидѣнія. Въ виду ихъ важности въ этомъ отношеніи, мы считаемъ необходимымъ остановиться на нихъ нѣсколько дольше.

Представьте себѣ дикаря, которому приснилось, что онъ охотится за оленемъ, убиваетъ его, жадно пьетъ его теплую кровь, пожираетъ лучшіе куски мяса. Вотъ къ нему приходятъ его знакомые; съ одними онъ дѣлится своей добычей, другихъ отгоняетъ прочь, вступаетъ съ ними въ драку. Онъ видитъ своихъ покойныхъ родителей, родственниковъ и сосѣдей, давно умершихъ. Словомъ, онъ живетъ во снѣ полною жизнью, нѣсколько отличною отъ той, которую онъ ведетъ на яву.

Какое объясненіе можетъ дать дикарь всѣмъ этимъ явленіямъ? Какію онъ долженъ сдѣлать отсюда выводы?

Съ одной стороны, онъ лежалъ неподвижно, закрывши глаза, что удостовѣряютъ бывшіе въ хижинѣ во время его сна; съ другой—онъ ясно помнитъ, что онъ ходилъ, охотился, видѣлъ, ѣлъ, пилъ и проч. Какъ то, такъ и другое—одинаково несомнѣнно. Примирить это противорѣчіе возможно только при допущеніи, что въ немъ существуетъ другое „я“, которое

можетъ оставлять свою оболочку, тѣло, и удаляться въ міръ, отлчяный отъ нашего, ибо въ этомъ мірѣ наблюдаются такія явленія, какихъ въ дѣйствительности не увидишь. Изъ того, что онъ видѣлъ во снѣ своихъ отсутствующихъ друзей и знакомыхъ, онъ долженъ заключить, что ихъ „я“, что ихъ души, такъ же, какъ и его душа, способны покидать свои тѣла на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Случаи обмиранія, летаргіи, энцепаіи и т. п., нерѣдко встрѣчаемые въ дѣйствительности, приводятъ дикаря къ тому же заключенію и еще болѣе убѣждаютъ его въ справедливости своего предположенія. Изъ того же, что онъ видѣлъ во снѣ своего дѣда или сосѣда, которые давно умерли, онъ долженъ заключить, что умеръ не весь его дѣдъ, а только одна грубо-вещественная его оболочка; что внутренняя сущность отжившаго предка, его душа, не умерла, а только переселилась въ особый міръ, который и души живыхъ посѣщаютъ во время сна.

Такъ возникаетъ и укрѣпляется мнѣніе объ аналогичности явленій сна и смерти, мнѣніе, что смерть есть продолжительный сонъ и что, слѣдовательно, умершіе нуждаются въ удовлетвореніи потребностей, свойственныхъ живымъ людямъ. Отсюда же, мало по малу, развивается культъ предковъ, общій всѣмъ первобытнымъ народамъ; а также отсюда ведутъ свое начало воззрѣнія на происхожденіе нѣкоторыхъ болѣзней и средства къ лѣченію ихъ *).

*) См. объ этомъ Спенсера—Основ. Соціол. и Тэйлора—Первобыт. культур.

Пережитки анимистическаго строя мышленія живо сохранились и въ міросозерцаіи бѣлоруссовъ. Но мы здѣсь рассмотримъ только тѣ изъ нихъ, которые связаны съ представленіями о снѣ и сновидѣніяхъ, душѣ и загробной жизни, относя въ особую главу анимистическія воззрѣнія на происхождение болѣзней и ихъ лѣченіе.

Сны и сновидѣнія. Бѣлоруссы еще сохраняютъ воззрѣніе, свойственное первобытной ступени умственнаго развитія, что во время сна душа выходитъ изъ тѣла и посѣщаетъ разныя мѣста, въ томъ числѣ и такія, которыя недоступны человѣку въ бодрствованіи, какъ напримѣръ загробный міръ. Однако она не покидаетъ тѣла совершенно. По мнѣнію однихъ *) — она какъ бы вытягивается изъ рта въ видѣ неизмѣримой ленты, которая однимъ концемъ остается въ чело-вѣкѣ, а другимъ можетъ быть, гдѣ хочетъ. Этимиъ объясняется, что тѣло во время сна живо. Другіе же, игнорируя послѣднее соображеніе, полагаютъ, что душа выходитъ изъ тѣла волюнѣ, но, какъ бы далеко она не отлучилась, не отпускаетъ тѣла изъ виду, и если ему грозитъ опасность или если спящаго будятъ, то спѣшитъ возвратиться на свое мѣсто. Какъ тѣ, такъ и другіе толкователи согласны въ томъ, что крѣпкій сонъ, когда человѣка трудно разбудить, зависитъ отъ крайняго удаленія души.

Сны — это видѣнія души во время ея странствованія. Въ реальности этихъ видѣній бѣлоруссы нисла

*) Между прочими — Розалия Осьмаковой — знахарки и толковательницы сновъ (Борисовск. уѣз.).

не сомѣваются. Только надо ихъ, эти видѣнія, понимать. Отсюда толкованія сновъ. Одно понимается прямо, другое — аллегорически или по аналогіямъ, а иное толкуется въ обратномъ смыслѣ, — словомъ, представляется широкой просторъ свотолкователямъ.

Приведемъ, для примѣра, нѣсколько традиціонныхъ толкованій.

Видѣть во снѣ пона — имѣть дѣло съ нечистой силой; видѣть похороны — къ свадьбѣ; пожаръ — счастье, богатство; видѣть бобы, горохъ — лить слезы; вырвать зубъ или лишиться какого нибудь члена своего тѣла — означаетъ смерть близкаго человѣка; если при этомъ течетъ кровь — значить умереть кровный родственникъ и т. п.

Особое значеніе придается сновидѣніямъ, въ которыхъ фигурируетъ кто нибудь изъ умершихъ родственниковъ. Тутъ надо стараться такъ или иначе угадать ихъ волю и исполнить ее *).

Пророческій смыслъ придается также „сновному бреду“. Но такъ какъ онъ часто бываетъ отрывоченъ, безсвязенъ, такъ что изъ него, при самыхъ грубыхъ натяжкахъ, мудро выведи какое нибудь заключеніе, то, чтобы избѣжать этого, совѣтуютъ, лишь только начнется бредъ, взять спящаго одной рукой за мизинецъ и, слегка поглаживая другой рукой его руку, да-

*) Даже самое названіе сновидѣній указываетъ на отношеніе ихъ къ загробному міру. „Видѣть во снѣ“ — по бѣлорусски *трызнить*. Это слово стоитъ особнякомъ въ бѣлорусской рѣчи, не имѣя однокоренныхъ и производныхъ. Намъ кажется, что не будетъ излишней смѣлостью сблизить его съ древн. славянск. словомъ „трызна“.

вать ему вопросы; тогда онъ будетъ отвѣчать связно и толково и не будетъ въ состояніи угаивать что-нибудь. Между прочимъ, такимъ способомъ ревнныя мужья испытываютъ вѣрность своихъ жень.

Понятіе о душѣ. Изъ предыдущаго отчасти видно, что бѣлоруссы представляютъ себѣ душу, какъ нечто матеріальное, но болѣе тонкое, чѣмъ осязаемые предметы. Душа, по ихъ объясненію, — „духъ“, паръ (какъ въ банѣ), который можетъ безконечно измѣнять свою форму и принимать различныя образы, а равно быть невидимымъ. Многіе положительно увѣряютъ, что они, будучи при умирающемъ, видѣли, какъ душа выходитъ изо рта въ видѣ пара *). Въ недавнія времена, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи и теперь, тещась послѣ смерти одного изъ домашнихъ, ставятъ на столѣ миску съ водой и вѣшаютъ передъ образами или около окна чистое полотенце, чтобы душа могла умыться и утереться.

Въ случаѣ долгой агоніи, когда „душѣ трудно разстаться съ тѣломъ“, открываютъ отдушину, а иногда выдираютъ изъ потолка доску, чтобы дать душѣ свободный выходъ на волюный воздухъ.

Чаровникамъ, что „душу чорту запродали“, особенно трудно умирать; имъ не помогаетъ и „громничая“ свѣча **), которую, обыкновенно, даютъ въ руку умирающимъ: душа ихъ, зная, что ее ожидаетъ

*) Въ Малороссіи, наоборотъ, крестьяне полагаютъ, что душа, подобная пару, существуетъ только у нехристей.

**) Освященная на „Громницы“ (2 февр.), предохраняющая отъ грома и пожара.

въ загробномъ міръ, не хочетъ покидать тѣл, и черти выдирають ее особыми крючьями.

Загробный міръ и пережитки культа предковъ.

Послѣ смерти челоуѣка душа его не сразу переходитъ въ загробный міръ: сорокъ дней она еще остается въ родномъ селѣ; изъ нихъ сначала шесть дней бродитъ около дома и три дня по своимъ огородамъ и полямъ. Послѣ этого срока она или отправляется на тотъ свѣтъ, куда ей предназначено—въ некло, въ отхлань (нѣчто въ родѣ чистилища), въ рай—или же остается здѣсь, на землѣ, отбывать свою „покуту“: поселится въ деревѣ (такое дерево скривить), въ животномъ и даже въ челоуѣкѣ. Такой челоуѣкъ страдаетъ всю жизнь, пока поселившаяся въ немъ душа не искупитъ своихъ грѣховъ.

Эти послѣдовательные переходы души во время путешествія ея въ загробный міръ сопровождаются „поминальными столами“, вѣроятными остатками языческой тризны, основанными на томъ представленіи, что челоуѣкъ и по смерти нуждается въ пищѣ и питьѣ и что удовлетвореніе этихъ потребностей покойника есть нравственный долгъ его родственниковъ, за невыполненіе котораго они рискуютъ подвергнуться мести со стороны умершаго. Первый поминальный столъ устраивается въ день погребенія и приглашаются къ этому столу всѣ бывшіе на „хавтурахъ“. Обязательныя блюда—кутья, клецки и блины; что сверхъ этого—зависитъ отъ состоятельности родственниковъ покойника, но чѣмъ больше будетъ „потравъ“, кушаньевъ, тѣмъ больше чести умершему. Ни одинъ поминальный столъ

не обходится безъ водки, но пьютъ въ мѣру: павиться допьяна, какъ это бываетъ на свадьбѣ, на крестинахъ, въ этомъ случаѣ было бы неприличіемъ. Пьютъ не только посторонніе, но и близкіе покойному люди, пьютъ, чтобы заглушить горе, чтобы притупить сознание невозвратимой потери. Застольныя бесѣды посвящаются памяти „небожчика“, при чемъ выставляются на видъ только лучшія стороны его характера и только похвальные поступки.

Другіе помывальныя столы — шестины, девятины, сорочины и погодки — ничѣмъ не отличаются отъ вышеописаннаго, и даже шестины и девятины въ послѣднее время рѣдко устраиваются: развѣ ужь семья покойнаго очень богата и желаетъ оказать ему особую честь. Но сорочины и погодки должны быть обязательно справляемы. Первые, если то позволяетъ время года, сопровождаются „прикладзинами“, т. е. приведеніемъ въ приличный видъ могилы в постановкою креста или памятника. Памятники ставятся изъ камня, изъ дерева, отесаннаго на подобіе гроба, а въ вѣкоторыхъ мѣстностяхъ сооружается надъ могилою маленькій домикъ. На сорочины приглашаются только родственники и ближайшіе сосѣди. Послѣ постановки креста или памятника, женщины начинаютъ, обыкновенно, голосить по усопшемъ, „причитывать“, припадая къ его могилѣ. Причитанье — это слезная импровизація, въ которой, съ одной стороны, дается исходъ естественному чувству горести, но вмѣстѣ съ тѣмъ это обрядъ, такъ сказать, публичное выраженіе горя, связанное съ восхваленіемъ покойнаго: нѣчто въ родѣ

надгробныхъ рѣчей, принятыхъ въ образованномъ обществѣ. Въ этомъ смыслѣ причитанью придается немаловажное значеніе, такъ что, напрямѣръ, одинокіе люди нерѣдко скорбятъ о томъ, что на ихъ могилѣ некому будетъ плакать. Иногда роль плакальщицъ берутъ на себя постороннія женщины, но это выходитъ изъ обычая. По окончаніи голошенія для присутствующихъ устраивается трапеза тутъ же на могилѣ, когда это удобно, или въ хатѣ.

Если въ могилѣ находятъ человѣческія кости, то или роютъ яму въ другомъ мѣстѣ, или бросаютъ въ нее мѣдную монету на покупку мѣста у прежняго владѣльца, „кабъ небожчики не дралися“.

Погребеніе, подъ вліяніемъ духовенства и школы, въ послѣднее время болѣе или менѣе очистилось отъ языческихъ обычаевъ; но и теперь иногда кладутъ въ карманъ покойнику-курильщику трубку съ табакомъ, а нюхальщику — табакерку. Въ недавнія же времена клали вожи, гребни, а мастерамъ нѣкоторые ихъ инструменты, а тѣмъ, кто любилъ выпить, и водку ставили въ бутылкахъ или „глякахъ“ (глиняныя бутылки). На кладбищахъ, коная могилы, иногда находятъ эти вещи *).

Теперь въ этомъ отношеніи сталъ распространяться болѣе возвышенный взглядъ: самымъ вѣрнымъ спосо-

*) Ходятъ разсказы, что копалешники ямъ находили бутылки съ водкой. Кто выпивалъ ее, то тутъ же падалъ мертвымъ, потому что водка напиталась „мертвымъ духомъ“. Намъ случалось видѣть вырытыя „гляки“, но они были безъ водки, потому что пробка сгнила и водка вылилась или испарилась.

бомъ для передачи чего нибудь покойнику считается дареніе нищему. Это мѣнѣе отразилось даже въ народномъ творествѣ. Такъ въ одной сказкѣ говорится, что одинъ покойникъ, явись на тотъ свѣтъ, былъ очень удивленъ, когда ангель подвелъ его къ пустому столу, тогда какъ другіе покойники имѣли передъ собой столы, уставленные разными „вапитками и наѣдками“. Онъ проситъ разъяснить ему: почему это такъ? что онъ за исключеніе? Ему отвѣчаютъ, что тѣ, которые имѣютъ пищу, привесли ее съ собой. Тогда онъ проситъ Бога отпустить его домой, чтобы заесться пищей, такъ какъ ему нечего ѣсть. Не умирать же ему съ голоду? Богъ его отпустилъ. Явился этотъ человекъ домой и приказалъ своимъ домохозянкамъ приготовить самой разнообразной пищи и питья и при томъ въ возможно большомъ количествѣ. Приготовили изрядный запасъ. Все это свалили ему въ могилу. Отправился онъ и самъ на кладбище въ сопровожденіе друзей и знакомыхъ. Слѣдомъ шло много нищихъ, которые просили у него подавнія. Но онъ, изъ жадности, ничего не хотѣлъ имъ дать. Случилось, что одинъ пирогъ, при перевозкѣ, свалился въ грязь. Постыдился онъ нести его на тотъ свѣтъ и отдалъ нищему. Чуть только легъ этотъ человекъ въ гробъ, какъ и очутился на томъ свѣтѣ. Подходить онъ къ своему столу и видитъ, что на немъ лежитъ только тотъ грязный пирогъ, что онъ отдалъ нищему.

Въ этомъ разсказѣ, несомнѣнно, слышится протестъ противъ грубо-матеріалистическаго взгляда на загробный міръ. Однако прогрессъ въ этомъ отношеніи сдѣ-

лавъ еще незначительный; большинство и по сей день вѣрятъ, что матери, оставившія послѣ смерти грудныхъ младенцевъ, являются ихъ кормить, и частыя боли въ животѣ ребенка приписываютъ недоброкачественности „мертвецкаго“ молока; объ этомъ же свидѣтельствуютъ и вѣрованія въ *дѣдовъ и бабъ* и обряды, основанные на этихъ вѣрованіяхъ.

Такъ, по возрѣніямъ бѣлоруссовъ, весной, вмѣстѣ съ оживаніемъ природы, съ пробужденіемъ ея отъ зимняго сна, оживаютъ и души мертвыхъ и выходятъ изъ тѣсныхъ гробовъ ея вольный свѣтъ. Полагаютъ, что опѣ нуждаются въ пищѣ и питъѣ, что овѣ ѣдятъ и пьютъ, но рѣдко: три—четыре раза въ годъ съ нихъ вполне достаточно. Для удовлетворенія этой потребности и въ знакъ уваженія къ предкамъ, періодически устраиваются поминальные столы, по бѣлорусски — «дзяды» *). Въ такіе дни все какъ-то торжественно настроены, полны ожиданія чего-то таинственнаго. Разговоры, обыкновенно, вращаются около умершихъ; вспоминаются обстоятельства ихъ жизни, вкусы, привычки; чисто случайныя явленія приводятся въ связь съ обитателями загробнаго міра: сидеть, напримеръ, птичка на окно, какъ ужъ въ ней видятъ душу покойника, который чего-то хочетъ отъ родныхъ, о чемъ-то напоминаетъ имъ. Начиваются догадки, предположенія... Старики, которые уже хранятъ „сорочку въ смерть“, видятъ въ этомъ знаменіе своей близкой

*) Въ Бѣлоруссіи „дзяды“ справляются въ субботу предъ мясопустною недѣлей, во вторникъ на Фоминой, на канунъ Троицы и 24 октября (Дмировскіе дзяды).

ковчины: „Это такой то, говорятъ они, за мной являлся; нужно готовиться въ дальнюю дорогу“... Въ этотъ день обязательно чистятъ взбу, словно бы къ приѣму дорогихъ гостей.

«Дзѣдуюць» поздно вечеромъ. Покрываютъ столъ бѣлой скатертью, кладутъ хлѣбъ-соль, ставятъ кутью; предъ образами зажигается свѣча,—и всѣ молятся за усопшихъ. Послѣ сего хозяинъ выходитъ за дверь и призываетъ предковъ, «дзядовъ», раздѣлить со всѣми домочадцами обрядовую трапезу, которая доходитъ до 7 блюдъ. Бѣдятъ «покладаючися», т. е. проглатывать ложку «поправы» и предоставляютъ то же сдѣлать дзѣдамъ — кладутъ для нихъ свои ложки. Но, принимая во вниманіе, что дзѣдовъ можетъ быть больше, чѣмъ кладется ложекъ, хозяева отливаютъ и откладываютъ всякой пищи на окна и подъ столъ.

Есть обычай—ничего не убирать со стола послѣ этой вечери, чтобы „дзѣдамъ“ было что ѣсть, когда они соберутся ночью.

Бабы справляются на канунѣ дзѣдовъ. Но этотъ обычай распространенъ весьма мало; мы наблюдали его только въ Дешельскомъ уѣздѣ. По существу обрядовая сторона «бабъ» ничѣмъ не отличается отъ «дзѣдовъ», только блюдъ готовится меньше.

Радоуница, или „небожничій великъ день“ (вторникъ на Троиной недѣлѣ) отливается отъ другихъ дзѣдовъ тѣмъ, что въ этотъ день поминальная трапеза устраивается непременно на могилахъ. Въ этотъ день хозяйки обязательно пекутъ „грибки“, т. е. толстые блины изъ пшеничной муки, на маслѣ и яйцахъ; зава-

саются водкой; къ этому прибавляются куличи, яйца, сыръ, масло и другіе остатки пасхальныхъ яствъ. Все это, завязанное въ скатерть, несутъ на кладбище; тамъ покрываютъ скатертью могилу, которая къ этому дню проводится въ порядокъ, и разставляютъ на ней принесенное. Что не съѣдятъ, оставляютъ на могилѣ; на нее же льютъ водку, если покойникъ любилъ выпить, сынятъ табакъ, если онъ былъ курильщикъ или пыхальщикъ. Иные, слѣдуя болѣе возвышенному взгляду, всѣ остатки отдають нищимъ, оставляя на могилѣ только пасхальное яйцо.

Вампиры. Самымъ чудовищнымъ порожденіемъ первобытнаго аявизма, несомнѣнно, является вѣра въ вампировъ или, по бѣлорусскому произношенію, вупароу, упырей. Эти чудовища страшно кровожадны; особенно они любятъ кровь человѣческую, но, при случаѣ, не брезгаютъ и кровью животныхъ.

Только люди, знавшіеся при жизни съ нечистой силой, превращаются по смерти въ вампировъ. По ночамъ они приходятъ въ дома своихъ бывшихъ недруговъ, а иногда даже друзей и родныхъ, ложатся на грудь избранной жертвы, припадаютъ губами къ ея сердцу и высасываютъ горячую кровь. Увидѣвъ „вупара“, можно узнать, кѣмъ онъ былъ при жизни, ибо основныя черты онъ сохраняетъ и послѣ смерти, только у него губы раздуваются отъ частаго сосанія, а языкъ дѣлается остеръ, какъ змѣиное жало. Его - то вупаръ и запускаетъ въ грудь человѣка и потомъ изъ ранки высасываетъ кровь. Рана остается небольшая, такъ что ея и не замѣтишь, тѣмъ болѣе, что вам-

пирь ее искусно засасывает. Только по блѣдному лицу — такъ говорить повѣрье — можно узвать жертву алчности вампира. Тогда нужно пригласить свѣдущаго человѣка, знахаря, чтобы узвать, кто этотъ вунаръ. Впрочемъ, для смѣльчака — это дѣло нетрудное. Нужно на ночь спрятать подъ сосудъ зажженную восковую свѣчку, стараясь, чтобы свѣчка не потухла. А послѣ полуночи — когда разгуливаетъ нечистая сила — нужно, по временамъ, приподнимать сосудъ и освѣщать комнату. При внезапномъ освѣщеніи вунаръ видѣнъ. Тогда бей его на отмашь осиновымъ полѣномъ, зарпѣе, конечно, приготовленнымъ. Такимъ образомъ его можно „отвадить“ отъ этого дома. Но чтобы окончательно прекратить его ночныя похождения, для этого повѣрье рекомендуетъ присмотрѣться, на кого изъ умершихъ извѣстныхъ чаровниковъ онъ похожъ. Узавши, надо раскопать гробъ этого чаровника, отрубить ему голову и положить ее между ногъ, а тѣло прибить къ землѣ осиновымъ коломъ. Это считается радикальнымъ средствомъ противъ вампира.

III

Пережитки олицетвореній.

При посредствѣ сновидѣній и нѣкоторыхъ другихъ факторовъ, первобытный человѣкъ, какъ мы видѣли, научился одухотворять предметы, находить за ихъ чувственной, матеріальной оболочкой неуловимую, неослаемую сущность, — словомъ, пришелъ къ заключенію о двойственности какъ его самого, человѣка, такъ и всего вѣшняго міра.

Это весьма важный шагъ впередъ въ процессъ развитія человѣческой мысли и въ дѣлѣ выработки міросозерцанія. Волею онъ и самъ по себѣ, и по своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ. Достаточно обратить вниманіе на то обстоятельство, что фантазія, подъ вліяніемъ сновидѣній, создавая міръ грезъ, наполняя его причудливыми образами, тѣмъ самымъ шевелила застывшій мозгъ дикаря, пробуждала его коснѣющую мысль, призывала ее къ дѣятельности. Работа мысли не пропадаетъ даромъ: она даетъ въ результатъ или увеличеніе заваса званій, большую точность ихъ, или улучшеніе мыслительной способности; всякій шагъ на этомъ пути облегчаетъ слѣдующій, и всегда его обу-

словливаетъ. Пробужденная мысль первобытнаго человѣка, подчиняясь данному ей толчку, начинаетъ углубляться въ раскрывающійся предъ ней міръ, проникаетъ въ него дальше и разностороннѣе, чѣмъ это было возможно при одномъ грубо-матеріалистическомъ отношеніи къ предметамъ наблюденія. Если прежде, въ періодъ фетишизма, дикарь зналъ отдѣльные предметы, легко подмѣчалъ единичные признаки, то на дальнѣйшей ступени развитія, по мѣрѣ накопленія наблюдений, онъ сталъ подмѣчать болѣе общіе признаки, видовые и родовые,—и умъ его, поднятый анимистическимъ строемъ мышленія на высшую ступень, получилъ нѣкоторую способность къ отвлеченіямъ: онъ разбилъ наблюдаемыя явленія на группы, сообразно ихъ общимъ признакамъ, и создалъ соответствующія понятія видовыя и родовыя. Прежде, положимъ, первобытный человѣкъ зналъ березу, сосну, дубъ,—теперь онъ звать *дерево*. Прежде, положимъ, онъ зналъ *свѣтъ огня*, приносилъ ему жертвы, попросту — кормилъ его, бросая въ очагъ часть своей добычи, въ благодарность за то, что онъ его обогрѣлъ; но замѣтивъ тождество между своимъ огнемъ и всякимъ другимъ, онъ сталъ поклоняться *огню вообще* и приносить ему жертвы. То же самое можно вывести и относительно другихъ предметовъ, которымъ поклоняются дикари.

Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе накопленія все большаго и большаго количества наблюдений, при чемъ предполагается, что умъ человѣческій ихъ переваривалъ, группировалъ, обобщалъ; вслѣдствіе педагогическаго вліянія старшихъ поколѣній, болѣе опытныхъ,

На младших; влѣдствіе, наконецъ, такихъ факторовъ, какъ естественный подборъ и борьба за существованіе, изъ которыхъ первый подхватывалъ улучшения въ оргавахъ мышленія, передавая ихъ по наслѣдству, закрѣпляя ихъ въ потомствѣ, а второй давалъ побѣду умѣйшему, болѣе приспособленному къ борьбѣ,—влѣдствіе всего этого мысль человѣческая, въ рядѣ поколѣній, все болѣе и болѣе совершенствовалась, становилась способной къ болѣе широкимъ обобщеніямъ и отвлеченіямъ.

Отсюда въ процессѣ выработки міросозерцанія вотъ что выходитъ. Человѣкъ, подмѣтивъ единообразіе извѣстнаго класса явленій, заключаетъ о единствѣ воли ихъ производящей. Но волю онъ знаетъ только въ личностяхъ; поэтому онъ создаетъ *личныхъ* дѣятелей, управляющихъ этими явленіями. Подобно тому, какъ нѣкогда онъ переносилъ на предметы внѣшняго міра свойства своей личности, такъ и теперь воображаемыхъ дѣятелей природы онъ творитъ по образу и подобию своему, надѣляя ихъ свойствами, присущими человѣку. Такъ наступаетъ стадія *политеизма*, олицетворяются стихіи, являются „ово боги небесніи, а другіи земніи, а другіи польстіи (полевые), а другіи водніи“.

Характеръ этихъ олицетвореній, ихъ свойства, ихъ размѣры, ихъ сила зависятъ, какъ показалъ Бокль *), главнымъ образомъ, отъ *общаго вида природы*, среди которой обитаетъ данный народъ. Такъ напримѣръ въ странахъ, наполненныхъ высокими горами,

*) Истор. цивилиз. въ Англіи, т. I.

вершины которых покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, подверженныхъ частымъ землетрясеніямъ и вулканическимъ изверженіямъ; въ страпахъ, гдѣ протекають большія рѣки, причиняющія страшныя наводненія, иногда образующія шумныя водопады, гдѣ свирѣютъ оустошительные ураганы, гдѣ растительность пышна, могуча, недоступна для человѣка, гдѣ множество ядовитыхъ змѣй, кровожадныхъ звѣрей, словомъ, гдѣ жизнь дикаря въ постоянной опасности,—въ такихъ странахъ, умъ первобытнаго человѣка, подавленный величіемъ природы, цѣпенѣетъ, мало развивается, а фантазія, возбуждаемая разнообразными явленіями къ дѣятельности и не регулируемая, не сдерживаемая въ надлежащихъ предѣлахъ разсудкомъ, паритъ чрезмѣрно развивается. Дѣло понятное. Съ одной стороны, сопоставляя, сравнивая свои слабыя силы съ силами величественной природы, человѣкъ, вооруженный знаніемъ, долженъ притти къ печальному сознанію своего безсилія, а при такихъ условіяхъ у него едва ли могутъ пробудиться помысли къ ближайшему изслѣдованію природы, къ подчиненію ея своей власти, ябо сознаніе своего безсилія—плохой помощникъ во всякомъ дѣлѣ, въ томъ числѣ и въ дѣлѣ изслѣдованія природы, пропизновенія въ ея тайны. Съ другой стороны, непониманіе грозныхъ явленій природы порождаетъ страхъ передъ ними, а страхъ возбуждаетъ фантазію, иногда до болѣзненности. Естественно, что воображеніе, пораженное страхомъ, олицетворяя грозную, могущественную стихію, придаетъ своему созданію соотвѣтственно грозный, могущественный, даже чудовищный образъ.

Совершенно противоположное мы видимъ на крайнемъ сѣверѣ. Чрезвычайное однообразіе природы этого края, а слѣдовательно и скудость впечатлѣній отъ вишней дѣйствительности, обусловило бѣдность міеологическаго творчества его обитателей. Таинъ мачиха-природа, такъ сказать, придавила своей ледяной рукой творчество своихъ пасынковъ, парализовало его.

Среднее между двумя этими крайностями представляетъ намъ природа умѣренныхъ странъ, особенно тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ высокихъ горъ, вулкановъ и частыхъ землетрясеній, гдѣ растительность не столь пышна и недоступна, какъ въ странахъ тропическихъ, гдѣ крупныхъ хищниковъ и другихъ вредныхъ животныхъ гораздо меньше, гдѣ климатъ здоровѣе, словомъ — гдѣ природа представляется заботливою матерью, которая не балуетъ своихъ дѣтей излишней роскошью, не излѣживаетъ ихъ, но и не пугаетъ своей суровостью или недоступностью. Въ такихъ странахъ умъ человѣческій менѣе запуганъ, критическая мысль болѣе развита и равновѣсіе между развитіемъ ума и фантазіи не нарушено, а вслѣдствіе этого и образы міеологическаго творчества обитателей такихъ мѣстностей лишены чрезмѣрной чудовищности и волосальности, болѣе подходятъ къ размѣрамъ человѣческой личности.

Въ зависимости отъ природы бѣлорусскаго края, не блещущей, какъ извѣстно, яркими красотоми, величественностію, могуществомъ, недоступностію, и олд-

цетворенія ея силъ и другія созданія мифологическаго творчества бѣлоруссовъ, поскольку они сохранились въ памяти и воображеніи этого народа, также не отличаются величіемъ, особеннымъ могуществомъ, пластичностью своихъ формъ, отчетливостью очертаній; напротивъ, почти всѣ они блѣдны, расплывчаты, недостаточно опредѣленны. Надо полагать, что они потусквѣли отъ времени, поистерлись, какъ стирается старая монета отъ долговременнаго употребленія; но, въ силу вышесказанныхъ основаній, можно думать, что и въ былыя времена они не отличались особенной яркостью и рельефностью. — Отъ нѣкоторыхъ мифологическихъ созданій сохранились лишь незначительныя обрывки, клочки, по которымъ нельзя составить цѣльнаго представленія.

Чуръ. Такъ напримѣръ бѣлорусское заклятіе, употребляемое для огражденія отъ нечистой силы: «Чуръ мяне!» — представляетъ, какъ думаютъ, обращеніе къ покровительству божества Чура или Щура. Названіе отдаленнаго предка, производное отъ Щуръ, именно — пращуръ, употребляемое и теперь не только у бѣлоруссовъ, но и у великоруссовъ и малоруссовъ, даетъ основаніе предполагать, что Чуръ — божество родовое, предокъ, родоначальникъ, который и по смерти «радѣетъ» своему роду и охраняетъ его членовъ отъ козней духовъ враждебныхъ родовъ и вообще отъ всякой нечистой силы. Другое производное бѣлорусское слово отъ этогоже имени «зачураться» значитъ призвать Чура и тѣмъ оградить себя отъ нечистой силы, а

также значить пропести черту углемъ или мѣломъ *) или чѣмъ-нибудь другимъ на земль или на полу, за которую, согласно повѣрью, никакая нечистая сила не можетъ перейти. Такъ „чураются“ всѣ тѣ, которымъ приходится имѣть дѣло съ нечистой силой, особенно съ вампирами; такъ „чураются“ въ подобныхъ же случаяхъ герои народныхъ сказокъ. Изъ этого можно заключить, что Чурь, вѣроятно, считался охранителемъ границъ родовыхъ владѣнй, что онъ не позволялъ другимъ духамъ пропикать за черту, за свою межу. Это мнѣнйе отчасти подтверждается смысломъ другого бѣлорусскаго глагола: „отчураться“, что вообще значить — не касаться, считать себя непричастнымъ, а въ частности значить отказаться отъ батьковщины. Даже и въ первомъ случаѣ, когда желаютъ выразить окончательный, рѣшительный отказъ отъ чего-нибудь, то употребляютъ выраженйе: „отчураться хаты и таты“. Это наводитъ на мысль, что первоначальный смыслъ слова выражалъ отказъ отъ родового имущества и рода, означалъ, такъ сказать, выходъ изъ-подъ власти и вѣдѣнй Чура. Вотъ, кажется, и все, что сохранилось въ языкѣ народа относящагося къ Чуру, но въ воображенйи народа не осталось о немъ никакого представленя.

Пережитки вѣрованйи въ усадебныхъ божествъ.

Болѣе посчастливилось въ этомъ отношенйи другимъ

*) Угли для этого надо выбирать изъ печи, вытопленной въ Страстной четвергъ до восхода солнца, или брать съ „каганца“, когда справляется „женильба комина“: а мѣль рекомендуютъ употребить тотъ, которымъ лишуть кресты на косякахъ въ день Крещеня.

первобытнымъ божествамъ, которыхъ мы назвали бы *усадебными*, ибо подвѣдомственная имъ область ограничивается крестьянской усадьбой; впрочемъ, даже и эта тѣсная сфера размежевана между ними довольно точно и опредѣленно. Мы говоримъ о дымовомъ (домовомъ) или хатникѣ, еуникѣ или гуменикѣ, лазьникѣ и хлѣвникѣ. Первые три божества разнятся только названіями, да сферою своего вліянія, а по своему характеру и даже по своему виду, или, вѣрнѣе, по тому виду, которымъ ихъ надѣляютъ бѣлоруссы, сходны между собою. Есть основанія полагать, что хатникъ, еуникъ и лазьникъ (отъ лазня — баля) — это олицетворенія первобытнаго домашняго фетиша — огня.

Хатникъ или дымовый напоминаетъ собою великорусскаго домового. Въ воззрѣніяхъ бѣлорусса онъ надѣляется всѣми качествами домовитаго хозяина. Тѣ, кому онъ „здавауся“, какъ выражаются бѣлоруссы, т. е. представлялся, привидѣлся, — говорятъ, что онъ имѣетъ видъ старенькаго дѣдка, съ сѣдой бородою и длинными сѣдыми волосами; одѣтъ онъ въ „насоу“ (бѣлорусск. холщевый кафтанъ), а другіе говорятъ — въ бѣлую рубаху; подпоясанъ онъ „дьягой“ (ременнымъ поясомъ), а по другимъ версіямъ — лыкомъ. Спитъ онъ на печи или подъ печью, поэтому его иногда называютъ *подпечникомъ*. Встаетъ онъ рано и пугаетъ пѣтуха, толкая его. Пѣтухъ, съ испугу, хлопаетъ крыльями и кричитъ, чѣмъ будить хозяевъ на работу. Иногда домовый, какъ говорятъ многочисленные

разказы и повѣрья о немъ, вздуваетъ огонь и идетъ въ клѣтъ или въ „свирень“ (амбаръ) и прогушиваетъ хлѣбъ, пересыпая его горстями; заглядываетъ въ хлѣвъ и задаетъ корму лошадямъ и коровамъ, гладитъ ихъ и холитъ. Такія ухаживанія „господаря“ (другое названіе дохового) очень благодѣтельны: зерно „споритѣсь“ отъ пересыпаній домового, скотъ становится бодрѣмъ и выносливымъ отъ его поглаживаній. „Господарь“ любитъ дружную семью, онъ не терпитъ сварливыхъ бабъ и иногда строго наказываетъ зачинщиковъ семейныхъ несогласій: ночью, во время сна, онъ наваливается зачинщику на грудь и душитъ его. Иногда же онъ любитъ и пошалить, когда въ хорошемъ расположеніи духа, когда всѣ дѣла идутъ хорошо и хорошее предвидится въ будущемъ: тогда онъ илишетъ на „лавѣ“ въ хатѣ или въ клѣтѣ или въ сѣняхъ. Когда же семья предстоитъ несчастія, онъ, предчувствуя это, начинаеть завывать по ночамъ и этимъ предупреждаетъ хозяина. Съ домовымъ нужно жить въ мирѣ, нужно умѣть ему угождать, а это требуетъ извѣстнаго искусства со стороны домохозяина. Прогнѣвишь домового — и онъ не только не будетъ „сиріять“, но даже можетъ повредить въ хозяйствѣ.

Въ некоторыхъ мѣстностяхъ Вѣлоруссіи (Ворисовскій и Лепельскій уѣзды), при закладкѣ новаго дома, подъ однимъ изъ угловъ отрубають голову пѣтуху, которую и зарываютъ тутъ же въ землю или просто кладутъ подъ угловой камень. Пѣтуха же жариваютъ для обычной закуски при закладкѣ всякаго новаго зданія. Иногда этотъ обрядъ совершается при

закладѣ печи (*). Это несомнѣнно остатокъ прежнихъ жертвъ домовому; тѣмъ болѣе, что въ древности курь часто приносили въ жертву богамъ, какъ объ этомъ, между прочимъ, упоминается въ словѣ Христолюбца: „Куры имъ (богамъ) рѣжють“.

Къ отголоскамъ первобытныхъ жертвоприношеній домовому также надо отнести повсемѣстно распространенный въ Бѣлоруссіи обычай затыкать въ углы и щели дома человѣчьи волосы, вычесанные или остриженные, и ногти. Въ настоящее время домовые, какъ видно, менѣе кровожадны, если, вмѣсто животрепещущаго мяса и теплой крови, довольствуются такими неудобоваримыми вещами, какъ волосы и ногти.

Намъ кажется, что домовый представляетъ съ одной стороны антропоморфизацію огня, домашняго очага, на что указываетъ названіе „дымовый“ (**), а также то обстоятельство, что его мѣстопробываніе главнымъ образомъ приурочивается къ печи, къ очагу. Правда, но тѣмъ же вѣроваціямъ, живетъ онъ и въ клѣти; но клѣти въ Бѣлоруссіи въ большинствѣ слу-

*) Пониманіе значенія этого обряда утеряно бѣлоруссами: совершается онъ просто по традиціи. Намъ, впрочемъ, объясняли зачѣмъ отрубать голову нѣтуху при закладѣ печи: „чтобъ куры плодились“. (Зимой ихъ держатъ въ подпечникахъ).

**) Впрочемъ, можетъ быть, что это искаженное произношеніе великорусскаго „домовой“; это названіе (дымовый) малоупотребительно въ Бѣлоруссіи: домовый больше слыветъ подъ именемъ *господаря*, *хатника*, *подпечника* и иногда — *затпечника*. Но если даже это только неправильное произношеніе великорусскаго слова, то и оно характерно, такъ какъ показываетъ, что домового, хатника народъ ставитъ въ непосредственную связь съ огнемъ.

чаевъ устраиваютъ теплыя, съ печами, чтобы можно было пускать туда зимой приплодъ домашнихъ животныхъ и ставить все то, что не должно замерзать (такія кѣлты называются *истопками*, *издобками*; отъ слова — топить, тепло), и тамъ, въ кѣлты, его помѣщаютъ на печи или подъ печью, что не только не опровергаетъ нашего предположенія, а скорѣе подтверждаетъ его. Съ другой стороны — на домового, вѣроятно, перенесены нѣкоторыя черты Чура, обоготвореннаго родоначальника, либо домового, по повѣрью, отличается такими атрибутами, которые свойственны родовому божеству: домового, напр., убаюкиваетъ раскричавшихся дѣтей и надсматриваетъ за ними, если они предоставлены самимъ себѣ*).

Евникъ и Лазьникъ. Но за то отъ домового отдѣлились евникъ и лазьникъ, которые тоже, несомнѣнно, „огненного происхожденія“, тоже одицетворенія огня. Они получили свои особня, слишкомъ ужъ узкія, области: первый — евню (овинъ), второй — лазню (баню). Бѣлорусскій овинъ и баня, по своему устройству, очень мало отличаются другъ отъ друга, и овинъ нерѣдко замѣняетъ баню. Также мало отличаются другъ отъ друга и ихъ оберегатели, такъ что мы можемъ считать евника и лазьника родными братьями и ближайшими родственниками домового.

Евникъ живетъ въ овинѣ, въ печкѣ или на печкѣ; по вѣрности онъ отличается отъ домового только тѣмъ, что этотъ послѣдній „сдается“ въ бѣломъ „на-

*) Отсюда, вѣроятно, пословица: Богатому чортъ дѣтей колышетъ.

совѣ“, а евникъ черевъ (надо полагать—отъ постоянной копоти безтрубой печи), только глаза, какъ угли горять. Тотъ и другой съ рѣшительно хозяйственными наклонностями: евникъ по ночамъ подметааетъ гуно, вѣетъ зерно, придаетъ ему „спорню“, а у *знающихъ* хозяевъ даже молотить по утрамъ.

Когда насаживаютъ евню, т. е. кладутъ снопы для просушки, то бросаютъ снопы въ огонь; также по окончаніи молотбы, оставляютъ снопы ржи въ сѣвѣ, чтобы евнику „была завятка“. Если прогнѣвить его, то онъ начнетъ бросать снопы въ огонь и сожжетъ овинъ,—такъ объясняютъ бѣлорусскіе крестьяне частые пожары овиновъ, происходящіе отъ дурной васадки сноповъ.

Лазьникъ любитъ париться и мыться; ему оставляютъ для этой цѣли вѣвникъ и воду. Свои омовенія онъ совершаетъ послѣ полуночи, а потому не любитъ, чтобы кто-нибудь оставался до этого времени въ банѣ. Если же кто остается такъ долго, то лазьникъ начинаетъ бросать съ печи камни, стараясь убить дерзновеннаго.

Хлѣвникъ. Нѣсколько инымъ характеромъ отличается хлѣвникъ. Домовой и евникъ всегда желанные гости, съ ними дружатъ, имъ угождаютъ. Они сравнительно ярава безобиднаго, заботятся о приумноженіи хозяйства, если живутъ въ ладу съ хозяиномъ. Но не таковъ хлѣвникъ и не таково отношеніе къ нему. Какъ только обнаруживаютъ, что онъ завелся, сейчасъ же стараются его выжить, избавиться отъ него. И не диво! по повѣрью—онъ вортитъ скотъ; онъ ѣздитъ по

ночамъ на лошадахъ въ конюшнѣ, а отъ такой ѣзды лошадь быстро худѣтъ слабѣтъ и, если не избавить ее въ время отъ хлѣвника, то вскорѣ околѣваетъ. Иногда онъ ѣздитъ попеременно то на одной, то на другой лошади, а иногда привязывается къ какой нибудь одной излюбленной. Лошадь бьется, мечется, старается сбросить хлѣвника, но это ей не удается. Она ржетъ, зоветъ на помощь хозяина; войдетъ онъ — никого пѣтъ, только лошадь взмылена и не можетъ отдышаться. То же бываетъ и съ коровами, — и на нихъ хлѣвникъ ѣздитъ. Коровы бѣгають по хлѣву, мычатъ, быстро тощажуть и перестаютъ давать молоко.

Хлѣвникъ почему-то боится сороки, и опытные вучера вѣшаютъ эту вѣщую птицу надъ дверями конюшни. Но ворожбитка и лѣкарка м. Холопеничъ Борисовск. уѣзда, Розалія Осьмакъ, отъ которой мы позаимствовали значительную часть нашихъ матеріаловъ, сообщила намъ, что самое вѣрное средство изгнать хлѣвника — слѣдующее. Нужно свить изъ «поскопи» *) кнутъ (пугу), — свить въ три „стволки“; на концѣ завязать три узелка; отъ нихъ на разстояніи одной пяди еще три, а черезъ пядь и еще три. Этотъ кнутикъ навязать на осиновое «пугавье». Въ ночь, когда настаётъ „молодзикъ“ (новолуніе), передъ воротами хлѣва поставить жаровню съ осиновыми горячими углями; впрочемъ, могутъ быть угли и другіе, но осиновые какъ будто бы лучше. Когда все это готово, тогда, взявши корову или лошадь за хвостъ, нужно гнать ее

*) Конопля съ тычиновыми цвѣтками.

через хлѣвъ къ двери, стегая настмашь кнутикомъ и стараясь перегнать черезъ жаровню. И такъ перебивать всѣхъ коровъ и лошадей. При этомъ слѣдуетъ приговаривать: „Пошла, хира (немочь, болѣзнь, погань) наузвѣй вѣцерь“!

Или же:

Якъ у насъ Юрья

Кони пасецъ,

Статокъ сциражець,

Ничистую силу

Прочь отгоняиць,

Хлѣуника и цюка

Вожахомъ периць,

Приговариваиць:

Хира у лѣсь! (Э) *).

Если на которомънибудь животномъ и сидѣлъ хлѣвникъ, то, отъ соединеннаго воздѣйствія кнута изъ „поскоинныхъ“ волоконъ, который разѣкаетъ его тѣло до крови, огня, котораго онъ боится, и, наконецъ, заговора, которому придается чудесная сила, онъ не дерзаетъ возвратиться всякъ и оставить стадо въ покоѣ.

Изъ сказаннаго видно, что хлѣвникъ едва-ли былъ когданибудь богомъ-покровителемъ стада. Атрибуты Волоса, скотьяго бога, перенесены на св. Георгія, котораго народъ и считаетъ покровителемъ стада, защитникомъ отъ волковъ, вовколаковъ, хлѣвниковъ, гадовъ, вѣдмъ-коровницъ, отбирающихъ у коровъ молоко; тог-

*) Этотъ же заговоръ произносятъ пастухи, обходя стадо, когда въ первый разъ выгоняютъ его на пастбище.

да какъ хлѣвникъ является силой враждебной, недоброжелательной, причиняющей вредъ стаду, силой, противъ которой необходимо бороться при помощи св. Юрья и огня-очистителя. Искуснымъ считается тотъ пастухъ или конюхъ, который умѣетъ умилостивить св. Юрья и изгнать, въ случаѣ надобности, хлѣвника.

Также очевидно, что хлѣвникъ не представляетъ, такъ сказать, разновидности домового, ибо домовый, какъ мы видѣли выше, любитъ лошадей и коровъ, ласкаетъ ихъ, ходитъ и отъ его уходаживаній скотъ улучшается, тогда какъ хлѣвникъ, разъ онъ поселился въ хлѣву, приноситъ животнымъ только вредъ. И прототипъ домового, огонь, имѣетъ свойство изгонять его. Домовому надлежитъ быть въ каждомъ порядочномъ домѣ, а хлѣвникъ появляется случайно или насыляется лихими людьми.

Змѣй-демоноссъ. Чтобы покончить съ домашней «нечистой силой», намъ еще необходимо сказать нѣсколько словъ о змѣѣ-носителѣ-денегъ.

Про каждого сколько нибудь богатаго крестьянина въ Вѣлоруссїи говорятъ, что „ему змѣѣ гроши носить“, и вы встрѣтите немало людей, которые самолично, возчїю, видѣли де этого змѣя; при томъ вамъ укажутъ чей овъ, т. е. какому богачу принадлежить. Но всего интереснѣе то, что такіе змѣѣ, по рассказамъ, производятся искусственно. На этотъ счетъ существуетъ такое повѣрье. Если черный пѣтухъ проживетъ семь лѣтъ, то къ концу седмого года свесетъ особаго вида яйцо, напоминающее, будто бы, по формѣ раковину обыкновенной улитки. Это яйцо нужно по-

сидеть подъ мышкой три года. Тогда вылупится изъ него малевкѣй змѣнышъ. Его нужно холить, держать въ теплѣ, кормить яичницей (это его исключительная пища) и ничѣмъ не раздражать. Выросши, онъ станетъ летать, отыскивать клады и носить деньги своему хозяину. Живетъ змѣй въ клѣткѣ (истощкѣ), никому не показывается. Туда ему хозяинъ или хозяйка каждодневно носятъ свѣжую яичницу. Но ее почему-то нельзя солить: ничѣмъ такъ не прогнѣвишь змѣя, какъ посоливши ему яичницу. За это онъ сжигаетъ все хозяйское добро и самъ улетаетъ. Вообще онъ, разсердившись, метитъ пожаромъ. Если кто-нибудь увидитъ его несущаго деньги и оскорбитъ неприличіемъ, то онъ деньги разсылетъ, а своего хозяина почему-то сожжетъ.

Каковъ видъ у этого змѣя?

Мы предлагали этотъ вопросъ тѣмъ лицамъ, которыя, по ихъ словамъ, видѣли его. Отвѣты получались разные. Но большинство того мнѣнія, что онъ похожъ на обыкновеннаго ужа, только гораздо больше его, — весь золотой, горитъ, какъ жаръ, и имѣетъ крылья. Другіе уподобляютъ его человѣку, который, впрочемъ, можетъ летать.

Намъ часто приходилось слышать въ деревнѣ: Змѣй полетѣлъ. Это былъ какой-нибудь блестящій метеоръ.

Сопоставляя все вышесказанное, мы затрудняемся, гдѣ искать предковъ змѣя. Что это одинъ изъ пеллатовъ, изъ домовыхъ, не подлежитъ сомнѣнію: это только особый видъ домового; это — клѣтничекъ, потому

что въ хатѣ онъ не живетъ, а только въ клѣти. Возможно, что онъ представляетъ дальвѣйшую эволюцію ужей-фетишей; но съ другой стороны—слишкомъ бросается въ глаза его „огненный характеръ“: онъ и самъ какъ жаръ горитъ, и когда летитъ, то оставляетъ огненный слѣдъ, и разсердившись, сжигаетъ хозяйское добро, такъ что послѣднее заставляеть предполагать въ немъ одно изъ олицетвореній огня. Чтобы примирить эти противорѣчя, намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ предположить, что это созданіе народной фантазіи представляетъ сліяніе двухъ фетишей: огня и ужа; такимъ образомъ и получилось представленіе объ „огненномъ змѣѣ“, какимъ его воображаетъ бѣлорусскій народъ. А если вѣрно предположеніе, что домовикъ, котораго бѣлоруссы воображаютъ въ человѣческомъ видѣ, есть олицетвореніе огня, тогда становится понятнымъ и угодобленіе змѣя-деньговосца человѣку.

Олицетворенія стихій. Выше мы видѣли, что усадебныя божества, за исключеніемъ одного Чура, довольно стчетливо представляются воображенію бѣлоруса. Но нельзя того же сказать о стихійныхъ божествахъ, олицетворенійхъ силъ природы, болѣе удаленныхъ отъ непосредственныхъ, такъ сказать, домашнихъ интересовъ бѣлорусскаго крестьянина.

Напримѣръ отъ *Перуна*, бога небснаго огня (слѣдовательно, родственника домового),—бога, какъ говорятъ лѣтотписи, нѣкогда главенствовавшего на славянскомъ Олимпѣ,—отъ этого громоноснаго и дождящаго бога сохранилось очень немного. Перунъ убиваетъ,

посылая свои каменные стрѣлы въ клубахъ огня; стрѣлы убиваютъ, а огонь сожигаетъ. Свои удары онъ направляетъ болѣе всего на чорта; а чортъ любитъ прятаться во время грозы подъ деревомъ, поэтому опасно становиться подъ деревья, чтобы укрыться отъ дождя: вмѣсто чорта Перунъ можетъ убить человека. При громѣ и молніи надо креститься, чтобы отогнать отъ себя чорта.

Намъ не разъ приходилось слышать такое объясненіе происхожденія грома и молніи. Перунъ держитъ въ рукахъ два чрезвычайно громадныхъ жернова, третью ими и ударяетъ одинъ о другой; трепіемъ и ударами сию производитъ громъ и извлекаетъ молнію, подобно тому, какъ извлекаютъ искры, ударяя сталью о кремень. Осколки жернововъ, отскакивающіе при ударахъ, летятъ на землю и во ржаютъ, какъ стрѣлы. Мы уже имѣли случай говорить, что перуновыми стрѣлами народъ называетъ каменные топоры и ножи.

Водзяникъ или *Водзяный* живетъ въ „живой“ водѣ, т. е. только-что пробившейся изъ-подъ почвы. Каждый „вирь“ (водоворотъ, а также источникъ въ рѣкѣ или озерѣ) имѣетъ своего водзяника; они же обитаютъ въ кривцахъ бездонныхъ, въ глубинахъ рѣкъ и озеръ, вообще въ такихъ мѣстахъ, которыя зимою не замерзаютъ это — по объясненію народа — ледъ таетъ отъ дыханія водзяника. Сохранилось до сихъ поръ воззрѣніе, что водзяникъ требуетъ человѣческой жертвы, и невольные утопленники считаются жертвами его хищничества: онъ тянетъ ихъ къ себѣ на дно. Въ Бѣлоруссіи указываютъ много мѣстъ, на которыхъ, по

предавію, были нѣкогда озера, и въ нихъ обитали слишкомъ жадные водяные. Они очень часто таскали людей „у вирь“. Тогда окрестные жители обращались къ какой-нибудь знахаркѣ, и она, отыскавъ вирь, смѣло нырала на дно, затыкала жерло—главный источникъ озера—„горохвинами“ и закладывала сверху камнемъ. Вода въ озерѣ мало-по-малу изсыкала, и водяной переселился куда-нибудь въ другое мѣсто.

Русалки. Въ водѣ же живутъ и русалки. Онѣ, впрочемъ, могутъ считаться „земноводными“, потому что обитаютъ въ водѣ только съ осени до „русальной недѣли“ (первая послѣ Троицы). Тогда онѣ выходятъ изъ воды и поселяются на вѣтвяхъ деревьевъ, особенно на березахъ. Русалки качаются на ихъ гибкихъ вѣтвяхъ; подзывая прохожихъ: „человѣкъ! человѣкъ! ходи колыхаться!“ А если кто сдурю подойдетъ къ нимъ близко, то онѣ защекочуть его до смерти.

Представляются онѣ воображенію бѣлорусса красивыми женщинами, съ распуцелыми длинными волосами. Пока русалки не выйдутъ изъ воды, т. е. до русальной недѣли, считается опаснымъ купаться, потому что или болѣзнь какая-нибудь привлечется, или русалки къ себѣ затащатъ въ глубь рѣки и утопятъ.

Существуетъ повѣріе, что души дѣтей, умершихъ до крещенія, превращаются въ русалокъ.

Лѣшій. Надъ лѣсами и всѣмъ, что въ нихъ, властвуетъ лѣшій. Это, кажется, наиболѣе величественный образъ, созданный фантазіей бѣлорусса. Оно и понятно: въ природѣ его страны, за исключеніемъ грозныхъ явленій, дремучіе лѣса были наиболѣе вели-

чественны, таинственны, болѣе всего поражали воображеніе своимъ заунывнымъ шумомъ при легкомъ вѣтрѣ и трескомъ ломающихся деревьевъ, стономъ, пронзительными вошлями, дикимъ хохотомъ и другіи странными звуками, которые наполняютъ лѣсъ во время бури или урагана. Подъ вліяніемъ впечатлѣній изъ жизни могучихъ лѣсовъ своей родины бѣлорусскъ и создалъ образъ своего лѣсовика или лѣшаго. Онъ растетъ въ уровень съ деревьями того лѣса. въ которомъ разгуливаетъ. Онъ можетъ увеличиваться и уменьшаться, приравливаясь къ величинѣ деревьевъ. Онъ чрезвычайно силенъ: когда разыграется въ лѣсу во время бури, то съ корнемъ вырываетъ могучіе дубы, на куски ломаетъ вѣковыя сосны, въ доску кладетъ множество деревьевъ, застилая свой путь въ лѣсу, чтобы никакая сила не могла пробраться по его слѣдамъ къ его логовищу. А живетъ онъ въ такъ называемомъ „маточникѣ“ — это середина пущи, совершенно недоступная для обыкновеннаго смертнаго. *Маточникъ* окруженъ непроходимымъ лѣсомъ, запруженъ массою валежника и сверхъ того — его облегаютъ засывающие болота, которыя не замерзаютъ и въ самыя суровыя зимы. Тамъ-то и живетъ лѣшій со своими звѣрами и птицами. Всѣ крупныя звѣры туда идутъ умирать: они только знаютъ таинственныя тропы, которыми можно пробраться въ маточникъ.

Когда лѣшій разгуливаетъ по своимъ владѣніямъ, его сопровождаютъ стада звѣрей и стаи птицъ, особенно совы, филины, вѣроны и сороки. Голоза его покрыта длинными кудрями, такъ что напоминаетъ вер-

хушку сосны; громадное туловище одѣто въ звѣринныя шкуры — волчьи и медвѣжьи — шерстью навыворотъ; руки и ноги толсты и крѣпки, какъ стволы дубовъ, глаза горять, какъ у волка или совы. Онъ „ржець“, хохочетъ, когда веселъ; волкомъ воетъ, когда печаленъ; рычитъ, какъ медвѣдь, когда золъ, а по времени дико взвизгиваетъ. Онъ плещетъ въ ладоши, и отъ этого трескъ идетъ по лѣсу. Въ рукахъ онъ держитъ иногда громадную дубину, которою ударяетъ по деревьямъ; оттого-то, какъ полагаютъ, и слышится въ лѣсу грохотъ. По другой версіи — въ рукахъ у него длинный бичъ, которымъ онъ хлопаетъ, подгоняя своихъ спутниковъ.

Такой лѣшій водится только въ большихъ лѣсахъ и пущахъ; съ нимъ очень ужъ опасно встрѣчаться. А въ малыхъ лѣсахъ и лѣшій бываетъ поменьше; впрочемъ и ему пальца въ ротъ не клади: можетъ незрядно напугать человѣка и волками затравить.

Подвѣй — это тотъ духъ, который кружится въ вихрѣ. Онъ поражаетъ людей особой болѣзью, которая тоже называется подвѣемъ: набѣжить вихрь на человѣка — и свернетъ ему голову набокъ, отниметъ языкъ, а нето скрючитъ руку или ногу. Поэтому надо спасаться отъ вихря. Когда онъ кружится, надо показывать ему кукишь: этого подвѣй не любитъ и промчится стороной, не набѣжавъ на человѣка.

Другихъ олицетвореній изъ области атмосферическихъ явленій бѣлоруссы не знаютъ.

книжки въ 1895 году. Печать напечатана въ Казани; в типографии Казанского университета. — 1895.

IV.

Пережитки солнечнаго культа.

Достигнувъ известной степени умственного развитія, первобытнй человекъ, наблюдая явленія природы, не могъ не замѣтить той зависимости, въ которой находятся растенія отъ солнечной теплоты и свѣта. Когда же такъ или иначе было сознано, что безъ теплоты и свѣта не можетъ быть растительной жизни, то отсюда не трудно слѣлать выводъ, что безъ растеній не возможна жизнь животныхъ, а безъ тѣхъ и другихъ не возможна жизнь человека. Это сознаніе, на ряду съ другими причинами, въ разборъ которыхъ мы не намѣрены вдаваться, повело къ обоготворенію солнца, какъ источника теплоты и свѣта, какъ плодотворнаго начала, *дождь-бога*, дающаго изобиліе плодовъ земныхъ и самую жизнь; а обоготвореніе повело къ созданію культа, въ которомъ выражалось въ известныхъ формахъ отношеніе человека къ обоготворяемому свѣтилу.

Культъ солнца былъ тѣмъ болѣе развитъ и его ровикновеніе въ міросозерцаніе народа тѣмъ глубже и значительнѣе, чѣмъ больше народъ освоился съ мирны-

ми земледѣльческими занятіями и зависѣлъ отъ нихъ, а не отъ войны и грабежа.

Наши предки, какъ извѣстно, вынесли свои вѣровавія изъ своей первобытной родины — арійскаго нагорья, страны вѣчнаго солнца и лазурнаго неба, гдѣ имъ были уже извѣстны пачатки земледѣлія. А такъ какъ и осѣвши на новыхъ мѣстахъ они продолжали заниматься земледѣліемъ, то понятно, что культъ бога земледѣлія и мирныхъ искусствъ, солнца, игралъ въ нихъ міросозерцаніи и въ обрядовой сторонѣ ихъ жизни важную роль, о чемъ свидѣлствуютъ памятники нашей древней письменности и многочисленные пережитки.

Бѣлоруссы, какъ народъ преимущественно земледѣльческій, въ своихъ воззрѣніяхъ, обрядовыхъ пѣсняхъ и празднествахъ сохранили немало такихъ характерныхъ особенностей, которыя являются видимымъ отраженіемъ древняго солнечнаго культа. Правда, въ бѣлорусской рѣчи не сохранилось прежнихъ наименованій, приписываемыхъ солнцу, въ родѣ Сварожича, Хорса Дажьбога, Ярилы, но древнія празднества въ честь солнца, связанныя съ весеннимъ и осеннимъ равноденствіемъ, съ зимнимъ и лѣтнимъ солнцестояніемъ, и теперь отбываются въ Бѣлоруссіи. Они, конечно, припоровлены къ христіанскимъ праздникамъ, но связаны съ такими воззрѣніями и сопровождаются такими обрядами, которые ничего общаго не имѣютъ съ христіанскимъ значеніемъ праздника. Таковы коляды, масленица и великодніи, кувала и богачъ.

Общая черта всѣхъ этихъ празднествъ — ихъ открытый, общественный характеръ; они празднуются „сборъ-

дружиной“, толпой; это не то что „дзяды“, которые справляются каждой семьей отдѣльно.

Коляды. Трудно сказать, что означало слово *коляда*. Было ли это названіе божества, или названіе праздника, посвященнаго нѣкоторому божеству, или то и другое вмѣстѣ,—на этотъ счетъ только можно дѣлать болѣе или мѣнѣе остроумныя догадки: ученые изслѣдованія, поскольку они касались этого вопроса, не даютъ ничего положительнаго и убѣдительнаго. Но наблюдая обряды и суевѣрія, связанныя съ этимъ празднествомъ, изслѣдуя колядныя пѣсни, можно придти къ заключенію, во-первыхъ, что коляды служили началомъ года, во-вторыхъ, что празднованіе ихъ имѣло тѣсную связь съ хозяйственной стороною жизни народа, съ его земледѣльческими возрѣніями и въ-третьихъ, имѣло, въ нѣкоторой степени, связь съ брачными или вообще половыми отношеніями народа.

Все это даетъ основаніе отнести коляды къ числу празднествъ солнечнаго культа.

А такое празднество могло возникнуть только тогда, когда первобытный человѣкъ настолько обогатился наблюденіями, настолько развилъ свой умъ, что могъ установить связь между важнѣйшими явленіями внѣшняго міра, могъ понять, хотя бы и несовершенно, грубо-эмпирически, соотношеніе между ними; когда онъ уже имѣлъ представленія о прошломъ и заглядывалъ въ будущее, а не только жилъ интересами текущаго дня. Для этого, какъ показали наблюденія надъ жизнью дикарей, человѣкъ долженъ былъ пройти долгій путь.

Но когда была замѣчена правильная послѣдовательность времени года и установлена зависимость ихъ отъ того или иного положенія солнца на небѣ, было естественно считать началомъ года то время, когда солнце какъ-бы возрождается, поднимается все выше и выше, свѣтитъ дольше, когда дни увеличиваются, а ночи уменьшаются; празднованіе же колядь почти совпадаетъ съ этимъ временемъ. Затѣмъ, разъ установлена связь между солнцемъ и плодородіемъ, естественно было придать празднеству въ честь солнца земледѣльческій характеръ. А такъ какъ эта связь понимается порвобытнмъ умомъ въ томъ смыслѣ, что солнце своими любовными ласками оплодотворяетъ землю, отсюда могло возникнуть представленіе, что любовь, половое влеченіе, находится въ зависимости отъ солнца, есть слѣдствіе его вліянія. Отсюда *любовный* (въ половомъ смыслѣ) характеръ празднества. Впрочемъ, должно сказать, что эта сторона солнечнаго культа довольно слабо выражена въ колядныхъ обрядахъ; она сосредоточена главнымъ образомъ въ празднованіи купалы.

Бѣлоруссы употребляютъ слово *коляда* въ двухъ значеніяхъ: какъ названіе празднества и какъ названіе продуктовъ, приготовляемыхъ къ колядамъ изъ свинины: колбасы, сала, окороковъ, — все это въ собирательномъ смыслѣ называется колядою. Напримѣръ, выражаются такъ: дати ему немного коляды, разумѣя кольцо колбасы, кусокъ сала и т. п.; или же: у него всю коляду украли, — при чемъ также разумѣются

продукты, приготовленные изъ свиного мяса Въ этомъ же смыслѣ поется въ колядной пѣснѣ:

Вхала Коляда по яду,
Разсыпала коляду.

А въ первомъ смыслѣ, въ смыслѣ празденства, названіе коляды присвоивается тремъ днямъ: кануну Рождества — это постная коляда; кануну новаго года — это богатая коляда, иначе тоустая, тлустая (жирная), щедрыкъ; и кануну Крещенія Господня — это кщеская коляда или голодная. Но въ пѣкоторыхъ мѣстностяхъ подь словомъ коляды разумѣютъ все время съ 24 декабря по 6 января. Иногда вмѣсто коляды употребляютъ слова *кутця*, т. е. названіе главнаго блюда, обязательно приготовляемаго на каждую коляду, присваиваютъ самому дню. Но какогонибудь личнаго существа, называемаго колядой, народъ не представляет; по крайней мѣрѣ намъ не удалось подмѣтить скольконибудь ясныхъ признаковъ того, что такое представленіе существуетъ, хотя это и можно бы думать, судя по вышеприведенному отрывку пѣсни.

Какъ безъ блина — не масленица, такъ безъ колбасы, жирной верещаки — не коляды, — и каждый хозяинъ старается заколотъ къ этимъ праздникамъ откормленнаго кабана, а нето и двухъ, кто посостоятельнѣе. Странное дѣло: какъ ни блудутъ крестьяне посты, но при разборѣ убитой свиньи многіе не могутъ устоять отъ соблазна, чтобы не полакомиться „свѣживкой“, особенно бѣлоруссы-католики, которые менѣе строго относятся къ соблюденію постовъ.

Пластанье колядной убоины—это ძѣлый обрядъ, которому бѣлоруссы придаютъ важное значеніе въ смыслѣ гаданія, главнымъ образомъ, на счетъ урожая въ будущаго года. Сначала кабану дѣлають крестообразно надрѣзы на груди; потомъ перорѣзываютъ горло и собирають кровь въ особый сосудъ (изъ крови, смѣшанной съ мукой, пекуть блины). Если кровь льется обильно, непрерывной струей—это значить, что лѣто будетъ дождливое; отсюда выводъ, что навозъ надо запахивать, а не сѣять „подъ пристилку“. Длинная грудобрюшная преграда—но бѣлорусски *коса*—предвѣщаетъ долгое лѣто; если она быстро суживается къ концу—это знакъ, что только первые посѣвы будутъ удачны. Наблюдаютъ, какихъ зеренъ больше въ требухѣ, полагая, что такой родъ хлѣба будетъ наибольше урожайнымъ. Такъ гадаютъ старики, отцы семействъ, озабоченные на счетъ урожая въ будущаго года, а дѣвушки, заинтересованыя больше по части жениховъ, получаютъ въ свое распоряженіе печень и, всматриваясь въ ея блестящую поверхность, стараются увидѣть тамъ отраженіе своей будущей судьбы.

Во всемъ этомъ нельзя не усмотрѣть связи съ языческими жертвоприношеніями, которыя, какъ известно сопровождались гаданіями по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ. Весьма вѣроятно, что у нашихъ предковъ на коляды—время зимняго солнцеворота, именно кабанъ приносился въ жертву солнцу, и по внутренностямъ животнаго гадали о тѣхъ предметахъ, которые, по первобытнымъ воззрѣніямъ, находились зависимости отъ этого божества. Какъ мы увидимъ

далѣе, всѣ коляды сопровождаются гаданіями, при чемъ эти послѣдніе распадаются на три отдѣла: гаданія, такъ сказать, хозяйственныя, земледѣльческія; гаданія о суженомъ, любовныя; и гаданія вообще о грядущей судьбѣ: „про животь, про смерть, про весь родъ человѣчъ“. Всего естественнѣе было гадать о будущемъ въ началѣ года, а это отчасти указываетъ на то, что коляды считались именно началомъ года; также естественно гадать объ урожаяхъ и любовныхъ дѣлахъ въ то время, когда справляли праздникъ именно бога земледѣлія, плодородія и любви, каковымъ несомнѣнно считалось солнце. Въ дальнѣйшемъ мы найдемъ еще подтвержденія всему этому.

На *постную коляду* (24 декабря) готовятъ кутью съ сытой, поливку съ грибами или рыбой, оладьи съ медомъ или макомъ, блины, рыбу жареную, клѣцки, кисель, — словомъ, чтобы было во больше блюдо, но никакъ не меньше семи, — число, которое въ обрядовыхъ трапезахъ имѣетъ, повидному, символическое значеніе.

Вечоромъ, какъ только покажутся звѣзды, когда уже все въ избѣ прибрано, выметено, вычищено, кладутъ на столъ сѣна, сверху покрываютъ скатертью, кладутъ хлѣбъ-соль и ставятъ кутью. Всѣ молятся Богу. Затѣмъ хозяинъ беретъ кутью и, выйдя на дворъ, обноситъ вокругъ дома, если это возможно, или кругомъ двора, потомъ, подойдя къ окну, стучитъ трижды. Изъ избы хозяйка или старшій въ семьѣ спрашиваетъ: «кто тамъ». Хозяинъ отвѣчаетъ: „самъ богъ идетъ, кутью несетъ“ — и послѣ этой

оригинальной церемоніи входить въ хату. Кутья ставится на столъ, и начинаютъ ѣсть всё изъ одной миски, не сѣша, наблюдая, чтобы всѣ брали по очереди, по старшинству. Описанный обычай существуетъ въ Бобруйскомъ уѣздѣ; въ другихъ мѣстностяхъ зовутъ морозъ кутью ѣсть, при чемъ просятъ его, чтобы онъ не поморозилъ всходовъ. Всѣ ѣдятъ до отвала; нельзя ни одного блюда преринуть.

Послѣ вечери *гадаютъ*. Вытягиваютъ изъ-подъ скатерти стебельки сѣна и по длинѣ заключаютъ, какою лень будетъ—длинный или короткій. Ищутъ въ сѣнѣ зернышекъ, и если найдутъ, скажемъ, ячменное зерно—значитъ ячмень уродится. Вытягиваютъ колючистыя травы и по сходству ихъ колосковъ съ колосьями хлѣбныхъ растеній заключаютъ какой хлѣбъ будетъ наиболѣе урожайнымъ. Частыя звѣзды на небѣ въ эту ночь означаютъ, что будетъ много грибовъ и ягодъ. Парни и дѣвушки топятъ воскъ и льютъ въ воду, стараясь по отлившимся фигурамъ угадать свою судьбу. Дѣвушки, захвативъ краюху хлѣба, выбѣгаютъ на „смалище“ (мѣсто, гдѣ обжигали кабана) и, кусая хлѣбъ, слушаютъ, въ какой сторонѣ раздастся звукъ—говоръ, лай собаки и т. п.—туда ей выйти замужъ. Гадаютъ и на другія коляды. Наканунѣ новаго года льютъ олово или свинець въ воду и по фигурамъ гадаютъ. Уединившись въ комнатѣ или въ клѣтѣ, смотреть черезъ кольцо на пламя свѣчи, надѣясь увидѣть суженаго или то, что будетъ. Есть и другой подобный способъ гаданія. Надо, запершись ночью въ банѣ и поставивъ передъ собой зеркало, а

по бокамъ его двѣ свѣчи, смотрѣть въ зеркало, не мигая, не отрывая глазъ и не осматриваясь по сторонамъ. Кто не трусливъ и выполнитъ всё условіе въ точности, тотъ увидитъ-де все, что ему предстоитъ важнаго въ будущемъ. Въ вечеръ передъ Крещеньемъ считаютъ колья въ заборѣ; перебираютъ ихъ всё до конца, приговаривая: колъ—колица, колъ—колица; если на послѣдній придется—коль, значитъ выйдетъ замужь, а если колица—значитъ не выйдетъ. Берутъ дрова въ охапку и, принеся ихъ въ избу, считаютъ четное или нечетное число полѣньевъ захвачено; выводъ тотъ, что если четное число, то выйти замужь. И много другихъ есть способовъ гаданія.

На богатую коляду готовятъ множество блюдъ, при томъ все скоромныхъ, жирныхъ, тогда какъ на крещенскую коляду всё блюда постные и готовится ихъ менѣе, потому то она и называется *голодной*. Особыми обрядами, кромѣ гаданій, о которыхъ мы уже упоминали, онѣ не отличаются.

Колядные обычаи и игры. Рождественская коляда начинается и кончается хозяйственный годъ. По обычаю, заведенному изстари, съ этого дня нанимаютъ батраковъ на годъ; такъ и уговариваются: отъ коляды до коляды. Но обычай требуетъ, чтобы батракъ, отбывшій свой срокъ, не былъ удаленъ до втораго дня Рождества. При расчетѣ его одаряютъ *колядой*: колбасами и саломъ. Бездомные батраки или гуляки отправляются въ борчму, чтобы кутнуть на остатки полученнаго жалованья.

На коляды, послѣ вечера, господари „сѣють бобъ“ по избѣ и по двору, чтобы хлѣбъ родился какъ бобъ. А хозяйки кормятъ куръ кутьей въ обручѣ, чтобы онѣ держались своего дема, не клали яицъ гдѣ попало. Въ теченіе двухъ недѣль между первой и послѣдней колидой, даже въ будни, нельзя производить никакихъ серьезныхъ хозяйственныхъ работъ, кромѣ какъ присмотрѣть за скотомъ — задать корму, напоить — да приготовить обѣдъ. А вечеромъ и совсѣмъ ничего нельзя дѣлать. Эти вечера зовутъ *святыми*, а въ иныхъ мѣстахъ *кривыми*, вѣроятно въслѣдствіе того повѣрія, что если въ эти вечера работать, то приплодъ домашняго скота будетъ рожаться уродливымъ. Особенно нельзя шить и прясть; отъ перваго, не только домашнія животныя, но и дѣти могутъ родиться слѣпыми, а отъ втораго можетъ свиться колтунъ въ волосахъ. Въ эти вечера крестьяне собираются по избамъ, которыя по просторіи, и проводятъ время въ бесѣдахъ, играхъ и забавахъ. Старики рассказываютъ подросткамъ сказки, поучительныя бывальщины, примѣры, загадываютъ загадки. Таковъ обычай. Также въ обычаѣ грызть въ эти вечера орѣхи, играть въ четъ и нечетъ.

Взрослые молодые люди, собравшись отдѣльно, справляютъ *женитьбу Терешки*. Это спеціально колядная игра. Другія игры, какъ напримѣръ „ящуръ“ или „ящеръ“, игра въ „Бога и чорта“, хотя устраиваются въ колядные вечера, но не обязательно: въ эти игры играютъ и въ другое время и при томъ играютъ больше дѣти и подростки; а въ женитьбу

Терешки играютъ исключительно на коляды и при томъ взрослые парви и дѣвушки.

Женитьба Терешки — это игра - пляска, сама по себѣ не сложная. Она интересуетъ взрослыхъ молодыхъ людей главнымъ образомъ потому, что здѣсь вспринужденно обваруживаются ихъ вкусы и взаимныя влеченія. Порядокъ игры таковъ. Сначала устраивается въ въ сладчину выпивка и закуска, между прочимъ — для большей развязанности. Потомъ выбираютъ *сватю*, — разбитную вдову, солдатку или дѣвушку, которая побойчѣе. Это та же *пани - матка* малорусскихъ вечерницъ. Она ставитъ играющихъ въ два ряда, по одной сторонѣ парвей, по другой — дѣвушекъ, и вачиваетъ сватовство. Беретъ одного изъ парвей за руку и, вышедши съ нимъ на средину, зацѣваетъ особый куплетъ, подплясывая въ тактъ вацѣва:

Цярешка валочитца,
 Бо жавитца хочитца;
 Енъ туды — сюды зирнець,
 Гдзѣ мѣлу сваю найдзецъ.
 Валочитца, выглядае,
 Кто къ яму любось мае.

Скрипачъ при этомъ наигрываетъ подходящий мотивъ, а стоящіе по сторонамъ плещутъ въ ладоши и въ отвѣтъ дѣвушки поютъ:

Цярешка, Цярешечка!
 Къ моеи хаци стежечка
 Витая, топтаная;
 Я у мамки баханая.

Пройдя раза три — четыре взадь и впередъ, сватья выхватываетъ одну изъ дѣвушекъ и вручаетъ ее парню. Сватья пока отходить въ сторону, а эта пара начинаетъ плясать подь цѣніе хора:

Царешка хадзіу, блукау, —

Евъ жаны шукау, шукау,

Кабъ была пригожая,

Хоць куды дыкъ гожая.

Узіу сабъ дзѣвочку

Якъ тую пралесочку,

Тонкую, високую,

Лицомъ бѣлолицую.

Но тутъ дѣвушка, если ей сосватанный парень не нравится, ловкимъ движеніемъ увертывается отъ него и убѣгаетъ въ рядъ своихъ подругъ. Мужъ старается ее поймать, а дѣвушки закрываютъ. При этомъ поется:

Царешку бѣда стала:

Съ кимъ яго жава спала?

Подъ дубомъ зялененькимъ

Съ казакомъ молоденькимъ.

Парень ви съ чѣмъ отходить на свое мѣсто. Если же молодые люди чувствуютъ другъ къ другу нѣкоторую склонность или не желаютъ обращать на себя вниманія, то они отходятъ въ сторону и становятся рядомъ, отдѣльно отъ тѣхъ, которые еще не женились.

Тогда сватья снова выступаетъ на сцену и такимъ же порядкомъ, какъ выше описано, соединяетъ новую пару. И такъ до тѣхъ поръ, пока всѣхъ не переже-

нить. Все это пересыпается остротами, шутками, прибаутками какъ по адресу свагьи, когда она сдѣлаетъ неудачный выборъ, такъ и по адресу „молодыхъ“, если есть къ тому поводъ, особенно, если парень неловокъ и не сумѣетъ удержать дѣвушку. Зубоскалять больше парни: дѣвушки заняты пѣніемъ.

Когда всѣ пережены, тогда съ двухъ противоположныхъ сторонъ выступаютъ двѣ пары и начинаютъ плясать, а остальные поютъ:

Мая-жь ты жанулечка,
 А я-жь твой мужулечка!
 Мы-жь будемъ на свѣци жиць,
 Мы-жь будемъ дзяцей пладзиць;
 Мы-жь будемъ гарѣлку пѣць,
 Мы-жь будемъ дзяцей жавиць
 и пр....

Въ это время дѣвушки снова ускользаютъ отъ парней, а тѣ ихъ ловятъ, ищутъ. Когда такъ пропляшутъ всѣ пары, та же процедура повторяется снова, съ тою только разницею, что уже убѣгаютъ парни, а дѣвушки ихъ ищутъ, при чемъ и куплеты соотвѣтственно измѣняются, которые, надо сказать, довольно многочисленны и, смотря по мѣстностямъ, варьируются на разные лады.

Эта игра въ женитьбу служить какъ бы прелюдіей къ предстоящему брачному сезону, и многія парочки впоследствии дѣйствительно соединяются брачными узами. Но мы остановились на этой игрѣ потому, что въ ней, повидимому, отразились пережитки древнихъ

брачныхъ отношеній и обычаевъ, имѣвшихъ, вѣроятно, связь съ празднованіемъ коладъ, съ культомъ того божества, въ честь котораго совершалось это празднество.

Ящуръ или *ящерь* Теперь въ эту игру играютъ только дѣти да подростки. Играютъ зимой въ хатѣ, весной—на лужайкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣвочки сплетаютъ вѣнки изъ цвѣтовъ и одѣваютъ ихъ на головы, а зимой, на святкахъ или въ мясоѣдъ, вмѣсто вѣнковъ, довольствуются обыкновенными платками. Сначала дѣвочки выбираютъ изъ мальчиковъ „ящуръ“. Онъ покрывается большимъ платкомъ, завязывая концы его на шеѣ, такъ что выходитъ нѣчто въ родѣ мантии.

Ящуръ усаживается на чемъ нибудь, а вокругъ него дѣвочки, взявшись за руки, образуютъ *коло танокъ*, хороводъ, и. кружась то въ одну сторону, то въ другую, напѣваютъ:

Сядзиць, сядзиць, ящуръ, —

Ладо, ладу,

Ладо, ладу! —

Въ арѣховомъ кусцѣ — *)

Ладо, ладу,

Ладо, ладу! **)

Арѣшечки луща;

Есть женитца хочиць;

Ты жанися, ящуръ,

*) Варіантъ: Посяродъ гароду (огорода),

У зяленомъ кусцѣ и пр.

*) Въ такомъ же порядкѣ припѣвъ повторяется послѣ каждой строчки.

Бяри сабѣ панву,
 Каторюю хочешь;
 Панву (такую-то) Марильву,
 За бѣлую ручку,
 За русую коску,
 За золото - персьцень.

Тогда „ящурь“ встаетъ и снимаетъ съ указанной дѣвочки вѣнокъ или платокъ и кладетъ возлѣ себя. А въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ, взявъ дѣвочку за руку, нѣсколько разъ кружитъ вокругъ себя и тогда снимаетъ вѣнокъ. Все это повторяется до тѣхъ поръ, пока ящурь не снимаетъ всѣхъ вѣнковъ.

Тогда начинается выкупъ вѣнковъ. Одна изъ дѣвочекъ выходитъ изъ круга и, кланяясь ящурю, поетъ:

Пане ящеру, павочикъ,
 Атдай жа мой вѣвочикъ!
 Зиму (?), лѣто хадзила,
 Ручки-ножки сцирала,
 По красочцы збирала,
 У вѣвочикъ звивала;
 Я атъ татки ховалася,
 Я атъ мамки тулялася.
 Пане ящурю, наночикъ,
 Атдай жа мой вѣвочикъ!

Ящурь требуетъ выкупа. „Поцалуй мяне, говорить, дыкъ атдамъ“. Или же, если ему дѣвушка не нравится, то заставляетъ ее плакать, плясать, больше просить и т. п., какъ это, наприимѣръ, дѣлается при

игрѣ въ фанты. Дѣвочка, получивъ вѣнокъ, пляшетъ
вкругъ ящура и поетъ:

Я свой вѣнчикъ выплакала,

Я свой вѣнчикъ выпросила,

Я свой вѣнчикъ высказала,

Я свой вѣнчикъ выкупила.

А хоръ одпѣваетъ:

Ладо, ладу,

Ладо, ладу.

Когда всѣ вѣнчи выкупаютъ, то или прекращается
игра, или начинаютъ ее снова, выбравъ новаго ящура.

Какъ мы сказали, теперь это дѣтская игра, но
повидимому въ ней скрытъ какой-то пережитокъ древ-
няго обычая или обряда, уже утратившаго для взрос-
лыхъ свое значеніе и смыслъ. Можно догадываться,
что это былъ обычай любовнаго характера; на это на-
мекаетъ сущность игры: женитьба ящура, выкупъ
вѣнковъ, поцѣлуи и т. п. Затѣмъ, что это отголосокъ
далекаго прошлаго, указываетъ прицѣвъ: Ладо, ладу,
а также названіе самой игры, созвучное со словомъ
щуръ. При этомъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что
ящуръ по-бѣлорусски вовсе не значить ящерица, равно
какъ этихъ именемъ не называютъ извѣстной лоша-
диной болѣзни; оно сохранилось только какъ названіе
игры.

Колядовщики. На первый и второй день Рождества
Христова, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ также на
богатую коляду, ходятъ по домамъ колядовщики. Это
толпа молодежи, которая, подходя подъ окна, если
не препятствуетъ погода, или же войдя въ хату,

пѣснями славить хозяевъ и за это получаетъ *коляду* т. е., какъ мы уже объясняли, сало и колбасы. Колядовщики напоминаютъ пасхальныхъ волочебниковъ, и пѣсни ихъ носятъ отчасти тотъ же земледѣльческій характеръ, что и волочебныя, (о нихъ будетъ рѣчь—впереди) только эта сторона въ волочебныхъ пѣсняхъ болѣе ярко выражена. Но въ нѣкоторыхъ колядныхъ пѣсняхъ есть и особенности; это именно сравненіе хозяина съ мѣсяцемъ, жены его—съ солнышкомъ, а дѣтей съ звѣздами,—сравненіе, котораго намъ не приходилось встрѣчать въ волочебныхъ пѣсняхъ. А сами колядовщики тѣмъ отличаются отъ волочебниковъ, что нерѣдко *водятъ козу*, чего волочебники не дѣлаютъ. Въ такомъ случаѣ, т. е. если ходятъ съ козой, то поютъ только одну пѣсню, приспособленную именно къ этому обычаю.

Коза снаряжается такъ. Берутъ козью голову, насаживаютъ ее на палку и пришиваютъ къ кожуху; а если нѣтъ настоящей головы, то дѣлаютъ ее изъ дерева, окрашиваютъ въ бѣлый цвѣтъ, выводятъ глаза, прилаживаютъ рога и т. п. Кожухъ, вывороченный шерстью вверхъ, одѣваетъ какойнибудь ловкій паренъ—и коза готова. Толпа колядовщиковъ, вводя козу въ хату, затягиваетъ обычную пѣсню:

Богъ - помочь таму,	Го-го! шѣра!
Хто у гэтымь даму!	Гдзѣ каза ходзиць,
Мы у госьци идземъ	Тамъ жито родзиць,
И казу вядземъ.	Гдзѣ каза нагой,
Го-го! каза,	Тамъ жита кашой,

Гдѣ каза рогомъ,	Скуру облупиць.
Тамъ жита стогомъ.	Вже бярэ ёнъ мечъ,
А ваша каза	Кабъ козыньку сѣчь.
Была у бару,	Поцекла юшка (кровь)
Грызла тамъ кару	Зъ праваго вушка;
Съ козенятками;	Козынька пала —
Споткала воука	Здохла, пропала.
Съ воученятками;	— Гасподарочикъ,
Якъ хвациць ваучокъ	Сливный паночикъ!
Казу за бачокъ,	Гаспадыничка,
А ваученятки —	Якъ малиночка!
За козенятки.	Ты вазьми ключи
Ледзь-вя-ледзь коза	Залаценькіе;
Ать воука уцекла,	Запэли свѣчку,
У сяло пришла.	Иайдзи у вѣтку:
А ты, козышка,	Приняси казѣ
Топпи ноженъкой,	Рѣшето авса;
Не бойся ваука, —	Рѣшето авса,
Енъ ня зѣсь цябе;	На верхъ килбаса
А бойся, каза,	И кусокъ сала,
Сгараго дзѣда:	Кабъ каза устала.
Ець цябе згубиць,	

(Игуменск. урѣ.).

Во время дѣнія, коза неуклюже поварачивается изъ стороны и въ сторону, въ соответствующихъ мѣстахъ пѣсни прытопываетъ ногами, постукиваетъ рогами, кланяется, падаетъ и лежитъ, словно мертвая, а въ концѣ мгновенно оживаетъ, вскакиваетъ на ноги. Въ этомъ и вся штука. Что же касается пѣсень, подъ которые пляшетъ коза, то всё онѣ по складу совер-

пешно одинаковы, поются однимъ напѣвомъ, но по содержанию разнятся. Нѣкоторые изъ нихъ представляются какъ бы отрывками разныхъ пѣсень, — отрывками, сложенными вмѣстѣ только влѣдствіе сродства размера, но безъ всякой логической связи между частями и безъ общаго смысла. Мы привели здѣсь наиболѣе типичную и цѣльную изъ нихъ и привели потому, что въ ней сквозятъ, хотя слабо, намеки на древнее жертвоприношеніе: именно упоминаніе о старомъ дѣдѣ, который собирается погубить козу. Этотъ дѣдъ нѣсколько намекаетъ на языческаго жреца; въ такомъ случаѣ въ козѣ можно бы видѣть жертвенное животное, и тогда весь обрядъ получилъ бы смыслъ. Но, въ виду бѣдности содержанія этого рода пѣсень, трудно сдѣлать какой-либо опредѣленный выводъ, тѣмъ болѣе, что есть варианты, указывающіе на то, что дѣдъ хочетъ содрать кожу съ козы затѣмъ, чтобы сдѣлать дулу.

Масленица. Празднованіе масленицы сопровождается тѣми же катаньями съ горъ, катавьями на тройкахъ (это какъ бы прощаніе съ зимой, со снѣгомъ, съ санной дорогой), блинами, что и въ Великороссіи; но есть и особенности или специально свойственныя Бѣлороссіи, или сохранившіяся въ ней отчетливѣе.

На Авласа (Власія, 11-го фѣвраля), празднованіе котораго часто совпадаетъ съ масленицей, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи справляется «конское свято», — задаютъ лучшій кормъ лошадямъ, но ничего на нихъ не работаютъ, и объѣзжаютъ молодыхъ лошадей. Если у лошади или коровы въ этотъ день по-

пурый видъ—это признакъ, что она не выживетъ года: или волкъ съестъ, или околетъ.

Въ смежныхъ уѣздахъ разныхъ губерній—въ Борисовскомъ, Сѣвновскомъ и Денельскомъ—существуетъ масленичный обычай „возить бабу на почастунокъ“ (угощеніе). Это выполняютъ внуки, которые или сами запрягаются въ саночки и съ торжествомъ везутъ свою бабу-повитуху къ себѣ на бивы, или прѣзжаютъ за ней на лошади, что въ послѣднее время чаще практикуется.

Въ той же мѣстности въ поведѣльникъ и во вторникъ первой недѣли великаго поста женщины „цѣляютъ колодки“ холостикамъ, требуя отъ нихъ угощенія за то, что тѣ не женились. Колодку надо прицѣпить незамѣтно, и если это выполнено, то угощеніе, состоящее изъ выпивки и закуски, должно быть непременно поставлено. Цѣляютъ колодки и женатымъ но это считается отступленіемъ отъ обычаевъ. Кроме того, компании женщинъ „вижутъ неженатыхъ“, т. е. крутятъ имъ платкомъ руки, и въ такомъ видѣ приводятъ въ корчму, заставляя кунить водки, меду или пива и закуски, и только тогда развязываютъ, когда ихъ требованіе выполнено.

На масленицѣ, по вечерамъ, дѣвушки собираются на улицѣ пѣть „масленичныя“ пѣсни, содержаніе которыхъ распадается на два отдѣла. Содержаніе одной части: призывъ весны, ожиданіе пастушенія ея и полевыхъ работъ; другой—жизнь замужней женщины съ ея радостями и горестями. Послѣднія нерѣдко поются подъ окнами „молодыхъ“, которые въ этотъ

„мясофяд“ повѣщались. Приводимъ наиболѣе типичную изъ этихъ пѣсень:

На вулицѣ дзѣўки гулялв *)

Про мяне молоду гукали:

Што у мяне молодой мужъ лихій,—

На вулку гуляць не пустіу;

А хоць пустіу— позвенько:

Усѣ дзѣўочки розвенько.

А я выйду и гукну,

Усихъ дзѣўокъ созаву,

Звонкаго музыку я вайму

И буду гуляць до свѣту

Ажъ до позваго абѣду!

А дамоу итци баюся,—

Дзевератоньку клапюся:

„А ты, дзевератка,— большій братъ,—

Завядзи мене до дому!

Пошію кашульку до долу,

Дамъ табѣ хусту шаўкову“.

А почуу тое лихій мужъ:

„А я табѣ, шельма, бокъ пабью,

До долу кашульку самъ знашу,

Шаўкову хусту самъ сотру.

„Молодые“ иногда приглашаютъ дѣвушекъ въ хату и угощаютъ ихъ. Тогда въ хатѣ они поютъ шуточныя или укоризненныя пѣсни по адресу приди-

*) Последнее слово каждой строчки повторяется 2 раза.

чивой свекрови или свекра, какъ бы заступаясь за свою бывшую подругу. Напримеръ:

На дворѣ бабы сядзѣли,
Кулакомъ заялю пробили,
Про нявѣсточекъ судзили:
А моя нявѣстка шельма была:
Цѣлюю клѣтку добра звела!
А тамъ добра много было:
Орѣхова чашка крупъ было,
Желудова чашка меду было,
Мяшокъ и рагожа платця было,
Въ стянѣ иголка большъ долота

и т. д.

На „Сороки“ (40 мучен. Севастійскихъ, 9 марта) молодежь собирается по гумнамъ, гдѣ къ этому дню устраиваются качели; приносятъ съ собой печенье — „жаворонковъ“ — и цѣлый день проводятъ въ качаньи на качеляхъ, распѣвая „весновскіе“ пѣсни, выкликая весну:

Благослови, Боже,
Зиму замыкаца,
Вясну выливаца.
Дай же намъ, Боже,
Жита и пшаницы,
Зялевой травицы.
Дай же намъ, Боже,
На хлѣбъ-жита родъ,
А на статодъ (на стадо) плодъ,
На людей здорое.

Встарину, по разказахъ, пѣніе весповскихъ пѣсень, не прекращалось въ теченіе всего Великаго поста, во въ послѣднее время, подѣ влияніемъ духовенства и болѣе созпательнаго отношенія къ христіанской вѣрѣ, въ Великій постъ пѣніе рѣдко слышится, а во вторую его половину почти совершенно прекращается. Но послѣ Пасхи, когда очистится отъ снѣга земля, молодежь обоого пола, по вечерамъ, собирается на пригоркахъ и тамъ пѣснями призываетъ весну. И такъ продолжается до Николаина дня.

Не можемъ не привести одной изъ этихъ пѣсень, записанной нами въ Борисовскомъ уѣздѣ:

Дзякуй табѣ, Боже,

Што зиму скончали,

Што вясны дождали!

Помажи намъ Боже,

У добрый часъ начаци

Вясну выкливацц!

Придзи, придзи, весна,

Придзи, придзи, красна,

Къ намъ у таночикъ (хороводъ)!

Привяси намъ збожжа (зернов. хлѣба),

Привяси намъ красокъ (цвѣтовъ),

Кабъ намъ звиць вяпочикъ!

Ўдзиць весва, ўдзиць,

На залатомъ *) кони

Въ зяленомъ саяни,

На сосъ (сохѣ) сѣдзюци,

*) Въ бѣлорусскихъ сказкахъ очень часто упоминается о конѣ „золотая шерстинка—серебряная шерстинка“.

Сыру зямлю аручи,
 Правой рукой сьючи,
 А смыкомъ скародзючи.
 Вязецъ, вязецъ весна,
 Вязецъ, вязецъ красна
 Ясные дзявѣчки,
 Частые дожджочки,
 Зеленыя травы,
 Красныя цвяточки
 Намъ на вяночки

Въ основаніи этихъ призывовъ лежатъ, прежде всего, пережитки мифологическихъ вѣрованій народа, но эти вѣрованія поддерживаются также факторами психологического и экономического порядка. Во-первыхъ, всякому живому существу присуще стремленіе къ свѣту и теплу. А во-вторыхъ, надо имѣть въ виду, что къ веснѣ частенько крестьянъ постигаетъ безхлѣбца и кормы для скота сбываютъ на исходѣ. Въ это время иногда и зажиточные мужики „солому ськутъ — нирогі покутъ, сѣномъ подмазываютъ“, какъ поется въ бѣлорусской „веснянкѣ“. Это, разумеется, гипербола, но въ иные годы она довольно близко подходит къ трезвой дѣйствительности. Въ такомъ случаѣ, какъ не ждаты весны, когда она принесетъ съ собой „шнитку-матку, дзигеля-батьку, щавель-братку, крапивку сестрицу“ — травы, которыми питается весной отощавшій, полуголодный народъ. На его счастье красное солнышко работаетъ, бережется съ чарами лютой зимы, точитъ ледяную кору, покрывающую землю, пробуждаетъ ручьи и потоки отъ зимняго сна. Злое чудо-

вище, зима, противится доброму солнышку, не поддается, посылает свои послѣдніе морозы и метели, но изю дня въ день ослабѣваетъ, словно бы излмогая въ борьбѣ. И народъ, съ участіемъ слѣдившій за этой стихійной борьбой, живо заинтересованный въ ея скорѣйшемъ окончаніи, начинаетъ, по обычаю своихъ предковъ, выходя на взгорки, „выкликать“ весну. И вотъ наконецъ она, какъ бы послушная призывамъ, одѣтая въ зеленый саявъ, ѣдетъ на золотомъ ковшѣ, въ сопровожденіи ясныхъ теплыхъ дней, осыпая свой торжественный путь цвѣтами... Счастливая пора — пора любви, пора цвѣтовъ!

Но для крестьянина этого мало. Онъ, конечно, знаетъ, что цвѣты красивы, но, какъ мы видѣли, болѣе помышляетъ о шницѣ-маткѣ, дзюгелѣ-батькѣ и прочихъ травяныхъ кормильцахъ. Онъ еще далеко отъ осуществленія своего заветнаго идеала человеческого благосостоянія, который въ томъ заключается, чтобы мужикъ могъ вдоволь поѣсть хлѣба съ березовикомъ. Обыкновенно такъ бываетъ, что есть березовый сокъ, да хлѣба нѣтъ; или же есть хлѣбъ, да березовику нѣтъ. Поэтому для бѣлорусса весна не только „краса природы“, но главнымъ образомъ — время полевыхъ работъ, отъ которыхъ зависитъ все его благосостояніе. Поэтому его фантазія снабжаетъ весну атрибутами земледѣлія: она сидитъ на сохѣ, хотя это и не совсѣмъ-то удобный экипажъ; она бороздитъ мать-сыру землю, сѣетъ хлѣбъ, и смыкомъ, первобытною бороной, устраиваемой изъ суковатыхъ еловыхъ плавковъ, связанныхъ вмѣстѣ, скородитъ посѣянное. Она посы-

ласть частые дожди, столь необходимые для посевов. А в золотом копѣ нетрудно видѣть одно изъ удоболеній солнца, приносящаго весну.

Хотя въ настоящее время намъ не приходилось наблюдать особаго обряда встрѣчи весны, кромѣ простыхъ выкликавій, но, по рассказамъ, „за уніяцкихъ часовъ“ такіе обряды совершались. Намъ передавала старуха-крестьянка, отъ которой мы записали вышеприведенную веснянку, что она въ молодости была участницей слѣдующаго обряда встрѣчи весны, обряда, въ то время распространеннаго почти по всеѣмъ деревнямъ Борисовскаго уѣзда. Весной, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, подъ вечеръ, молодежь обоего пола собиралась на полѣ, предназначенномъ подъ яровые посѣвы. Раскладывали костры, приглашали „музыку“ — большую частію дударя (въ то время дударя были очень распространены въ Борисовскомъ уѣздѣ) и приступали къ выбору изъ дѣвушекъ „вясновки“. Въ выборѣ принимали участіе и парни и дѣвушки. Требовалось, чтобы избранница была красива и работяща. Ее украшали вѣнкомъ изъ весеннихъ травъ и цвѣтовъ и сажали на „смякъ“, застланный сверху плавуномъ; въ въ борову впрагались молодые люди и возили „вясновку“ по полю вокругъ огней, при чемъ дѣвушки пѣли, подъ аккомпаниментъ дуды, вышеприведенную пѣсню. Послѣ этого тутъ же возлѣ костра устраивались «танки», хореводы. Молодежь, взявшись за руки, кружилась вокругъ «вясновки», сидящей на беровѣ. Потомъ начинались обыкновенныя танцы, въ которыхъ принимала участіе и «вясновка». Необходимо дѣло

безъ выпивки и закуски, при чемъ первую доставляли парни, а вторую дѣвушки.

Великодни. Къ особенностямъ празднованія Пасхи въ Бѣлоруссіи надо отнести хожденіе по домамъ „волочебниковъ“ для прославленія хозяевъ и собиранія „дѣровъ“. Хоръ волочебниковъ составляется не только изъ бѣдняковъ, но и людей зажиточныхъ, что лишаетъ волочебниковъ нищенскаго характера. Во главѣ хора стоятъ „починальникъ“ — запѣвало, и музыка; кромѣ того есть еще „мѣхоноша“, „поситель и хранитель „дѣровъ“, а остальные называются „подхватниками“. Подойдя подъ окно со всею громадой, починальникъ поетъ, сопровождаемый скрипачемъ, волочебную пѣсню, а подхватники послѣ каждого стиха выкрикиваютъ хоромъ припѣвъ: Христось воскресъ Сячъ Божій или: Зелениный садъ вишневый и др. Подаютъ имъ деньги, яйца, сыры, сбожже и кое-что изъ пасхальныхъ яствъ, въ изобиліи приготовляемыхъ къ этому торжественному дню. Изъ собраннаго устраивается общее для всѣхъ волочебниковъ угощеніе.

Въ содержаніи волочебныхъ пѣсенъ, слышанныхъ нами и записанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи, нѣтъ ничего такого, что указывало бы на христіанское значеніе праздника Пасхи, если не считать припѣва: „Христось воскресъ“, замѣняемаго впрочемъ и другими припѣвами, въ родѣ — „Зелена елка, зелена“, или: „Спѣвайте, молодойцы, спѣвайте“.

„Великоднями“ начинается земледѣльческій годъ, и пѣсни великодныя почти сплошь посвящены воспѣванію земледѣльческаго труда; даже волочебниковъ въ

нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссія (Новогрудск. и Слонимск. уѣзды) называютъ *раleihниками*, (отъ слова *раля*, *оралья* — пахота), т. е. пѣвцами земледѣія. Въ нихъ поется о томъ, какое участіе принимаютъ въ земледѣльческожъ трудѣ „святыя святочкі“: какъ Со-роки въ поле соху волокли, а святая Благовѣщенія за-орывала; какъ св. Юрій, Божій ключникъ, землю отмыкаетъ, росу выпущаетъ; св. Борисъ „ляды палиць“, а св. Микола по межахъ ходитъ — жито родитъ, св. Ушесьця (Возисс. Госп.) поле подметаеть, св. Десятникъ жито ровняетъ, а Десятуха „краску“ даетъ, а Пятинка „краску“ снимаетъ; св. Петро косы остритъ, сѣно коситъ, св. Павла „грабли робиць“, св. Илья, славная жвел, жито зажинаеть въ снопы вяжетъ, а Прачистая съ поля возить т. д. Большая половина этихъ пѣсень представляетъ «земледѣльческій календарь» въ родѣ приведеннаго. Другая часть пѣсень восхваляетъ хозяина и его домочадцевъ, при чемъ вы-стается на видѣ ихъ трудолюбіе и вытекающее отсю-да благосостояніе: какъ на небѣ зори часты - густы, такъ у него (хозяина) на полѣ кошны часты-густы; у него въ гуявѣ навезисто и намолотисто*), въ клѣти насыисто, въ мельницѣ—намелисто, въ дѣжѣ - хлѣбни-цѣ—подыходисто и т. п. Обыкновенно этого рода про-славленія оканчиваются пожеланіемъ быть „вяселымъ, якъ хороша весна, здоровымъ, якъ кривична вода и бо-гатымъ, якъ сырая земля“.

Нигдѣ въ бѣлорусскихъ пѣсяхъ не отводится

*) Особая форма бѣлорусск. нарѣчія и имени прилаг. съ усѣчен. оконч.; значитъ: много навезено, насыщено и т. д.

столь почетное мѣсто земледѣльческому труду, какъ въ волочевныхъ, и это, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нихъ почти не затрогивается христіанское значеніе Пасхи, по нашему мнѣнію, указываетъ, что эти пѣсни нѣкогда относились къ празднеству нехристіанскаго происхожденія, къ празднеству, которымъ наши предки ознаменовывали наступленіе „великихъ дней“, господства солнца, начала полевыхъ работъ, послѣ преобладающей зимою нечи, — дней, вѣроятно, посвящавшихся солнцу и другимъ земледѣльческимъ божествамъ, особенности которыхъ перевесены на святыхъ христіанской церкви, по христіанскому воззрѣнію ничего общаго не имѣющихъ съ тѣми свойствами, которыя имъ приписываются народомъ.

Празднованіе Пасхи не ограничивается тремя днями, какъ это установило церковію, а продолжается гораздо долѣе: среда пасхальной недѣли празднуется „отъ граду“, и она такъ и называется „градовая среда“, четвергъ — отъ грома, пятница — отъ засухи, суббота — отъ падежа скота, — какъ видитъ читатель все это празднества, имѣющіе отношеніе къ земледѣлію. Нужно еще замѣтить, что названіе „великодніи“ относится не къ одной Пасхѣ*), а ко всемъ празнествамъ, начиная съ Пасхи и до Микола включительно. Юрій и Микола такъ и называются „святочками - великодничками“. При томъ на одного и другого перенесены свойства земледѣльческихъ божествъ:

Святый Юрій, Божій ключникъ,

*) Если бѣлоруссы хотятъ указать именно на Пасху, то употребляютъ выраженіе „великъ-день“.

Землю одмыкае — росу выпущае;
 Росу выпущае, — статокъ выгоняе;
 Статокъ выгоняе, слоуцо вымоулле:
 Кабъ тому статку не было упадку,
 Отъ того змѣя гранучаго,
 Отъ того гада бягучаго,
 Отъ той вѣдзьмы кароуницы.
 А св. Микола, старая особа,
 По межахъ ходзить — житцо родзить, —
 Ядровистое, колосистое —
 Зерня къ зерню — колосокъ у землю;
 Колосы гнугца, у землю бьютца и т. д.
² (Село Попорьлое, Ижм. уезда).

Сообразно съ этими воззрѣніями, совершаются и обряды. На Юрья, до восхода солнца, каждый хозяинъ выгоняетъ освященной вербой свой скотъ въ поле на „Юрьеву росу“. Онъ беретъ съ собой освященное яйцо, соль, кости отъ пасхальныхъ яствъ и угли съ домашнего очага. Все это зарывается по четыремъ угламъ поля, чтобы предохранить его отъ града, засухи и „заломовъ“. Потомъ скотъ гонять домой, и хозяйки сдають его общему пастуху съ подпасками, который обыкновенно нанимается къ этому времени и съ этого дня всуааетъ въ отправленіе своихъ обязанностей. При этомъ пастуху приносятъ хлѣбъ, сыръ, масло и яйца*). Пастухи, выгнавъ стадо на поле, разводятъ оговъ,

*) Въ Бѣлорусіи пастухи 4 раза въ лѣто ходять за сборомъ въ свою пользу, который, въ большинствѣ случаевъ, платится натурою. Его кормятъ и одѣвають хозяева по недѣлямъ или сколько придется по расчету.

жарятъ яичницу себѣ на закуску, и, прежде чѣмъ приступить къ ѣдѣ, обходятъ стадо съ хлѣбомъ и солью и съ горящими головнями въ рукахъ, при чемъ старшій пастухъ произноситъ заговоръ, который мы привели при описаніи обряда изгнанія „хлѣвника“.

Потомъ приступаютъ сами къ угощенію и коровъ кормятъ хлѣбомъ съ солью.

Въ недавнія времена, если цвѣлая деревня или кто нибудь изъ ея обитателей были постигнуты неурожаемъ, то, чтобы обезпечить хорошій урожай въ будущемъ году, справлялась микольщина: въ первомъ случаѣ всей деревней, а во второмъ — отдѣльнымъ хозяиномъ Микольщину также справляли въ благодарность за хорошій урожай предыдущаго года.

Микольщина — это „бесѣда“, пирушка, устраиваемая въ Николинъ день (9 мая) или наканунѣ, „на Микольнаго батьку“ (Іоанна Богослова). Если погода позволяла, то микольщина устраивалась въ полѣ, а въ противномъ случаѣ въ домѣ. Всей-ли деревней она устраивалась на общія средства или однимъ хозяиномъ, но на эту „бесѣду“ приглашались всѣ односельчане, даже нищіе, прохожіе и провзжіе. На праздникъ, угостившись водкой и медомъ, гости затагивали пѣни въ честь св. Николая, которыя такъ и называются микольскими. Теперь микольщину справляютъ только пастухи да конюхи.

Намъ кажется вѣроятнымъ предположить, что это также остатокъ прежнихъ празднествъ въ честь земледѣльческаго божества.

Купала. Едва ли есть другое народное празднество,

болѣе богатое пережитками языческой старины, чѣмъ празднованіе купалы, въ ночь съ 23 на 24 іюня; къ этому празднеству относится много любопытныхъ воззрѣній, легендъ, преданій и обрядовъ.

Мы уже упоминали о цвѣтеніи напоротника въ ночь на купалу, о Купальскомъ Дѣдушкѣ, собирающемъ таинственныя цвѣтки, дающіе всевѣдѣніе, въ томъ числѣ и средство къ нахожденію кладовъ. Кромѣ того, на купалу „солнце играетъ“, т. е. распадается на нѣсколько солнць, которыя то разбѣгаются въ стороны, то соединяются въ одно солнце. Травы и цвѣты, собранныя въ этотъ день, приобрѣтають особую силу—цѣлительную или чародѣйную.

Въ этотъ день дѣвушки и замужнія женщины рассыпаются по полямъ и лугамъ для сбора травъ и цвѣтовъ, которые на слѣдующій день приносятся въ церковь для освященія. Такія травы употребляются какъ лѣкарственное средство. Особенное значеніе придается „купалкѣ“. Къ сожалѣнію не можемъ привести ботаническаго названія этого растенія. Кажется, что это *galinsulus acris*. Оно принадлежитъ къ стряду сложноцвѣтныхъ и имѣетъ бѣлыя пушистыя цвѣтки, напоминающіе „барашки“ ввы, но имѣють чашелистики. Эти цвѣтки, подобно одуванчикамъ, при солнечномъ свѣтѣ поднимають свои головки и раскрываютъ свой пушистый вѣячикъ. Ими пользуются для гаданій: втыкають къ образамъ „купалку“, и если она на слѣдующій день окажется развернувшейся, это означаетъ исполненіе желаннаго и па оборотъ. Растенія въ купальскую ночь разговаривають между собою, ходять

другъ къ другу въ гости, даже пляшутъ, только для обыкновенныхъ очей это не видно.

Клады на кушалу выходятъ изъ-подъ земли на поверхность, „купаются и сушатся“; они въ это время „здаются“, представляются людямъ въ разныхъ образахъ, чаще всего въ видѣ огня или жара, который, при приближеніи къ нему, мгновенно исчезаетъ. Чтобы овладѣть кладомъ, надо знать какое заклятіе на него положено. Заклятія же кладутся страшныя, въ родѣ, напр., слѣдующихъ: кто мертвымъ зарець (будетъ пахать), той гѣтя гроши споживецъ; или: хто тутъ сына забьецъ, той гѣтя гроши споживецъ и т. п. По поводу перваго заклятія рассказываютъ, что его наложилъ было одинъ старикъ, пряча передъ своею смертію деньги, чтобы они не достались его дѣтямъ, которыхъ онъ не любилъ. А невѣстка и подслухала его заклятіе. Какъ только умеръ старикъ она позвала своего мужа и рассказала ему о заклятіи. Дѣлать нечего: не пропадать же деньгамъ? Тотчасъ надѣли отцу хомутъ, запрягли его въ соху и стали бороздить сѣни, гдѣ былъ зарытъ кладъ: деньги сами и вынырнули изъ земли. Другой же, зарывая деньги въ гумнѣ, заклиналъ ихъ такъ: хто голову положиць, той мое гроши возьмиць. Ему казалось, что его сокровище окажется навсегда недоступнымъ для людей. Анъ нѣтъ. За нимъ подсматривалъ зять и воспользовался его оплошностью—тѣмъ, что онъ не упомянулъ—какую голову надо положить. Принесъ зять шѣтуха, отрубилъ ему голову на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ зарытъ кладъ, и тотчасъ же безпрепятственно добылъ деньги.

Въ Лепельскомъ уездѣ указываютъ гору, на которой, по преданію, стоялъ замокъ, въ подвалахъ котораго скрыты несмѣтныя сокровища. Но владѣлецъ замка наложилъ на нихъ мудреное заклятіе: никакъ ими овладѣть нельзя. Въ давнія времена, на еупалу, эти деньги „пересушивались“: земля разступалась, были видны желѣзныя рѣшетки, а за ними блестяло золото, пересыпаясь въ „анкаркахъ“. Какъ ни ломали рѣшетки—не поддаются. Пробовали на длинныя жерди наматывать тряпки; макали ихъ въ горячую смолу и погружали въ боченки съ золотомъ: пристануть червонцы къ смолѣ, а какъ станешь вытягивать палку вонъ, они все и попадаютъ. Народъ просто съ ума сходилъ, такъ что ксендзы, для прекращанія соблазна, наложили новое² заклятіе, и владѣ являться пересталъ.

Въ эту ночь снятся вѣщіе сны. Вотъ одинъ образчикъ. Снилось мужику, что онъ на такомъ-то мосту найдетъ деньги. Онъ и пошелъ туда искать ихъ. Искаль, искаль—не нашель. Зашель къ мельнику, что возлѣ моста жилъ, и рассказываетъ, какой онъ странный сонъ видѣлъ, повѣрилъ этому сну и обманулся. Мельникъ ему и говоритъ: „Не всякому сну вѣрь. Вотъ и мнѣ нѣсколько разъ свилось, что у такого-то (называетъ имя нашего искателя), живущаго тамъ-то, подъ печью деньги зарыты. Тогда догадался нашъ искатель, что значилъ его сонъ. Пришелъ домой, сталъ рыть подъ печкой и нашель деньги.“

Въ этотъ же день, по повѣрью, „вѣдьмы-коровницы отбираютъ молоко у коровъ“, „портятъ статовъ“. У „порченой“ коровы или удои уменьшаются, или

молоко дѣлается жидкимъ, лишеннымъ сливокъ; это значитъ, что молоко и сливки „отобраны“ вѣдьмой и перенесены на ея коровъ; у нихъ, вслѣдствіе этого, молоко становится такъ густо, что во время доенія „сбивается“ въ комочки масла.

Для этого вѣдьма въ купальскую ночь ходитъ по огородамъ, собираетъ цѣдилкой росу въ подойники, даетъ ее пить своимъ коровамъ и обмываетъ ими росую вымя. Отъ этого пропадаетъ молоко у коровъ тѣхъ козьяевъ, у которыхъ такимъ образомъ собрана роса. Еще собираютъ камни по чужимъ дворамъ и употребляютъ ихъ для „паренья“ молочныхъ горшковъ. Поэтому заботливыя хозяйки всю купальную ночь стерегутъ свои огороды, чтобы „коровница“ не собрала на нихъ росы.

Какая связь между собираемъ росы и убылью молока? Намъ объясняли, что роса это „сокъ земли“, дающій растениямъ питательность; что роса можетъ быть живительная и вредоносная. Первымъ свойствомъ она особенно отличается на Юрья, потому-то и выгоняютъ скотъ на Юрьеву росу. На купалу же она „молочная“: повѣріе говорятъ, что въ былыя времена случалось, что если намочить цѣдилку въ купальской росѣ, то съ нея лилось настоящее молоко. Объясненіе, очевидно, недостаточное, но другого народъ не знаетъ; первоначальный смыслъ этого воззрѣнія, кроющійся въ особенностяхъ первобытнаго мышленія, въ настоящее время утерянъ.

Вѣдьмы могутъ портить росу и тѣмъ вредить скоту. Для того, чтобы узнать вредная ли роса или

нѣтъ, знахарки вывѣшиваютъ на ночь тряпочку и утромъ пробуютъ — какова роса на вкусъ: если сладковата, значить порченная, и тогда нельзя выгонять скота на пастбище, пока не обсохнетъ роса, иначе скотъ можетъ заболѣть или въ молокѣ будетъ показываться кровь.

На Купалу, чтобы предохранить коровъ отъ порчи, прогоняютъ ихъ черезъ огонь, разложенный у воротъ. Если же и это не поможетъ, и молоко будетъ отобрано, тогда варятъ цѣдилку въ „купальскомъ зельѣ“ и отваръ даютъ пить коровамъ. Такимъ вывариваніемъ цѣдилки достигается и другая цѣль: вѣдьма, отобравшая молоко, должна отъ этого исчезнуть, если только ей ничего не одолжить въ теченіе трехъ дней.

Купала виѣстъ съ тѣмъ и праздниѣмъ огня. Въ купальскую ночь молодежь обоого пола собирается на полянку „въ житнюю смѣну“; тамъ раскладываютъ огонь; приносятъ съ собой водку, купленную въ складчину; дѣвушки жарятъ яичницу изъ принесенныхъ яицъ. Когда все готово, садятся вокругъ огня и закусываютъ. Потомъ зажигаютъ старое колесо, облитое дегтемъ и насаженное на жердь. Эту жердь вбиваютъ въ землю такъ, чтобы колесо высоко горѣло. Когда одно колесо сгоритъ, зажигаютъ другое и такъ далѣе, если только они припасены — и пляшутъ вокругъ колеса, взявшись за руки, подъ пѣніе купальскихъ пѣсень или „купалокъ“. Прежде всего поется нѣсна очевидно сложенная въ честь солнца:

Купальская ночь короткая, — соунѣва, соунѣка!

Соунійка рано усходзила—соунійка, соунійка! *)

Рана усхадзила поле освяцила;

Дзвѣокъ, хлопцоу будзила,

Работку давала—у поле посылало,

Кабъ хлопчики огви палили,

Поле свяцили, жита нильновали,

Кабъ вѣдзьмы заломоу не ломали,

У кароу малака не 'тбирали.

Отбери, Божа, таму ручки-ножки,

Видзяри, сова, со лба вочки,

Кабъ яны свѣту не бачили,

Яснаго сонца ня видзѣли!

А дзѣвочки кабъ жита заживали,

Краски-цвяточкі сбирали,

Вяночки звивали,

На галовоньку клали,

У таночку скабали,

Хлопцоу прываблялі.

Послѣ этого парни и дѣвушки, по парно и въ одиночку, прыгають черезъ огонь, чтобы очистить себя и предохранить отъ „немочей, норчи и заговѣровъ“.

На этомъ, повидимому, кончается одна часть праздничнаго обряда, посвященная очевидно лѣтнему солнцу и его земному замѣстителю—огню (надо сказать, что все это совершается по традиціи, безъ сознательнаго пониманія значенія обряда), и начинается другая часть, напоминающая одно изъ тѣхъ празднествъ любви, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, когда описываетъ

*) Слова: соунійка, соунійка,—повторяются послѣ каждой строчки.

обычай Сѣверяпъ, Радимичей, Вятичей и Кривичей: „брати (браковъ) не бываху въ нихъ, но игрыща, межю селы. Схожахуся на игрыща, на плясаніе, и на вся бѣсовская играща, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто совѣщашеса“.

Мы уже говорили, какъ связывается въ понятіи народа въ одно цѣлое представленіе о солнцѣ, какъ началъ плодородія, съ одной стороны — и любви съ другой. Несомнѣнно, что эта связь устанавливается посредствомъ аналогіи между плодородіемъ земли и дѣтородіемъ. Подобно тому какъ плодородіе земли въ представленіи народа является послѣдствіемъ живительнаго дѣйствія солнца, какъ бы онлодотворяющаго землю, такъ и чувство любви и дѣторождение, при помощи уподобленія, подводится подъ дѣйствіе, какъ часть къ общему, того же начала, дающаго жизнь всему, — солнца. Кромѣ того, весной, лѣтомъ, т. е. во время господства солнца, происходитъ, какъ извѣстно, спариваніе животныхъ, что первобытная мысль могла приписывать вліянію солнца.

Какъ бы тамъ нибыло, но дальнѣйшіе обряды празднованія купалы сохранили ясныя слѣды любовнаго культа. Такъ въ Борисовскомъ уѣздѣ, послѣ описаннаго нами, дѣвушки съ вѣнками на головахъ изъ цвѣтовъ и ржаныхъ колосевъ, становятся въ пережку съ парнями, составляя, такимъ образомъ, новый хороводъ. Тѣ изъ дѣвушекъ, которыя сосватаны, запасаются „рушниками“ или кусками тонкаго холста, своего издѣлія. Всѣ кружатся, и дѣвушки поютъ пѣсню, въ которой выхваляютъ достоинства однихъ парней и

осмѣиваются недостатки другихъ: у такого-то голова, какъ ведро, — воду носить, волосы, какъ помело, — печь выметать; языкъ, какъ лопата, — хлѣбъ сажать; носъ какъ „копачъ“ — навозъ разбрасывать; руки, какъ грабли — сѣно согребать; ноги, какъ „кочережки“, — жаръ загребать. А у такого-то кудрявая голова, — дѣвухекъ приманивать, ясные очи, дѣвухекъ высматривать, румяные губы — дѣвухекъ цѣловать и т. д.

Потомъ выходитъ на средину хоровада одна изъ дѣвухекъ сосватанныхъ (иногда, впрочемъ, выходятъ вмѣстѣ всѣ сосватанные или обручевные) и закрываетъ себѣ лицо, „чубромъ“, покрываломъ изъ холста. Тогда поютъ:

Ишла купалка сяломъ, сяломъ,

Закруши вочки чубромъ, чубромъ,

Довала хлопцамъ чаломъ, чаломъ, (въ это время дѣвушка кланяется на всѣ стороны).

Стали людзи дзивитися

Стала купалка сваритися:

Ахъ вы, людзи, вы дзіунны!

Чи вы на вулку не ходзили,

Чи вы купалки ня видзѣли,

Чи вы цвяточкоу не сбирали,

Чи вы вяночкоу не звивали

Чи вы у таночикъ не ходзили,

Чи вы дзѣвокъ не зводзили?

Потомъ купальщица начинаетъ выбирать себѣ парня „до пары“. Въ прежнія времена брали того, кто попадется; теперь же умудряются выбрать или жениха или того, кто нравится, потому что парни обычно-

венно подають голосъ, перебрасываясь шутками, часто очень нескромными. Намъ приходилось слышать отъ „ревнителѣй старины и отеческихъ преданій“ порицаніе такому новшеству: „бѣри того, хто попадзецца: на тоє стародавній звичай!“

Избранники снимають съ купальщиць покрывало и повязываютъ себѣ на руку или черезъ плечо, какъ это дѣлается на свадьбѣ. Это имъ даръ, „на рукавы“, какъ говорится въ Бѣлоруссіи. Въ это же время поють:

На мори вуточка купалася,
 На бережку сушилася;
 Млада Ганнулька зажурилася,
 Што яе дары не прадзены,
 Хоць прадзены, не снованы,
 Хоць снованы, дыкъ не тваны,
 А хоть тваны,—не бялены,
 Хоць бялены,—не качаны,
 Хоць качаны,—не рѣзаны,
 Хоць рѣзаны,—не дзѣляны.
 А хтожь тые дары дариць будзе?
 Будзе дариць млада Ганнулька:
 Таму-сяму по локцику,
 Свайму суженьку ня мѣручи.

Потомъ поются другія купальскія пѣсни, которыя, по своему содержанію очень напоминають „масляничныя“ пѣсни. Тутъ нарѣканія на свекра, на мужа, которые не пускають молодую „на купалійка, дзѣвоцкое гулянійка“; тутъ преподаются совѣты за кого выходить замужъ — за стараго или молодого; какую

выбирать себѣ невѣсту—богатую или бѣдную и т. п. А также поется баллада, распространенная въ Бѣлоруссіи во множествѣ вариантовъ, о томъ, какъ братъ женился на сестрѣ и какъ они обратились въ „братки“—цвѣтокъ Иванъ-да-Марья. Пѣніе продолжается до тѣхъ поръ, пока колесо сгоритъ и костры потухнутъ. Тогда парни бросаются хватать дѣвушекъ. Подымается свалка: женихъ отбиваетъ свою невѣсту, если она выбрала другого; поклонники одной и той же дѣвушки начинаютъ оспаривать ее другъ у друга; дѣвушки вырываются изъ рукъ тѣхъ парней, которые имъ не нравятся; другіе же счастливые пары стараются, подъ шумокъ, убраться подальше въ рожь, если они не успѣли этого сдѣлать прежде; наконецъ, такъ или иначе, вопросъ улаживается, и всѣ „пары“ расходятся по ржи, въ двоємъ коротать ночьку, встрѣчать восходъ солнца.

Въ Лепельскомъ уѣздѣ этотъ обрядъ даренія „рукавовъ“ совершался съ тою особенностію, что невѣста дарила *вспухъ* парней.

Въ другихъ мѣстностяхъ мы этого обычая совершенно не встрѣчали. Просто жгутъ костры, иногда изъ разныхъ отбросовъ и негодныхъ вещей, поютъ пѣсни, прыгаютъ черезъ огонь, и, пользуясь темнотою, мало по малу, расходятся влюбленные пары.

Изъ того, что мы описали, можно подумать, что купалка праздникъ «свободной любви». Можетъ быть оно когда-нибудь такъ и было. Но въ послѣднее время это не болѣе, какъ обрядъ, и отношенія молодыхъ людей слишкомъ далеко не заходятъ. Могутъ, конечно,

быть исключенія, но они случаются и помимо купаль-
экихъ обрядовъ и случаются всего чаще тамъ, гдѣ
бытовой укладъ жизни бѣлорусса пошатнулся: въ мѣ-
стечкахъ, городахъ, вблизи желѣзныхъ дорогъ, фаб-
рикъ и заводовъ. Гдѣ же крѣпокъ коренной строй жи-
зни бѣлорусса, тамъ этого почти не бываетъ. Въ такихъ
мѣстахъ женихи года по два снятъ на однихъ сѣнова-
лахъ съ невѣстами и однако это почти не отражается
на нравственности молодыхъ людей. Главная причина
такой сдержанности—сила общественнаго мнѣнія дерев-
ни. Въ Бѣлоруссиі широко распространены свадебный
обычай „сводить“ жениха и невѣсту и потомъ предъ-
являть гостямъ рубаху. Если не окажется доказательствъ
„честности“, то это покрываетъ позоромъ семью невѣсты
и для нея самой влечетъ многія непріятныя послѣдствія.
Обычай, конечно, въ высшей степени грубый, дикій,
варварскій, но его вліяніе велико.

Однако надо отмѣтить, что въ послѣднее время
многіе женихи, взя числа побывавшихъ въ школѣ, не-
рѣдко протестуютъ противъ этого постыднаго обряда;
но невѣсты все еще консервативны, — конечно, только
тѣ изъ нихъ, которыя могутъ публично щегольнуть
тѣмъ, что онѣ „блуди“ себя. Иногда даже плачутъ,
если имъ отказываютъ въ этомъ варварскокомъ тще-
славіи, особенно въ томъ случаѣ, если было на счетъ
ихъ „честности“ какое-либо сомнѣніе. Въ этомъ онѣ
всегда встрѣчаютъ настойчивую поддержку въ старомъ
поколѣвіи, которое, съ одной стороны, довольно рев-
ниво относится къ сохраненію старины, а съ другой—
не желаетъ лишиться „солодкой горѣлки“.

Намъ кажется, что въ описанныхъ нами обрядахъ съ достаточной ясностью отразился древній обычай умыканія невѣсты, а въ обрядѣ даренія парней и слѣпого выбора «пары», — намекъ на первобытное общинное право мужчинъ на всѣхъ женщинъ, принадлежащихъ къ данной общинѣ. Это нѣчто въродѣ выкупа, освобожденія себя отъ принадлежности всѣмъ мужчинамъ общины, для того, чтобы впоследствии принадлежать исключительно одному, какъ о томъ поется въ купальской пѣснѣ:

Дружочкамъ на одну ночку,
А сужанку на увесь вѣкъ.

Не случайно, конечно, принаровлена къ празднованію Купалы и баллада „о браткахъ“, столь распространенная въ Вѣлоруссіи, какъ ни одна пѣсня. Вѣроятно она служитъ отголоскомъ того далекаго прошлаго, когда было въ обычай супружеское сожительство въ ближайшихъ степеняхъ родства. На это также намекаютъ нѣкоторые обряды бѣлорусскаго свадебнаго ритуала, какъ напримѣръ, обрядъ выкупа женихомъ у брата невѣсты ея косы, съ которой обыкновенно соединяется понятіе о дѣвчествѣ.

Богачъ *). Въ Игуменскомъ уѣздѣ „Богачомъ“

*) Такъ какъ описаніе празднованія „богача“, сколько намъ извѣстно, впервые появляется въ печати, то, въ видахъ дальнѣйшаго дополненія нашего описанія, считаемъ нужнымъ указать, что мы наблюдали эти празднества въ Игуменскомъ уѣздѣ, гдѣ оно бытуетъ во многихъ деревняхъ, преимущественно Погорѣльской вол. Также „богачъ“ празднуется въ Волковыскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи.

называютъ Рождество Богородицы (8-го сентября); послѣднее названіе почти не извѣстно народу *).

Въ жизни земледѣльца это самое счастливое время — время сравнительнаго довольства, когда и убѣднѣесть есть хлѣбъ на столѣ, а у богатыхъ, „какъ князья скирды широко сидятъ, поднявъ головы“. Отсюда понятно, почему народъ называетъ „богачомъ“ праздникъ, совпадающій со временемъ окончательной уборки хлѣба и хозяйственнаго обилія. Но есть факты, заставляющіе думать, что „богачъ“ — одно изъ земледѣльческихъ божествъ до-христіанскаго періода, одно изъ видоизмѣненій несторовскаго Дажь бога солнца, бога изобилія, богатства, на что указываетъ и самое имя его. Представленіе объ этомъ богѣ стерлось въ памяти народа, но указанія на то, что онъ, этотъ богъ, вѣкогда занималъ мѣсто въ вѣрованіяхъ бѣлоруса, сохранилось въ обрядахъ. Хотя „богачемъ“ называютъ собственно Рождество Богородицы, но празднованіе „богача“ справляютъ не только въ этотъ день, а и въ другіе праздники, близкіе къ осеннему равноденствію. Если, напримѣръ, въ деревнѣ есть церковь или часовенка въ память святаго, празднуемаго въ это время, то и празднованіе „богача“ припоровливается къ этому дню.

Главную роль въ обрядѣ этого праздника играетъ „богачъ“ или „богатце“. Это „лубка“ ржи со вставленной въ нее восковой свѣчой. „Богачъ“ ставятъ въ

*) Въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи этотъ праздникъ зовется Малая Прачистая, въ отличіе отъ Успенія — Большой Прачистой.

течение цѣлаго года въ домѣ очереднаго хозяина, въ почетномъ углу, подъ иконами. Въ этотъ день свѣча зажигается. Приглашается священникъ для служенія молебствія, которое и служится прежде всего въ томъ домѣ, гдѣ стоитъ „богачъ“. Потомъ хозяинъ, вслѣдъ за священникомъ несетъ „богача“ въ слѣдующій дворъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ хозяева. Для встрѣчи ставятъ на дворѣ столъ, покрытый бѣлой скатертью и установленный „лубками“ ржи, пшеницы, ячменя или другаго хлѣба. „Богачъ“ ставится на столъ къ хлѣбамъ, и служится краткое молебствіе. Священникъ и всѣ его сопровождающіе приглашаются въ хату для угощенія, при чемъ „богачъ“ ставится на покути. И такъ обходятъ по очереди всѣ дома. Зерновый хлѣбъ, которымъ встрѣчали „богача“ идетъ въ пользу причта.

На другой конецъ села сгоняютъ весь скотъ, и когда обойдутъ всѣ дворы, то обносятъ „богача“ во кругъ скота. Послѣ этого относятъ его въ домъ къ очередному хозяину, гдѣ онъ и остается цѣлый годъ. Онъ, по повѣрью приноситъ, въ домъ богатство и счастье.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рожь и воскъ для „богача“ собирается со всей деревни и подмѣняется только тогда, когда „богачъ“, по очереди, обойдетъ всю деревню или же когда свѣча сгоритъ. А въ другихъ мѣстностяхъ рожь и свѣча подмѣняются ежегодно очереднымъ хозяиномъ, при чемъ рожь для этого вымолачиваютъ изъ перваго, „зажиночнаго“ снопа *).

*) Первый снопъ (зажиночный), подобно дожиночному вѣнку, повсемѣстно въ Бѣлоруссіи пользуется особымъ значеніемъ; его каждый хозяинъ, принеся домой, ставитъ въ почетномъ углу. Это соблюдается и тамъ, гдѣ „богача“ совсѣмъ не празднуютъ.

Въ послѣднемъ случаѣ подмѣненная „богачовая“ рожь смѣшивается съ обыкновенной и употребляется на сѣмена. Приготовленіе свѣчи сопровождается общей вечерей всѣхъ участниковъ и особыми пѣснями, напоминающими „дожинковья“.

Не есть ли это соединеніе зерноваго хлѣба, символа благосостоянія, со свѣчю, символомъ свѣтоноснаго начала, не есть ли это прообразомъ солнца Даждьбога, источника свѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ покровителя земледѣлія, слѣдовательно бога обилія и благосостоянія? Вѣдь трудно придумать болѣе подходящую символизацію солнца, согласно первобытному представленію о немъ, какъ о богѣ земледѣлія. Кромѣ того, то обстоятельство, что празднованіе „богача“ болѣе или мѣнѣе совпадаетъ со временемъ осенняго равноденствія, также отчасти указываетъ на принадлежность этого праздника къ солнечному культу, и если это вѣрно то такимъ образомъ заполняется пробѣлъ въ циклѣ празднествъ въ честь солнца. Одно изъ этихъ празднествъ несомнѣнно должно было справляться осенью. Если коляды посвящались зимнему солнцу, масленица и великодні—весеннему, купала—лѣтнему, то было бы не понятно отсутствіе праздника въ честь осенняго солнца, тѣмъ болѣе непонятно и необъяснимо, что въ это именно время первобытный человѣкъ видѣлъ плоды его благодѣтельнаго вліянія.

Надо еще замѣтить, что по-бѣлорусски слово „богачъ“ не употребляется въ томъ смыслѣ, какъ въ русскомъ языкѣ—въ смыслѣ богатый человѣкъ. Въ этомъ смыслѣ бѣлоруссы употребляютъ „богатырь“ или при-

лагательное — богатый. А „богачъ“ употребляется только въ вышеуказанномъ смыслѣ, т. е. какъ народное названіе Рождества Богородицы и лукошка съ зерновымъ хлѣбомъ и свѣчой; послѣднее, впрочемъ, не всюду называется „богачемъ“.

V.

Олицетвореніе зла.

Вообще человекъ субъективенъ, а первобытный человекъ въ особенности. Поэтому всё явленія внѣшняго міра онъ разсматриваетъ по отношенію ихъ къ самому себѣ и дѣлитъ ихъ на полезныя и вредныя для него, человекъ. На дальнѣйшей ступени своего интеллектуальнаго развитія, когда человекъ уже успѣетъ выработать начала нравственности, различеніе добра и зла, онъ склоненъ относить полезное для себя къ болѣе общей категоріи добра, а вредное къ категоріи зла.

Древнимъ славянамъ, какъ народу арійскаго корня, было не чуждо подобное подраздѣленіе; такъ мы встрѣчаемъ у нихъ бѣль-боговъ и черно-боговъ, и послѣдніе, вѣроятно, имѣли болѣе или менѣе демоническій характеръ, противились благимъ начинаніямъ бѣль-боговъ. Но славяне не стояли на такой высокой степени развитія, чтобы въ ихъ вѣрованіяхъ это раздѣленіе достигло той опредѣленности и того значенія, какъ въ религіи Зороастра. Съ принятіемъ же христіанства боги того и другого порядка еще болѣе смѣ-

шались, ибо съ точки зрѣнія христіанства тѣ и другіе—бѣсы. Однако бѣлоруссы еще и до сихъ поръ дѣлають различіе между домовыми и олицетвореніями стихійныхъ силъ съ одной стороны и между чертями съ другой; по крайней мѣрѣ такое различіе сказывается въ воззрѣніяхъ бѣлорусса на тотъ и другой родъ нечистой силы.

Чортъ—это, такъ сказать, принципиальный противникъ всего благаго, это чистое олицетвореніе зла. И водяной, и лѣшій, и другіе стихійные боги могутъ дѣлать зло, но могутъ и не дѣлать его; а чортъ не можетъ: такова ужъ его натура. Если онъ и дѣлаетъ иногда будто бы добро, такъ это только въ видахъ достиженія большаго зла. Онъ неотступно слѣдитъ за человѣкомъ, иоровитъ воспользоваться всякой возможностью, чтобы причинить ему вредъ, ввести его въ грѣхъ, погубить его душу. Онъ внушаетъ человѣку дурныя мысли и поступки. Онъ особенно силенъ и навязчивъ, когда воля человѣка слаба, сознание смутно, такъ напримѣръ, когда человѣкъ пьянъ. Тогда чортъ, смѣло выступаетъ на борьбу съ нимъ и не скрывается а принимаетъ свой настоящій видъ. Каковъ же этотъ *настояшій видъ*? Нѣчто въродѣ изображенія сатировъ: на головѣ рога, козлиная бородка, двухкопытныя или однокопытныя ноги, коровій хвостъ, на рукахъ длинныя когти, тѣло покрыто шерстью. Кто изъ чертей поважнѣе, тотъ, вдобавокъ, еще хромъ и горбатъ. Чортъ также часто принимаетъ образъ козла. Въ этомъ видѣ онъ любитъ подшучивать надъ простодушными людьми. Когда разразится гроза или дождь, чортъ

прикинется козликомъ и начинаетъ жалобно блеять. Сердобольный человѣкъ, возьметъ его въ полу и несетъ домой, чтобы отогрѣть. А чорту только этого и надо: съ крещеной душой ему безонаснѣй отъ грома, да и пріятно заставить человѣка поднести себя. Чѣмъ дальше идетъ человѣкъ, тѣмъ козликъ ставовится тяжеле. Человѣкъ, изнемогая подъ тяжестью, еле дышетъ, а козлика жаль бросить—такъ опъ жалобно блеетъ. Но вотъ уже и домъ. Тутъ козликъ, выпрыгнувъ изъ полы, расхохочется дикимъ голосомъ, сдѣлаетъ неприличіе—и только его видѣли.

Чортъ любитъ сбивать путниковъ съ дороги, сбрасывать колеса съ осей во время ѣзды, заводитъ пьяныхъ въ болота или въ прорубя.

Черти бываютъ большаго и меньшаго калибра, но величественнаго образа сатаны, какъ онъ рисуется воображенію поэтовъ, народъ не знаетъ: бѣлорусскій чортъ вообще мелкотравчатый. Мы уже говорили, что болѣе могущественными чертами считаются тѣ изъ нихъ, которые хромы и горбаты. По поводу пріобрѣтенія ими этихъ уродствъ существуетъ преданіе, что черти когда-то воевали съ ангелами, были побѣждены ими и сброшены съ неба на землю. Летѣли они, какъ черная туча, какъ снѣгъ, летѣли долгое время. Мелкіе черти во время паденія отдѣлались сравнительно дешево—получили легкіе ушибы и только; а крупныя, какъ болѣе тяжелыя, поломали ноги, понабивали горбы. Такъ и остались они навсегда хромыми и горбатыми. Кромѣ того, во время небесныхъ войнъ многіе изъ нихъ получили тяжелыя раны и увѣчья. А глав-

ный чортъ, который всѣми ими предводительствовалъ, былъ закованъ ангеломъ въ цѣпи и посаженъ въ каменную гору *). Когда этотъ чортъ поворачивается въ горѣ или въ ярости начинаетъ рвать цѣпи и метаться, то земля дрожить, горы трескаются. Цѣвь его чрезвычайно толста, но каждый годъ грѣхи людей переѣдаютъ ее, какъ ржа желѣзо. Случается, что къ Пасхѣ она становится тонка, какъ волосъ, но все таки держитъ чорта. Лишь только запоютъ «Христось воскресе» на пасхальной заутрени, она снова становится такую же толстой, какъ была прежде. Но когда грѣхи людей до того умножатся, что переѣдятъ цѣвь совершенно, тогда будетъ кончина міра: дьяволъ освободится и все разрушитъ; если же люди постараются поменьше грѣшить, то міру и конца не будетъ.

Вѣлоруссы воображаютъ, что на днѣ неприступной трясины возсѣдаетъ старшій чортъ и оттуда разсылаетъ подвластныхъ ему чертей для искушенія люда, выслушиваетъ отчеты о ихъ дѣятельности, подаетъ имъ совѣты, какъ достигъ болѣе успѣшныхъ результатовъ, и наказываетъ лѣнливыхъ. Между ними существуетъ довольно длинная іерархія, но честности въ ихъ средѣ нѣтъ и въ поминѣ; напротивъ, подчяженные всячески пороватъ обмануть начальниковъ, увильнуть отъ заданной работы, особенно если она тяжела и непріятна, и избѣжать наказанія. Такія черты ихъ характера силовъ и рядомъ встрѣчаются въ тѣхъ вѣлорусскихъ сказкахъ, гдѣ фигурируютъ черти. Пред-

*) Этого чорта нерѣдко называютъ *цмокомъ*. Цмокъ собственно значитъ драконъ.

полагаются у нихъ и половыя и возрастныя различія: есть черти, чертовки и чертенята. Однако чортъ не прочь вступить въ половую связь и съ обыкновенной смертной. Отъ такого общенія рождаются чудовища и уроды, не имѣющіе никакого подобія человѣческаго. Тотчасъ же послѣ рожденія они исчезаютъ съ визгомъ и хохотомъ.

Чортъ—источникъ зла на землѣ. По космогоническому преданію, широко распространенному въ Бѣлорусіи, онъ, участвуя въ созданіи земли, внесъ въ нее все злое.

Вотъ это преданіе.

Въ началѣ вода покрывала землю. Богъ приказалъ чорту нырнуть на дно и достать оттуда горсть земли. Чортъ спустился на дно, захватилъ горсть земли, но не всю отдалъ Богу, а спряталъ часть во рту. Богъ взялъ въ руки горсть земли, благословилъ ее и бросилъ на воды,—и земля стала расти, расширяться, покрывать воду гладкимъ и ровнымъ, какъ токъ, слоемъ. Но стала расти и та земля, что была у чорта во рту, стала раздирать ему ротъ. Чортъ, корчась отъ боли, сталъ кататься по землѣ и выплевывать изо рта землю. Долго онъ катался такъ и плевалъ. Оттого поверхность земли сдѣлалась гористой, и земля мѣстами отравилась чортовой слюной. Поэтому, когда Богъ, подготавливая землю для человѣка, посѣялъ жито (рожь), пшеницу, ячмень, просо, яблоны, груши и цѣлебныя травы, то мѣстами выросъ нурей, «кастеръ», лебеда, блекоть (бѣлена), застыръ (терновникъ) и всѣ другія вредныя растенія. Потомъ

Богъ создалъ полезныхъ животныхъ: лошадей, коропъ, овецъ, собакъ... Но нѣкоторыя изъ ихъ, не умѣя различать полезныхъ травъ отъ вредныхъ, наѣлись ядовитыхъ и превратились въ волковъ, росомахъ, медвѣдей и прочихъ вредныхъ животныхъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока животныя не научились различать полезныя травы отъ ядовитыхъ. Слѣшилъ Богъ изъ глины человѣка, дохнулъ на него, и человѣкъ зашевелился, ожилъ. Чортъ это все видѣлъ. Онъ улучилъ мигъ, когда человѣкъ спалъ, дохнулъ на него, — и вселился въ человѣка также и злой духъ, и человѣкъ получилъ склонность ко злу.

(М. Холоничи, Борисовск. уезда)

Этотъ разсказъ циркулируетъ въ Бѣлоруссіи въ нѣсколькихъ вариантахъ; мы выбрали самый типичный, въ которомъ наиболѣе ясно и послѣдовательно проведена идея, что все зло на землѣ отъ чорта. Но не довольствуясь этимъ исконнымъ зломъ, онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы его увеличить, чтобы больше и больше причинять вреда людямъ, чтобы въ конецъ погубить ихъ души. Въ этомъ отношеніи и сами люди являются ему ревностными пособниками, вступая въ связь съ нечистой силой.

VI.

Сообщники нечистой силы.

Въ любой мѣстности Вѣлоруссии вамъ укажутъ людей обоого пола, которые, какъ говорятъ бѣлоруссы, „знаютца зъ нечистикомъ, своиа чорту, свою душу ему запродали“. Называютъ ихъ разно: чароушниками и чароушницами, (иногда, по рѣдко, колдунами), знахарями и знахарками, ворожбитами, вѣдзьмаками и вѣдзьмами, воукулаками и пр. Всѣ эти названія упоминаются въ памятникахъ нашей древней письменности, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ другихъ, несохранившихся въ современномъ бѣлорусскомъ говорѣ, какъ напримѣръ — кудесникъ, волхвъ, вѣщая женка. Въ этихъ памятникахъ они употребляются какъ синонимы: вѣдунъ, знахарь, колдунъ, кудесникъ — все это названія, указывающія на *высшее вѣдѣніе*. Такъ называли людей одаренныхъ необыкновенною мудростью, даромъ предвидѣнія, пророчества, поэтического творчества, обладающихъ знаніемъ священныхъ заклятій, жертвенныхъ и очистительныхъ обрядовъ, умѣньемъ совершать гаданія и врачевать недуги. Въ настоящее время народъ дѣлаетъ нѣкоторыя различія между этими назва-

ніями, смотря по тому, съ какого рода нечистой силой имѣють дѣло данные чаровники, съ какою цѣлью употребляютъ они свое таинственное знаніе и по другимъ причинамъ. Быть вѣдьмой, вѣдьмакомъ, вовколакомъ, съ точки зрѣнія бѣлорусса, болѣе предосудительно, чѣмъ быть просто чаровникомъ: разные чаровники бываютъ. Вѣдьмой, вѣдьмакомъ, вовколакомъ бѣлоруссы ругаются, какъ чѣмъ-то позорнымъ, но этого не замѣчается относительно слова чаровникъ, ворожить и знахарь. Слыть знахаремъ даже почетно. Знахари и знахарки употребляютъ свои познанія больше на пользу ближняго, а вѣдьмаки и вѣдьмы почти никогда. Чаровникомъ называютъ вообще того, кто умѣетъ совершать *чары*, то-есть такіе суевѣрные, таинственные обряды, заклинанія, которымъ подчиняются стихійныя и другія силы. Впрочемъ, не всякій чаровникъ умѣетъ совершать *всѣ* эти чары, а только тотъ, который душу чорту продалъ. Большинство же изъ нихъ знаютъ только что-нибудь одно. Въ этомъ и различіе между большими, «важными», «настоящими» чаровниками и малыми, узкими специалистами.

Профессиональное колдовство. Въ послѣднемъ смыслѣ считаются чаровниками тѣ люди, которые по своимъ знаніямъ поставлены въ близкое общеніе съ тою или другою стихіею, каковы кузнецы, мельники, лѣсники, настухи, насѣчники, пивовары и др. Предполагается, что каждый изъ нихъ хорошо изучилъ свойства той „нечистой силы“, съ которой приходится имѣть дѣло вслѣдствіе своей профессіи. Плохъ былъ бы тотъ мельникъ, который не зналъ бы, какъ уго-

дить водяному; или тотъ пастухъ, который не умѣлъ бы изгнать хлѣвника. Поэтому мельника съ „вѣтрака“ приглашаютъ лѣчить „подвѣй“ (параличъ); мельники съ водяныхъ мельницъ умѣютъ „дать воды“, т. е. напештывать на воду заговоры для излѣченія болѣзней или съ цѣлю насланія ихъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, опираясь на помощь своего нечистика, могутъ производить чары, не относящіяся прямо къ предмету ихъ профессіи. А при томъ никто, конечно, не воспрещаетъ, наприм., мельнику, изучить ремесло лѣсника или ворожбита, онъ можетъ быть и вовколакомъ, и жена его можетъ быть отличной вѣдьмой. Но все это необязательно. А вотъ угодить водяному, чтобы онъ давалъ постоянно достаточное количество воды, чтобы мельница не стояла, когда много „завозу“, — все это мельникъ долженъ знать или пусть не берется не за свое ремесло. И мельникъ съ вѣтряной мельницы долженъ умѣть „запречь вѣтеръ“ и, само собою разумѣется, тѣхъ духовъ, которые производятъ вѣтеръ, вихрь, бурю и т. п. Онъ долженъ все предусмотрѣть: не насиловать вѣтра, чтобы тотъ не разсердился и на долго не улегся; долженъ умѣть вызвать его въ затишье, когда надо молоть, а также умиловить бурю, чтобы она не поломала мельничныхъ крыльевъ.

Опытный мельникъ съ водяной мельницы, при первыхъ заморозкахъ, когда вода покрывается тонкой скорлупой льда, опускаетъ водяному подъ колесо кусокъ сала, „кабъ колесы не скрипѣли“, какъ объяснялъ это старый мельникъ, Григорій Порѣцкій (Хо-

лопепичи, Борисовск. уѣзда); а когда убиваютъ свинью, то бросаютъ и цѣлое стегно. Впрочемъ, неразборчивый водяной иногда довольствуется и частью свиныхъ кишекъ, покрытыхъ кишечнымъ жиромъ. Не принеси мельникъ этой жертвы водяному, то не наберешься смазки для колесъ: водяной будетъ вылизывать ее изъ боекъ и слизывать съ осей, а кромѣ того и бѣдъ можетъ причинить не мало.

Мельникъ съ вѣтряка, чтобы поднять затихшія вѣтеръ, взбирается на «шапку» своей мельницы и бросаетъ горстями муку „на узвѣй вѣцерь“, какъ говорятъ бѣлоруссы.

Лѣсникъ, въ свою очередь, долженъ умѣть умилоствити лѣшаго, а не то онъ можетъ наслать на него какого нибудь опаснаго звѣря, который, чего добраго, можетъ поранить или растерзать. И вотъ, въ искупленіе себя, взамѣнъ своего тѣла, лѣсникъ добровольно приноситъ часть его въ жертву лѣшему,— часть, впрочемъ, самую безобидную.

Замѣнять цѣлое частью въ такихъ случаяхъ — дѣло обычное у некультурныхъ народовъ. Такъ вѣкторыя дикія племена, избивавшія въ прежнія времена на могилахъ своихъ вождей ихъ женъ и рабовъ для загробныхъ услугъ, теперь допускаютъ вѣкторый компромиссъ въ этомъ отношеніи; именно выбиваютъ обреченнымъ по одному зубу или отрѣзываютъ мизинцы, волосы, ногти и бросаютъ въ могилу.

Такъ поступаютъ и наши «знающіе на рѣчахъ» лѣсники. Отправляясь на Благовѣщеніе въ лѣсъ, они несутъ съ собою кусокъ хлѣба съ солью; въ него вти-

скиваютъ немного своихъ волосъ, а иногда и ногтей. Придя на опушку лѣса, становятся лицомъ къ востоку и приговариваютъ, кружа хлѣбъ около головы:

Усю зиму морозы трещали,
 Бури выли, вѣтры шумѣли,
 Сосны и ели скрипѣли;
 Вауки хадзили, галасили—
 Ъсьци прасили:
 Чи ты дай голову авеччу,
 Чи чалавѣччу.
 На святое Благовѣщеня
 Уси звяры на вырай папли;
 Вауки выюць, свиньяи стогнуць,
 Мядзвѣдзи мармочуць,
 Зубами скрыгочуць,
 Ъсьци хочуць:
 Чи ты дай галаву авеччу,
 Чи чаловѣччу!

— Досыць маихъ валасоу! — трижды восклицаетъ лѣсникъ, и послѣ этихъ словъ, бросаетъ хлѣбъ, на отмашъ, далеко въ сторону. По другому варіанту въ концѣ приговариваютъ: „Апричъ (кромѣ) моей галавы!“

Тутъ будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о заговариваніи ружья.

Бѣлорусскіе крестьяне увѣрены, что искусные лѣсники, благодаря знанію особыхъ заговоровъ, могутъ стрѣлять безъ промаха, могутъ прострѣлить кому нибудь шейный платокъ, не тронувъ шеи, а другимъ могутъ «портить» ружья такъ, что они будутъ «жить»: такимъ ружьемъ какъ ни подстрѣли дичь, а

она улетитъ или убѣжитъ. Иные такъ, дескать, „заговаряютъ“ ружье, что послѣ выстрѣла дробь остается въ стволѣ или выстрѣлъ не попадаетъ въ цѣль, или, наоборотъ, весь зарядъ будетъ попадать въ мелкую дичь, такъ что она будетъ никуда негодна.

Опытные люди совѣтуютъ держать дробь во рту, когда заряжаешь ружье, чтобы ее «не заговорили». А при томъ — нужно знать соответствующіе заговоры. Въ нашежь распоряженіи имѣется одинъ изъ нихъ:

На синемъ мори,
 На беражочку,
 На жоутымъ пясочку,
 Стоить дубъ зялений,
 Къ зямлѣ нахиленный.
 А съ того дуба
 Якъ узвималься
 Шуры да буры,
 Вѣтры кавуры (?);
 Якъ наносила
 Гяусцоу (глухарей), цяцерекъ,
 Гусей и вуютокъ,
 Малаго птаства,
 Якъ цемной хмары (тучи);
 Якъ наганяли
 Лисиць и зайцеу,
 Ласей и дзикоу (кабановъ)
 Мнѣ ва потребу
 (Или — Скольки мнѣ треба).
 Ой, ляцице пташки
 И шѣрыя вутки

Ба мнѣ стральцу - малайцу!
 Бѣжице лисицы
 И шѣрыя зайцы
 На мою стрѣльбу (ружьѣ)!
 А моя стрѣльба
 Рученая--вученая,
 Кабъ маху не давала,
 Усякое живела
 На мѣсти клала.

Этотъ заговоръ произносится, когда входятъ охотникъ въ лѣсъ, чтобы тянула къ нему дичь *).

«*Настоящіе*» *чарошники*. Всѣ указанные нами виды профессиональнаго колдовства, если оно не выходитъ изъ очерченныхъ нами рамокъ, немногими въ Бѣлоруссіи считается дѣломъ предосудительнымъ; напротивъ, большинство смотритъ на все это, какъ на высшее знаніе данной профессіи, существенно необходимое для ея успѣшнаго выполненія. Но чтобы быть заправскимъ чарошникомъ, обладающимъ высшей степенью могущества, нужно продать чорту свою душу. Для этого надо порвать всякую связь съ церковью и совершать нѣчто чрезвычайно кощунственное: во время причащенія не проглатывать св. Тайнъ, а удержатъ ихъ во рту; потомъ вынести ихъ «на розстанки» (перекрестокъ дорогъ), положить на одномъ изъ крестовъ, которые

*) По части профессиональнаго колдовства кузнецовъ, пастуховъ и пр. у насъ не имѣется матеріаловъ; что же касается пастуховъ и колдовства, связаннаго съ ихъ занятіемъ, то мы попутно сообщали о немъ при описаніи обрядовъ изгнанія хлѣвника и празднованія Юрья.

почти всюду въ Бѣлоруссіи ставятся на перекресткахъ, и выстрѣлить въ св. Причастіе. Въ это время, какъ говорятъ, видится Христось Распятый.

Можно предполагать, что если на подобный поступокъ и рѣшались, то развѣ только въ глубокой древности, когда христіанство боролось съ язычествомъ. Этимъ актомъ, вѣроятно, знаменовалось отреченіе отъ христіанства и окончательный возвратъ къ прежнимъ вѣрованіямъ, къ прежнимъ богамъ. Нынѣ же почти всюду въ Бѣлоруссіи такъ много распространено разсказовъ о томъ, что большинство стрѣлявшихъ въ Св. Причастіе (если только это когда вибудь дѣлалось) сходили съ ума, превращались въ дикихъ звѣрей и тому подобнымъ подвергались наказаніямъ, что едва ли кто-нибудь рѣшится совершить такое кощунство.

Кто совершитъ такой поступокъ, тому-де до его смерти будетъ служить чортъ, исполнять всѣ его приказанія. Что скажетъ такой чаровникъ, то и сбудется.

По народнымъ воззрѣніямъ, желаніе „счаровать“ кого-нибудь является у чаровника стихійно, произвольно, иногда помимо его сознанія. Онъ тогда чародѣйствуетъ, когда „кроу яму вочи залецъ“, когда „ничистая сила къ галавѣ падстуницъ, у галаву ударидъ“, — такъ народъ выражаетъ ту мысль, что чаровникъ дѣйствуетъ какъ бы въ изступленіи, въ полубытіи. Будучи въ такомъ состояніи, онъ долженъ непременно кого-нибудь „счаровать“. Тогда ему на глаза не попадѣйся — за ничто пропадѣшь.

Извѣстные чаровники пользуются среди населенія наружнымъ почетомъ, въ большинствѣ случаевъ —

неискреннимъ. Во время семейныхъ торжествъ — свадебъ, крестинъ — ихъ сажаютъ на почетныя мѣста, обращаютъ на нихъ исключительное вниманіе, особенно усердно угощаютъ, чтобы не раздражить ихъ и тѣмъ не повредить будущему счастью новобрачныхъ или новорожденнаго. Такое отношеніе къ своей особѣ чаровникъ принимаетъ какъ вѣчто должное, вполне заслуженное и не стѣсняется угрожать хозяевамъ или тому, кѣмъ онъ недоволенъ, что счаруетъ. — “Ну, будзеце жь вы мяне помниць”. — „Я вамъ дамъя у цямки!“ — говорить въ такихъ случаяхъ чаровникъ. Присутствующихъ при этомъ охватываетъ страхъ. Навлекшіе неосторожно гнѣвъ одного чаровника, стараются разрѣшить его чары при помощи другого. Бываютъ случаи, что впечатлительные люди, при угрозѣ чаровника повредить имъ, падаютъ въ обморокъ, а иногда серьезно заболѣваютъ нервнымъ разстройствомъ. Это еще болѣе увеличиваетъ славу чаровника и вселяетъ суевѣрный страхъ къ нему.

Вѣдьмы и вовколаки. Мы уже имѣли случай упомянуть, что, изъ числа сообщниковъ нечистой силы, самой дурной репутаціей среди бѣлоруссовъ пользуются вѣдьмы. Это, во-первыхъ, объясняется тѣмъ, что вѣдьма, по понятіямъ народа, — чортова любовница, что она находится въ непосредственной связи именно съ чортомъ, а не съ какою-нибудь другою, болѣе безобидною, нечистой силою. Во-вторыхъ, въ Бѣлоруссіи были нерѣдкостью, даже въ прошломъ вѣкѣ, публичныя сожженія вѣдьмъ, что, несомнѣнно, должно было ухудшать ихъ и безъ того дурную славу въ народѣ.

Правда, въ Бѣлоруссіи формально не существова-

до священной инквизиціи и потому сожженія вѣдьмъ производились не въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ и обставлялись далеко не такъ торжественно, какъ въ Западной Европѣ; но и того, что по этой части творилось у насъ, было достаточно, чтобы произвести сильное впечатлѣніе на умы. Насколько проста была у насъ процедура этихъ изувѣрческихъ актовъ, видно изъ письма управляющаго имѣніемъ графа Тышкевича, письма, относящагося къ половинѣ прошлаго столѣтія. Вотъ что пишетъ нашъ доморощенный инквизиторъ:

„Ясневельможный панъ! Съ возвращающимися крестьянами доношу, что съ вашего позволенія сжегъ я шесть чаровницъ: три сознались, а остальные — нѣтъ. Двѣ изъ нихъ престарѣлыя, третья тоже лѣтъ пятидесяти, да къ тому же одинадцать дней она всѣ просидѣли у меня подъ чаномъ, такъ, вѣрно, и другихъ заколдовали. Вотъ и теперь господская рожь въ двухъ мѣстахъ заломана. Я собираю теперь съ десяти костеловъ святую воду и буду на ней варить кисель: говорятъ, непремѣнно всѣ колдуны прибѣгутъ просить киселя; тогда еще будетъ мнѣ работа! Вотъ и г. Эпернетти, по нашему примѣру, сжегъ женщину и мужчину... Этотъ несчастный ни въ чемъ не сознался, за то женщина созналась во всемъ и съ великимъ отчаяніемъ пошла на тотъ свѣтъ *)“.

Авторъ этого письма, какъ видите, говоритъ о сожженіи восьми человѣкъ, какъ о дѣлѣ самомъ простомъ, самомъ заурядномъ, ни на минуту, повидимому,

*) Афанасьевъ. Поэтич. возр. слав. на прир., т. III.

не сомнѣваясь въ своей правотѣ. Судя по этому наивному тону, отъ котораго вѣтъ безсознательной жестокостью, холоднымъ ужасомъ, немного требовалось, чтобы попасть на костеръ ..

Почва, которая порождала столь печальныя явленія, какъ вѣдовство и многочисленныя процессы вѣдьмъ, и у насъ, и въ западной Европѣ, была одна и та же. Это, во-первыхъ, повальное невѣжество, благодаря которому и въ высшихъ и въ низшихъ слояхъ народа упорно держались остатки древнихъ вѣрованій; во-вторыхъ, чрезмѣрное закрѣощеніе крестьянъ. Крѣпостное состояніе давило народъ экономически, держало его въ постоянной нищетѣ, изнуряло непосильнымъ трудомъ... Оно особенно тяжело отзывалось на положеніи женщины, во-первыхъ, потому, что она физически слабѣ мужчины, а во-вторыхъ потому, что она была закрѣощена вдвойнѣ: и мужу, и помѣщику. Чрезмѣрный трудъ, горе, болѣзни въ концѣ расшатывали организмъ женщины. На этой почвѣ легко возникало нервное расстройство, которое проявлялось въ разныхъ формахъ и при томъ дѣйствовало заразительно, какъ напимѣръ, кликушество. Понятно, что могли являться такіе люди, которые въ силу особаго болѣзненнаго состоянія своей нервной системы, воображали, что они дѣйствительно находятся въ общеніи съ дьяволомъ.

Но обратимся къ народнымъ воззрѣніямъ на вѣдьмъ.

Благодаря своей любовной связи съ чортомъ, вѣдьма научилась отъ него колдовству, узнала таинственныя свойства нѣкоторыхъ травъ и кореньевъ. Прибавляя

къ этимъ травамъ лисичье сердце *) и кошачью печень, причитывая извѣстныя ей заклинанія, она вывариваетъ изъ нихъ волшебную жидкость, которая имѣетъ свойство придавать вѣдмѣ молодость и чудную красоту или же, не измѣняя ея внѣшности, сообщаетъ ей необыкновенную привлекательность, совершенно неотразимую для простаго смертнаго. Кромѣ того, когда выпьетъ вѣдма добытую ею чудесную жидкость, то становится легкою, какъ пухъ, и можетъ носиться по воздуху, или «по вѣтру», какъ говорятъ бѣлоруссы. Такъ летаетъ вѣдма на таинственныя бѣсовскія игрища, шабаша, которые совершаются ночью, гдѣ-нибудь на высокой горѣ (такая гора, отъ соприкосновенія съ нечистой силой, становится „лысой“). Главный шабашъ происходитъ одинъ разъ въ году, въ самую бурную ночь между Ильинымъ и Успеневымъ днемъ. Эта ночь почему-то называется *рябиновой*, *воробыиной*, иногда, но рѣдко, *громовой*. Страшный громъ, непрестанная молнія отличаютъ ее отъ другихъ ночей. И вотъ подъ грохотъ грома, ослѣпительный блескъ молній, завываніе бури слетается нечистая сила на свой годовою праздникъ. Далѣе этого народная фантазія не идетъ. Ничего напоминающаго «Черную обѣдню» въ памяти бѣлоруссовъ не сохранилось.

Кромѣ полового общенія съ сатаной и очаровыванія мужчивъ, вѣдмы еще отбираютъ у чужихъ коровъ молоко (вѣдмы-коровницы), *заламываютъ заломы* во

*) Между прочимъ, лисичье сердце считается вѣрнѣйшимъ средствомъ отъ пьянства. Сердце сушатъ, размельчаютъ въ порошокъ, настаиваютъ его на водкѣ и даютъ пить пьяницамъ.

ржи на неурожай, на болѣзнь и смерть людей, на падежъ скота. Онѣ могутъ сглазить беременную женщину, могутъ своимъ взглядомъ убивать плодъ въ утробѣ матери и тѣмъ производить выкидышъ; онѣ тайво выкрадываютъ младенцевъ у роженицъ. Вѣдьма также можетъ оборачиваться въ сороку и черную кошку.

Послѣднее свойство вѣдьмы—оборотничество—роднить ее съ такъ называемыми въ Бѣлорусси *воукулаками*.

Вовколакъ — это человѣкъ, превращающійся въ волка. Въ волчьемъ видѣ онъ пожираетъ и людей и скотъ. Такой волкъ — оборотень чрезвычайно кровожаденъ и поэтому опасенъ. Ростомъ онъ больше обыкновеннаго волка; особенно велика у него голова; у него четыре глаза: два на лбу, два на затылкѣ, такъ что онъ видитъ во всѣ стороны.

Чтобы скинуться волкомъ, нужно трижды перевернуться черезъ ножъ, воткнутый въ землю, произнося при этомъ особое заклятіе. Но его-то намъ никто и не могъ сообщить.

Когда такой волкъ вдоволь нацѣтся человѣческой крови и захочетъ снова стать человѣкомъ, онъ долженъ трижды перевернуться черезъ тотъ же ножъ, но въ обратную сторону. А если кто нибудь подстережетъ эти превращенія и, въ отсутствіи вовколака, выдернетъ ножъ изъ земли, то вовколакъ такъ навсегда и останется волкомъ. Впрочемъ, и обыкновеннаго человѣка, силою чаръ, можно превратить въ волка; онъ также волей не волей, будетъ цитаться людьми и животными, но когда его станешь травить собаками или хочешь убить, то онъ плачетъ человѣчьими слезами.

Вѣра во всевозможные виды превращеній вообще свойственна міросозерцанію первобытныхъ народовъ. Достаточно вспомнить отраженіе этого вѣрованія въ нашемъ былинномъ эпосѣ, хотя бы въ образѣ Вольги Всеславъича, который научился хитрости мудрости — сѣрымъ волкомъ рыскать по полю, сизымъ орломъ летать подь облака, шукой рыбой плавать въ морѣ.

Убѣжденіе въ возможности подобныхъ превращеній основывалось на множествѣ наблюденій, дурно понятыхъ и невѣрно истолкованныхъ. Видѣлъ, напримѣръ, первобытный человѣкъ, что сѣмячко превращается въ растеніе, завязь въ плодъ, яйцо въ птицу; онъ видѣлъ окаменѣлыя деревья и еще много подобныхъ примѣровъ, которые должны были укрѣплять его въ мысли, что переходъ изъ одного состоянія въ другое — дѣло возможное. Въ самомъ дѣлѣ, если зерно превращается въ растеніе, завязь въ плодъ, яйцо въ птицу, дерево въ камень, то почему человѣкъ не можетъ превратиться въ волка, въ кошку, въ сороку? На этотъ вопросъ первобытный человѣкъ, не знающій границъ, гдѣ кончается возможность превращеній, долженъ былъ отвѣчать утвердительно.

Это первобытное воззрѣніе сохранилось, въ известной степени, въ міросозерцанія бѣлоруссовъ и до нашихъ дней.

Ворожбитки и знахарки. Въ Бѣлоруссіи гораздо больше встрѣчается ворожбитокъ, чѣмъ ворожбитовъ, и знахарокъ, чѣмъ знахарей. Эти люди хотя и причисляются къ сообщникамъ нечистой силы, но тѣмъ не

менѣе пользуются въ народѣ искреннимъ почетомъ и уваженіемъ, особенно тѣ изъ нихъ, которые избрали своею спеціальностью исключительно врачеваніе болѣзней и разрушеніе колдовства другихъ. Они хотя и прибѣгаютъ къ нашептываніямъ и другимъ таинственнымъ дѣйствіямъ, но также знаютъ и довольно раціональные способы и средства лѣченія болѣзней: выравляютъ вывихи, связываютъ поломы костей, выравниваютъ у маленькихъ дѣтей искривленія ногъ, позвоночника и др.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторые сахарскіе средства лѣченія болѣзней. Насколько они, эти средства, раціональны—судить не беремъ, представляя это людямъ, болѣе насъ компетентнымъ въ медицинѣ.

Средства противъ михорадки. Мелко изрубленныя листья полыни смѣшиваютъ со свѣжимъ хлѣбомъ; изъ этой смѣси катаютъ шарикъ величиною съ грецкій орѣхъ или немного поменьше и даютъ ихъ глотать больному.

Иногда даютъ больному ѣсть полынь въ чистомъ видѣ, безъ всякихъ примѣсей.

Не менѣе дѣйствительнымъ средствомъ отъ той-же болѣзни считается сердцевина подсолнечника, очищенная отъ коры и высушенная на солнцѣ. Ее толкутъ въ порошокъ и даютъ больному приблизительно столовую ложку этого порошка, размѣшавъ его въ полустаканѣ воды.

Отъ *ревматизма* и *ломоты въ костяхъ*, кромѣ натиранія камфорой, употребляется корень цикуты. Его сушатъ, толкутъ въ порошокъ, который смѣши-

ваютъ со свѣжимъ коровьимъ масломъ, и этой смѣсью натираютъ больныя мѣста.

Ломоту въ костяхъ лѣчатъ посредствомъ втиранія медвѣжьяго жира; больное мѣсто, послѣ каждаго втиранія обвязываютъ заячьей шкуркой, шерстью внизъ.

При домотѣ въ спинѣ или плечахъ натираютъ больное мѣсто мелко-истертымъ хрѣномъ или рѣдькой. Это натирание производится въ банѣ, въ сильномъ духу.

Въ самый разгаръ полевыхъ работъ многіе крестьяне, истомленные чрезмѣрнымъ трудомъ, жалуются обыкновенно на боль и ломоту во всемъ тѣлѣ, особенно въ сочлененіяхъ костей. Причиной этой боли они считаютъ застой крови. Для оздоровленія они парятся и натираются въ банѣ, въ сильномъ духу, крапивой-жигучкой, такъ что все тѣло покрывается волдырями. Это средство считается радикальнымъ и предпочитается постановкѣ рожковъ и пивокъ.

Отъ *чахотки* и другихъ *трудныхъ болѣзней*. Кладутъ телячьи легкія (отъ одного теленка) въ глазированный горшокъ, прибавляютъ туда фунтъ свѣжаго коровьяго масла и фунтъ меду-лиццу. Горшокъ герметически закупориваютъ, обмазывая крышку тѣстомъ, и ставятъ на цѣлыя сутки въ жарко-натопленную печь. Образовавшуюся въ горшкѣ жидкость даютъ больному 3 раза въ день по столовой ложкѣ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ собираютъ смолистые молодые отростки сосны, которые въ народѣ называютъ шишками. Ихъ сушатъ на солнышкѣ и, по мѣрѣ надобности, кипятятъ въ водѣ. Получившійся настой, когда онъ остынетъ, пьютъ по два, по три стакана въ день.

Съ тою же цѣлью собираютъ смолу-живицу (для этого нарочно очищаютъ отъ коры сосны съ солнечной стороны); ее кладутъ въ бутылки, наливаютъ криичной водой и ставятъ на солпцѣ. По истеченіи, приблизительно, педѣли спиваютъ настой изъ первой бутылки и вновь наливаютъ ее, потомъ изъ второй и такъ до послѣдней (бутылокъ бываетъ отъ 5 до 7). Затѣмъ слова привимаются за первую и т. д.

Послѣднія два средства считаются не только излѣчивающими чахотку, но и вызывающими апетитъ, придающими здоровый цвѣтъ лицу, вообще оздоравливающими.

Кромѣ того, отъ грудныхъ болѣзней практикуютъ слѣдующее средство. Кипятятъ въ молокѣ, а при недостаткѣ молока и въ водѣ, высушенныя корни ярея. Пьютъ три или два раза въ день по стакану или по полстакана.

Также совѣтуютъ чахоточнымъ пить настой на бобовникѣ (болотное растеніе) или же помянной водки по полрюмки въ день.

Геморрой лѣчатъ ваннами, при чемъ въ ванну вливаютъ отваръ «дзивосила», а больному, прежде чѣмъ садиться въ ванну, привязываютъ горячій кирпичъ къ крестцу.

Отъ *золотухи* даютъ пить настой на «чистецѣ» (чистотѣлѣ). Его же варятъ въ водѣ и отваръ вливаютъ въ ванну, которую приготавливаютъ для больного разъ десять черезъ день.

Худосочнымъ дѣтямъ даютъ сосать несоленое свиное сало.

Болѣзнь, называемую въ народѣ „жоутачкой“, причину которой приписываютъ *разлитію желчи*, знахарки лѣчатъ довольно оригинальнымъ средствомъ. Изъ курипаго кала выдѣляютъ бѣлыя части, толкутъ и смѣшиваютъ наполовину съ мѣломъ; составленный такимъ образомъ порошокъ всыпаютъ въ воду и пьютъ. Понятно, что своимъ пациентамъ знахарки не говорятъ, какое лѣкарство онѣ даютъ имъ. Какъ ни странно это средство, но мы должны сказать, что видѣли нѣсколькихъ больныхъ разлитіемъ желчи, употребившихъ это средство и излѣчившихся.

Мелко-истолченная сѣра, смѣшенная съ жиромъ, употребляется какъ средство противъ *чесотки*. Больной влѣзаетъ въ теплую печь и тамъ натирается этой мазью.

Чесоточныхъ также купають въ очищенномъ дегтѣ.

Если когонибудь укуситъ гадюка за руку или за ногу, то укушенный членъ перевязываютъ, чтобы остановить движеніе зараженной крови, и къ распухшему мѣсту прикладываютъ брюхомъ живыхъ лягушекъ.

Сильные *ожоги*, а равно отмороженные члены лѣчатъ слѣдующимъ способомъ. Изъ созрѣвшаго плавуна вытряхиваютъ желтую пыль и этой пылью посыпаютъ пораженные морозомъ или обожженныя мѣста, а сверху обвертываютъ холотпомъ.

Мы здѣсь привели далеко не все средства, изъ числа известныхъ намъ. Мы имѣли въ виду только дать нѣкоторое понятіе о той сторонѣ знахарства, которая, хотя отчасти намекаетъ на рациональность. Но

памъ извѣстна незначительная часть знахарскихъ средствъ, вообще многочисленныхъ, которыя еще ждутъ своего изслѣдователя.

Вѣра въ *ворожбу* такъ сильно распространена между бѣлоруссами, что рѣдкій изъ нихъ начнетъ сколько нибудь важное дѣло, не побывавши предварительно у ворожеи. Эта послѣдняя, если она особа умная, пользуется знаніемъ тайныхъ и явныхъ дѣлъ почти каждаго семейства своей округи, часто довольно большою, имѣетъ возможность давать дѣльные совѣты обращающимся къ ней. Такая ворожея, благодаря превосходному знанію мѣстныхъ дѣлъ, пользуется нерѣдко обширнымъ вліяніемъ на народъ. Конечно, встрѣчаются среди ворожей такія, которыя сознательно обманываютъ темный людъ; но большинство изъ нихъ искренно вѣрятъ въ возможность тѣмъ или другимъ способомъ проникнуть за таинственную завѣсу неизвѣстнаго будущаго. Въ семьѣ автора этой статьи была настолько популярная ворожея, что по праздничнымъ днямъ ея изба была биткомъ набита желающими ворожить. Авторъ былъ поставленъ въ наилучшія условія для наблюденій, какъ эта ворожея относилась къ своему ремеслу, и долженъ сказать, что относилась она съ полной вѣрой, что она была глубоко убѣждена въ существованіе таинственной связи между извѣстными комбинаціями картъ, расположеніемъ линій на рукѣ и прошедшей или грядущей судьбой давной личности. вмѣстѣ съ тѣмъ она обладала замѣчательной наблюдательностью и какой-то прирожденной, инстинктивной проницательностью, которая болѣе всего содѣйство-

вала ея популярности, какъ искусной гадалки. Эта безсознательная догадливость приводила въ изумленіе всѣхъ домашнихъ и ея самое. Помнится, какъ однажды какой-то деревенскій скептикъ, котораго ворожбитка вовсе не звала и окольными путями справокъ о немъ не наводила, захотѣлъ испытать — насколько соотвѣтствуетъ дѣйствительности слава о ея ворожбѣ, и для этой цѣли попросилъ ее погадать о его жепитьбѣ, что овѣде жениться хотѣлъ бы, такъ что ему выйдетъ на картахъ или на череночкахъ. Но ворожбитка, не гадая, лишь только взглянула на него. отвѣтила: „ты женатъ!“ что и было на самомъ дѣлѣ. Подобныхъ случаевъ встрѣчалось въ ея практикѣ не мало. Безсознательность, истинность такихъ угадываній укрѣпляла ворожбитку въ вѣрѣ, что она орудіе какой-то таинственной силы, проявляющейся чрезъ ея посредство. Между прочимъ, это была натура энергичная, сильная волей и вмѣстѣ съ тѣмъ чуткая, впечатлительная, даже экзальтированная. Внѣшность ея вполне соотвѣтствовала внутренней личности и поэтому производила сильное впечатлѣніе на ея кліентовъ и пациентовъ (она была и лѣкарка). Ея ремесло не мѣшало ей, однако, строго выполнять всѣ церковныя обряды, а также тѣ эпитиміи, которыя налагало на нее духовенство на исповѣди, за ворожбу и знахарство. Но не смотря на требованія священниковъ, она не могла оставить своихъ знахарскихъ занятій хотя и считала ихъ дѣломъ грѣховнымъ. Единственный компромиссъ, который она допускала въ этомъ отношеніи — это не гадать въ среду и пятницу и въ уставовленные церковью

посты; но даже и въ то время „лавала воду“ болынымъ и свои „зелья“. Иногда, впрочемъ, рѣшалась и ворожить въ постные дни, если, по ея мнѣнію, поводъ для ворожбы былъ уважительный, напримѣръ—пропажа у крестьянина лошади или что-нибудь въ этомъ родѣ. При этомъ потерпѣвшій соглашался обыкновенно взять на свою душу грѣхъ.

Въ семьѣ пашей ворожитки настолько сильна была вѣра въ таинственность ея ремесла, что ни одна изъ дочерей ея не рѣшилась усвоить способы ворожбы и знахарства, когда старуха-ворожитка, чувствуя близость смерти, предлагала имъ научиться ея искусству.

VII.

Способы лѣченія, основанные на суевѣрныхъ представленіяхъ, и колдовство.

Выше мы знакомили читателя со способами лѣченія, которые составляютъ болѣе или менѣе положительную сторону народной медицины, въ которыхъ вглядываютъ нѣкоторый опытъ, наблюденія. Но на ряду съ этими сравнительно раціональными способами рекомендуются знахарями, а также практикуются самими крестьянами, и такіе способы, которые прямо вытекаютъ изъ сущности фетишистическаго или анимистическаго строя мышленія относительно происхожденія болѣзней. Такъ мы уже говорили о „вогникъ“, — болѣзни, которая, по мнѣнію бѣлоруссовъ, насылается раздраженнымъ огнемъ, въ отместку за свое оскверненіе. По всей вѣроятности такое мнѣніе о происхожденіи огника возникло изъ сходства этой нахожной болѣзни со струсьями отъ ожоговъ: отъ сходства слѣдствій сдѣлано заключеніе объ однородности причинъ. Переносъ, сверхъ того, на огонь свойства своей личности, первобытный человѣкъ объяснялъ ожоги, вѣроятво, тѣмъ, что огонь не любитъ, чтобы къ нему прикасались „голоручь“, что за это онъ

кусаются. Про ожегъ в по сей день говорятъ: „укусила жига“*). Приведемъ еще примѣръ. Если переходить черезъ круги, начерченные кѣмъ нибудь на землѣ, или ступить на кругъ, оттиснутый дномъ ведра, или же ходить по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ лошадь качалась, то отъ этого пойдутъ по тѣлу лишаи, а на головѣ появятся плѣши. По этой причинѣ совѣтуютъ обходить круги или, еще лучше, сглаживать ихъ, чтобы незнающихъ предохранить отъ болѣзни. Таково народное воззрѣнiе. Спрашивается, — какимъ образомъ оно могло возникнуть? Намъ кажется, что здѣсь все дѣло именно *въ подобii, въ уподобленii*: есть, во-первыхъ, лишаи, имѣющiе форму круга, а во-вторыхъ, то мѣсто, гдѣ качался конь, называютъ плѣшью, подобно тому, какъ плѣшью же называется мѣсто на головѣ, лишенное волосъ стригущимъ лишаемъ. Повидимому для первобытнаго ума было достаточно сходства въ формѣ и въ названii, чтобы заключить, что кругъ или плѣшь какъ бы перешли съ земли на тѣло того человѣка, который къ нимъ прикасался. Лѣчатъ лишаи такъ. Сначала обводятъ концомъ веретена кружокъ около лишая, чтобы онъ не распространялся далѣе, а затѣмъ обмываютъ его или водой, осѣвшей на окпахъ, или помоями отъ посуды.

Ниже мы еще встрѣтимся съ разными суевѣрiями, которыя показываютъ — какое значенiе въ воззрѣнiяхъ бѣлорусса имѣютъ уподобленiя (напримѣръ, лѣченiе

*) Надо замѣтить, что „жига“ (названiе огня), „зюзи“ (названiе зимы, холода) — употребляются только въ дѣтскомъ языкѣ или, вѣрнѣе, въ разговорѣ взрослыхъ съ дѣтьми

„ячменя“, нарыва на глазномъ вѣкѣ, ячменными зернами и многое другое); теперь же, для полноты картины, напомнимъ читателю, что большинство бѣлорусскихъ заговоровъ построены на фигурахъ уподобленія, напримѣръ: водзяные ключи закрывалися, Юрдань-рѣка становилася: закрыицися, жилы кровавыя! стань, ве цячи, кроу чирвоная!“ или же: рѣка стала — и кроу стань“ и т. д. Подобные обороты такъ часто встрѣчаются, что даютъ основаніе заключить, что именно въ уподобленіи, по мнѣнію бѣлорусса, и полагается главная сила заговора.

Есть и еще случаи фетишистическаго объясненія происхожденія болѣзней, но господствующее воззрѣніе на причины ихъ грубо-анимистическаго характера. Изъ этихъ воззрѣній можно заключить, что болѣзнь представляется бѣлоруссу, какъ невидимая, но матеріальная сущность, которая можетъ входить въ человѣческое тѣло или обволакивать собою его и тѣмъ причинять боль; или же болѣзнь — это злой духъ, вошедшій въ тѣло во время сна или испуга. Точно также причиной болѣзни можетъ быть „порушеніе души“, при которомъ душа, хотя и находится въ тѣлѣ, но не на своемъ настоящемъ мѣстѣ.

Всѣ эти объясненія происхожденія болѣзней логически вытекаютъ изъ анимистическихъ воззрѣній. Если нашъ духъ можетъ входить и выходить изъ тѣла, что, какъ думаютъ дикари, случается во время сна, то почему же не можетъ сдѣлать это и всякій другой духъ? Первобытный человѣкъ не имѣлъ основаній отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно; напротивъ, много

было данныхъ, чтобы отвѣтить на него утвердительно. Его побуждали къ этому характерные признаки многихъ болѣзней, именно болѣзней, сопряженныхъ съ горяченнымъ бредомъ, корчами, судорожными, непроизвольными движеніями, дрожью и т. п. Соображая, что движенія нашего тѣла завясятъ отъ присутствія въ немъ души (послѣ смерти—въ отсутствіи души—тѣло неподвижно) и что въ этомъ случаѣ наши движенія сравнительно цѣлесообразны, болѣе или менѣе разумны, и сравнивая это нормальное состояніе человѣка съ болѣзненнымъ, на примѣръ, когда человѣкъ одержимъ припадками эпилепсіи, лихорадкой, сумашествіемъ и тому подобными болѣзнями, подъ вліяніемъ которыхъ онъ производитъ такіа движенія, совершаетъ такіе поступки, которые прямо клонятся къ вреду его и дорогихъ ему людей—изъ всего этого дикарь долженъ былъ заключить, что ихъ производитъ враждебный, злой духъ, вселившійся какимъ-то образомъ въ тѣло больного. При тѣхъ познаніяхъ, которыми обладаетъ дикарь, много заключенія онъ и не могъ сдѣлать, оставаясь логичнымъ. На примѣръ, во время сильныхъ приступовъ лихорадки, дикарь употребляетъ все усилія, чтобы не дрожать, не дѣлать судорожныхъ движеній, однако тѣло его трясется, напряживается, его руки и ноги сгибаются, челюсти дрожатъ... Очевидно, что эти движенія производитъ кто-нибудь посторонній ему. Часто во снѣ ему приходилось вздрагивать, подпрыгивать... Кто это его подбрасываетъ? Очевидно, не самъ онъ, ибо это было помимо его воли, а кто-нибудь другой. И мало ли въ немъ совершается непроизвольныхъ

движеній? Онъ чихаетъ, икастъ—все это совершается вопреки его воли. Но кто-нибудь производитъ же эти движенія? И этотъ „кто-нибудь“ невидимъ, неосязаемъ, слѣдовательно—онъ духъ.

Исходя изъ того взгляда, что большинство болѣзней происходитъ отъ вселенія въ человѣка чего-то невидимаго и что это невидимое и причиняетъ болевныя ощущенія; что, затѣмъ, всякая нечистая сила, какъ могущая быть невидимой можетъ вселяться въ насъ и всячески мучить насъ, — человѣкъ дѣлаетъ заключеніе, что тѣ люди, которые находятся въ близкомъ общеніи съ нечистой силой, какъ напримѣръ, разнаго рода чаровники, могутъ насылать всякую „нечисть“ на людей и тѣмъ причинять имъ всевозможныя болѣзни. Такой взглядъ раздѣляютъ и бѣлоруссы, и про всякую, сколько нибудь серьезную, болѣзнь говорятъ, что она *сдѣлана* кѣмъ-нибудь, что ее тотъ или другой чаровникъ «зрѣбу», «подзѣлау», «пасау».

Сообразно съ такимъ мнѣніемъ о происхожденіи громаднаго большинства болѣзней, практикуются соотвѣтственные способы и средства для ихъ излѣченія. Нѣкоторыя болѣзни только хорошій знахарь можетъ вылѣчить, а другія лѣчатся, такъ сказать, домашнимъ порядкомъ: настолько способы лѣченія ихъ популярны.

Если болѣзнь есть нѣкоторая матеріальная сущность, вошедшая въ человѣка, или если ее производитъ поселившійся въ тѣлѣ человѣка какой-нибудь посторонній духъ, то, очевидно, больной только тогда выздоровѣетъ, когда будетъ устраниена причина болѣзни, то есть изгнанъ враждебный духъ. Вопросъ — какъ его

изгнать? Самый простой способ, движимый первобытным умомъ, есть способъ, такъ сказать, механической, подобный тому, какъ, на примѣръ, выговяютъ воздухъ изъ пузыря, выжимаютъ воду изъ мокрой тряпки и т. п.

И дѣйствительно, такіе часто механическіе способы широко распространены въ нашей деревенской медицинѣ.

Если болѣзнетворный духъ поселяется въ человѣкѣ, то, надо думать, что всего скорѣе онъ можетъ поселиться въ полостяхъ грудной и брюшной, которыя прямо сообщаются съ вѣшнимъ міромъ. А если это такъ, то всего легче изгнать духа посредствомъ давленія на грудную и брюшную полости, такъ сказать — выжимать его.

Топтаніе. Такъ и поступаютъ въ бѣлорусскихъ деревняхъ. Кладутъ больного у порога животою кънизу, а на спину ему становится нарочно выбранный для этой цѣли человѣкъ и трижды слегка подпрыгиваетъ, стоя у больного на спинѣ. Это повторяется три раза подъ рядъ, съ небольшими промежутками. Дѣлается это утромъ и вечеромъ каждый день, пока больной не поправится или не обратится къ другому средству. Топтаніе больного считается въ бѣлорусской первобытной медицинѣ самымъ первымъ средствомъ противъ всякихъ внутреннихъ болѣзней.

Передъ порогомъ кладутъ больного для того, чтобы вышедшій изъ него духъ пашель скорый выходъ изъ избы и не поселился въ комъ нибудь изъ присутствующихъ.

Перворожденные слывутъ наиболѣе пригодными для роли топталщиковъ.

Катаніе. На ряду съ тоитаніемъ практикуется сродное ему средство — катаніе больвого. Оно употребляется особенно тогда, когда болитъ животъ, но не пренебрегаютъ имъ и при головной боли. Больного кладутъ на дерюгу и, взявъ въ руки концы ея, качаютъ его съ конца въ конецъ дерюги.

Растираніе. Также въ ходу растираніе руками больныхъ частей тѣла, особенно живота. Смотря по характеру болѣзни, растираніе производится то сильное, то легкое и притомъ въ разныхъ направленіяхъ. Мы полагаемъ, что и этотъ деревенскій массажъ находится въ связи съ представленіемъ о возможности изгнанія болѣзней путемъ механическаго давленія.

Грызеніе. Наросты на костной ткани, припухлости, вздутіе жилъ, грыжу и тому подобныя болѣзни лѣчатъ посредствомъ легкаго грызенія зубами больнаго мѣста. Вѣроятно этимъ способомъ думаютъ устранишь боль. Знахарки, впрочемъ, губами вдавливаютъ внутрь пуночную грыжу.

Ставленіе горшка. Къ механическимъ средствамъ лѣченія должно быть отвесено и ставленіе горшка на животъ; оно практикуется при боляхъ въ животѣ, при „порушеніи“, т. е. предполагаемомъ перемѣщеніи внутреннихъ органовъ брюшной полости, вслѣдствіе чрезмѣрнаго напруженія. Способъ слѣдующій: кладутъ больному на животъ корку хлѣба или небольшую дощечку, на пей зажигаютъ клочекъ льна и покрываютъ печнымъ горшкомъ средней величины. Послѣдующій процессъ понятенъ: происходитъ то же, что и при ставленіи рожковъ, только въ гораздо большихъ раз-

мѣрахъ: иногда животъ вдавливается въ горшокъ до четверти его высоты.

Откидываніе. «Ячмень», небольшой варивъ на глазномъ вѣкъ, лечатъ особымъ способомъ, который зовется въ народѣ «откидываніемъ». Отсчитываютъ девять ячменвыхъ зеренъ и каждое изъ нихъ, предварительно обмахнувъ тряпкой вокругъ больного глаза, отбрасываютъ наотмашь въ сторону. Потомъ пускаютъ въ избу курицу, чтобы она поклевала эти зерна.

Личеніе болѣзней, происходящихъ отъ испуга. Вздрагиваніе при испугѣ бѣлорусскіе крестьяне объясняютъ тѣмъ, что это «душа выскочивъ хацѣла». Если испугъ будетъ очень силенъ, то полагаютъ, что душа можетъ отъ этого очутиться «не на мѣстѣ» или совершенно выскочить изъ тѣла. Въ первомъ случаѣ человекъ претерпѣваетъ легкое расстройство, а во второмъ можетъ серьезно заболѣть, и такая болѣзнь будетъ сопровождаться горячечнымъ бредомъ, нецѣлесообразными движеніями, галлюцинаціями и т. п.

Это сдѣлалось «съ пуду», «съ переполоху», т. е. отъ испуга, говорятъ бѣлоруссы. Въ первомъ случаѣ, при легкомъ расстройствѣ, практикуется слѣдующее средство. Берутъ четыре горячихъ уголька изъ своего очага и опускаютъ ихъ одинъ за другимъ въ сосудъ съ чистой криничной водой, и этой водой обмываютъ больного.

Если же болѣзнь болѣе серьезнаго характера, то, чтобы возвратитъ испугавный духъ, стригутъ понемногу волосъ у тѣхъ лицъ, которыя, по предположенію, могли испугать больного, и тѣми волосами подкуриваютъ

его, заставляя глотать дымъ. Если причиною испуга было какоенибудь животное, то и его старагуть, и шерстью или перьями подкуриваютъ. Такъ поступаютъ, основываясь повидимому на томъ соображеніи, что вмѣстѣ съ дымомъ войдетъ въ больного его испуганный духъ, который могъ опочить на комъ нибудь изъ бывшихъ при испугѣ или послужившихъ причиною испуга.

Въ Новогрудскомъ уѣздѣ „переполохъ“ лѣчатъ нѣсколько иначе. Тамъ, въ этомъ случаѣ, пускаютъ въ ходъ *выливаніе* и *вымъриваніе*,—средства, свойственныя не только одной этой мѣстности, а довольно широко распространенныя, съ разными, впрочемъ, видоизмѣненіями.

Выливаніе. Надо взять воды „съ лотоба“, т. е. съ желоба, поддерживающаго крышу, если изба крыта дранкой. Для этого, взобравшись на крышу, льютъ воду на желобъ и тутъ же собираютъ ее, поставивъ горшокъ подъ конецъ желоба. Это продѣлывается нѣсколько разъ. Воду кипятятъ и сыплютъ въ нее золу. Затѣмъ раздѣваютъ больного до гола и льютъ ему воду на макушку или только обмываютъ грудь и животъ, собирая ту же воду въ миску. При этомъ произносится заговоръ:

«Выходь переполохъ изъ ручекъ, изъ ножекъ, изъ всякихъ косточекъ, изъ всякихъ суставочковъ! Можачаго слохохоса, можа воука, чи мядвѣдзя, мо лиса, мо ката, мо сабаки, усяваго звѣра, мо якого дурного чилавѣка». (*Щорсы, Новогрудск. у.*)

Собранную воду процѣживаютъ чрезъ полотенце,

надѣясь найти въ немъ волосъ того животнаго, которое причинило переполохъ.

Вымѣриваніе. Берутъ клубокъ нитокъ и пзѣмряютъ больного по всѣмъ направлеціямъ и всѣ части тѣла, произнося тотъ же заговоръ, что приведенъ выше. Когда вымѣриваніе окончено, нитку обрываютъ, свертываютъ въ мотокъ и сжигаютъ. Зола отъ нитки смѣлютъ въ воду и эту воду даютъ пить больному.

Но испугъ можетъ быть, по мнѣнію бѣлоруссовъ, и хорошаимъ врачебнымъ средствомъ, въ тѣхъ именно случаяхъ, когда больной одержимъ злымъ, болѣзнетворнымъ духомъ. Такъ испугомъ лѣчатъ „припадокъ“, надучую болѣзнь, и говорятъ, что помогаетъ. Такого больного стараются подкараулить гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, нарядившись предварительно какимъ-нибудь страшилищемъ, и стараются возможно сильнѣе испугать эпилептика. Если испугъ будетъ настолько силенъ, что больного сейчасъ же „кинець припадокъ“ (явится пароксизмъ падучей), то больной, какъ увѣрены бѣлоруссы, непременно выздоровѣетъ, и выздоровѣетъ влѣдствіе того, что отъ испуга изъ него выскочилъ болѣзнетворный духъ.

Суроцы или уроцы. Глаза нѣкоторыхъ людей, въ особенности черные, и глаза коздуновъ и вѣдьмъ обладаютъ особымъ свойствомъ „взварушивать душу“, тревожить ее, „сурочить“, какъ говорятъ въ Бѣлоруссіи. Сурочить (сглазить) можно и взядомъ и удивленіемъ; послѣднее менѣе вредно, но и „съ подзиви“ также приключаются заболѣванія. Для излѣченія „сурочъ“ или „подзива“ нужно, чтобы тотъ, кто сурочилъ, даль

изо рта воды, и этой водой обмываютъ больного. Но если не знаютъ опредѣленно, кто бы могъ сурочить, то даютъ изо рта воду все домашніе и тѣ люди, которые видѣли въ послѣднее время заболѣвшаго.

Вода дается такъ: наливаютъ въ миску чистой воды (предпочтительно—крупичной) и поочередно набираютъ этой воды въ ротъ и выпускаютъ ее изо рта обратно въ миску; это дѣлается трижды.

Можно сурочить невольно, и бѣлоруссы, при чемъ нибудь удивленіи, высказываемомъ по поводу человѣка или животнаго, говорятъ: „соль табѣ у вочи, галавешка у зубы“. Этимъ замѣчаніемъ они думаютъ предохранить предметъ удивленія отъ опасныхъ послѣдствій суроченья.

Лѣченіе лихорадки. „Трасца“, или лихорадка, какъ извѣстно, характеризуются дрожью, судорожными движеніями и т. п., т. е. такими признаками, которые, по мнѣнію бѣлорусскихъ крестьянъ, отличаютъ болѣзнь, производимыя враждебными духами, вселившимися въ человѣка. И лѣченіе этой болѣзни строго-послѣдовательно направляется къ изгнанію предполагаемой причины ея, т. е. болѣзнетворнаго духа.

Принимая во вниманіе, что желанія, высказываемыя больнымъ,—не его желанія, а болѣзнетворнаго духа, и что, слѣдовательно, исполняя эти желанія, мы только поблажали бы болѣзнь и тѣмъ дѣлали бы пріятнымъ для нея пребываніе въ тѣлѣ больного, рекомендуется поэтому поступать какъ разъ наоборотъ, т. е. дѣлать противное волѣ больного. А чтобы сдѣлать пребываніе трасцы въ организмѣ человѣка

рѣшительно невыносимымъ для нея, совѣтуютъ выкуривать ее чѣмънибудь особенно вонючимъ. Она особенно не любитъ дыма сухихъ дождевиковъ; ими-то и совѣтуютъ раза три въ день подкуривать больного.

Вообще нужно замѣтить, что всевозможныя подкуриванія, какъ врачебное средство, въ большемъ ходу въ Бѣлоруссiи.

Личеніе „сцѣнь“. Теперь намъ предстоитъ ознакомиться съ новымъ способомъ врачеванія, применяемаго къ особой болѣзни, которую бѣлорусскіе запарки называютъ „сцѣнь“, что значитъ — тѣнь.

Какъ пониманіе этой болѣзни, такъ и способъ ея леченія находятся въ тѣсной связи съ тѣмъ первобытнымъ воззрѣніемъ, что тѣнь — это наше второе „я“, совершенно самостоятельная сущность, которая можетъ отъ насъ отдѣляться, которую мы можемъ потерять и, наконецъ, которую колдуны могутъ у насъ похитить. Словомъ, тѣнь, въ глазахъ дикаря, та же душа. И бѣлорусскіе крестьяне раздѣляютъ это мнѣніе, свойственное первобытному состоянію ума, какъ равно и то, что люди, продавшіе чорту душу, цорюю не имѣютъ тѣни. Отсюда понятна, что если лишиться тѣни, а тѣмъ болѣе вмѣсто своей получить чужую, да еще злую, враждебную, то человѣку не сдобровать: онъ непременно заболѣетъ. Такъ какъ у „нечистика“ есть въ запасѣ много тѣней, принадлежавшихъ намъ, грѣшнымъ людемъ, колдунамъ, чаровникамъ, то онъ и посылаетъ эти тѣни мучить людей. Ихъ также посылаютъ и колдуны.

„Сцѣнь“ характеризуется горячечнымъ бредомъ и

галлюцинаціями, такъ что, по выраженію знахарей, человекъ, «ажъ на сѣбѣ дзыретца». Такого больного выносятъ въ солнечный день на дворъ, кладутъ павзничь на широкую доску, заранѣе приготовленную, и очерчиваютъ углемъ ту тѣнь, которую онъ отбрасываетъ на доскѣ. Иногда обрѣзываютъ пилой тѣ части доски, которые выходятъ за предѣлы очертанія тѣни, но это не строго соблюдается. Эту доску съ очертаніемъ на ней тѣви потопляютъ въ криницѣ, съ приговоромъ: „кабъ ты не ворочалася, кабъ ты утапилася“. Когда возвращаешься домой послѣ потопленія тѣви, вельзя осматриваться назадъ. Иногда сжигаютъ тѣвь (вѣрнѣе—ту доску, на которой она была очерчена) въ печи или такъ гдѣ-нибудь: на дворѣ, на огороцѣ.

Подвѣй и его лѣченіе. Параличъ бѣлоруссы зовутъ *подвѣмъ*. По ихъ понятіямъ, эту болѣзнь производитъ тотъ духъ, который кружится въ вихрѣ. Лѣченіе этой болѣзни относится къ тому виду волхвованія, которое церковныя поучительныя слова и номоканоны осуждали подъ именовемъ „наузъ“.

Знахарь или знахарка сучитъ предварительно длинную пвку изъ дикой коволи или крапивы. Больного сажаютъ передъ топящейся печью; потомъ начинаютъ просить подвѣй, чтобы онъ оставилъ больного въ покоѣ; отъ просьбъ переходятъ къ угрозамъ, что если онъ, подвѣй, не оставитъ больного, то его силой свяжутъ и сожгутъ. Но такъ какъ со стороны подвѣя „ни гласа, ни послушанія“, то и приступаютъ къ его связыванію. Знахарь обвиняетъ пвку вокругъ головы больного, со словами, произносимыми шепотомъ:

«вяжу твою галаву», — и завязывает концы нитки въ узелокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они сошлись, такъ что получается петля въ мѣру головы; затѣмъ вяжутъ животъ, со словами: „вяжу твой животъ“; далѣе, такимъ же образомъ, связываютъ грудь, рука и ноги больного. Всѣ эти завязки бросаютъ въ печь, въ огонь, а больному предлагаютъ встать или поднять руку, смотря потому, какая часть его тѣла поражена параличемъ. Такое вязанье подвѣя повторяется нѣсколько разъ.

Морь По бѣлорусскимъ преданіямъ, предъ наступленіемъ мора, иногда появляется *моровая панна*, которая, носясь по воздуху, машетъ чернымъ платкомъ. И надъ какой деревней она помашетъ своимъ смертоноснымъ платкомъ, въ той деревнѣ и проявится мръ. Иногда она машетъ платкомъ, просунувши руку въ окно какой нибудь хаты, и тогда въ этой хатѣ начнутъ умирать люди. Эта моровая панна, несомнѣнно, олицетвореніе повальной болѣзни.

Чтобы избавиться отъ мора, въ былыя времена, по рассказамъ стариковъ, практиковали слѣдующій способъ. Молодыя дѣвушки запрягались въ соху, а старухи брали въ руки сковородки, косы и тому подобныя брющащія предметы и, раздѣвшись до нага, съ возможнымъ крикомъ, визгомъ, шумомъ, трескомъ обводили борозду вокругъ деревни. Весь этотъ шумъ имѣлъ, вѣроятно, цѣлю испугать моровую панну и прогнать ее изъ села, если она въ немъ засѣла; а борозда — это своего рода „чуранье“, обращеніе къ покровительству Чура, чтобы онъ не пускалъ болѣзнь черезъ границу владѣній своего рода. Последнее, виро-

чемъ, наше личное мѣніе. Народъ только вѣрить, что чрезъ такую границу морь не проникнетъ.

Всѣ заранее оповѣщаются объ этомъ прокладываніи границы. Мужчины не должны участвовать въ этой церемоніи, а если который изъ нихъ попадется на пути, то его избиваютъ до полусмерти.

Другимъ средствомъ противъ мора считается *однодневное полотно*.

Въ назначенный день, до восхода солнца, собираются дѣвушки со всего села въ одну избу и каждая изъ нихъ приноситъ съ собой по горсти льна. Онѣ дружно, но въ глубокомъ молчаніи, принимаются за работу: прядутъ ленъ, сплутъ основу, ставятъ креста и текутъ полотно. Когда полотно готово, всѣ жители выходятъ за деревню и обходятъ вокругъ нея, причемъ дѣвушки, тѣвшія полотно, несутъ его надъ головой съ заунывнымъ пѣніемъ: аю-га! Ко да сдѣлають полный обходъ, то на томъ мѣстѣ, съ котораго вышли, раскладываютъ небольшой огонь изъ щепокъ или лучинокъ, принесенныхъ съ cadaго двора. Двѣ дѣвушки держатъ за концы полотно надъ огнемъ, а всѣ жители деревни переходять черезъ огонь подъ полотномъ и переносятъ дѣтей и больныхъ. Когда всѣ выполняютъ эту церемонію, — полотно сжигаютъ на томъ же огнѣ.

Все это должно быть продѣлано въ теченіе одного дня, съ восхода до заката солнца.

Колдовство на смерть. Самый распространенный способъ колдовства „на смерть“ основанъ на томъ примитивномъ мѣніи, о которомъ мы уже говорили, что часть въ известномъ смыслѣ замѣняетъ цѣлое, и

то, что мы слѣаемъ съ частью, слѣается съ цѣлымъ. Основывался на этомъ мѣтнн, для умерщвленія когонибудь посредствомъ колдовства, стараются добыть волосъ того человѣка, и эти волосы кладутъ въ воскъ или глину и лѣпятъ подобіе человѣческой фигуры. Эту фигуру кладутъ въ маленькій гробикъ, закапываютъ въ землю и наваливаютъ камнемъ. Тотъ человѣкъ, чьи волосы положены въ закопанную фигуру — полагають — вскорѣ долженъ умереть. Волосы можно замѣнить ногтями, частью одежды, землею со слѣда. Иногда лѣпятъ фигуру и безъ всего этого, но въ такомъ случаѣ ее нужно „окстить“, т. е. назвать именемъ того человѣка, котораго чаруютъ на смерть.

Другой способъ волхованія представляетъ варіантъ, вѣроятно поздѣвншій, только-что описаннаго. Волосы кладутъ въ воскъ, но изъ воска дѣлають свѣчку, а не фигурку человѣка. Свѣчку ломають пополамъ и, сломанную, зажигаютъ передъ иконой. Полагають, что подобно тому, какъ таетъ воскъ, растаетъ, сгоритъ жизнь того человѣка, чьи волосы были положены въ свѣчку. Этотъ способъ волхованія, между прочимъ, употребляется обманутыми дѣвушками, чтобы отомстить обманщику. Впрочемъ, „ломають свѣчку“ ва чьюнибудь погибель и безъ волосъ.

Также „вынимають слѣдъ“ и вынутую изъ слѣда землю зашпываютъ въ мѣшочекъ и сушатъ. Такъ долженъ иссохнуть тотъ человѣкъ, чей слѣдъ былъ вынутъ.

Но самымъ опаснымъ способомъ волхованія считается „заламываніе заломовъ“ во ржи. Это тѣ же древнія „ваузы“, о которыхъ мы уже упоминали; въ

даномъ случаѣ онѣ состоятъ въ завязываніи узловъ во ржи на чью нибудь смерть. Оно сопровождается соотвѣтствующимъ заговоромъ, въ которомъ говорится, на чью голову заломъ ломается, какія страданія тотъ человекъ имѣетъ претерѣть, какою смертію долженъ онъ умереть *). Заломы ломаютъ на людей и на домашнихъ животныхъ, на болѣзни и на смерть. Когда находятъ во ржи завитки, это повергаетъ въ ужасъ хозяевъ вывѣ, и они тотчасъ же, не трогая заломъ, обращаются къ чаровнику, чтобы онъ вырвалъ заломъ. За это чаровникъ получаетъ приличную плату и угощеніе. А если кто-нибудь изъ интеллигентныхъ людей, на виду у испуганныхъ крестьянъ, вѣрющихъ, что отъ прикосновенія къ залому можетъ отсохнуть рука или поразить другая болѣзнь, вырветъ заломъ безъ всякаго вреда для себя, то такой случай крестьяне объясняютъ тѣмъ, что грамотному чародѣйству не вредитъ или что онъ тоже „мае мухи у носѣ“, т. е. умѣетъ чаровать.

Любизникъ. Есть нѣсколько приворотныхъ средствъ,

*) Подлинный заговоръ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ, мы, въ сожалѣнію, утеряли. Впрочемъ это былъ подборъ самыхъ обыкновенныхъ проклятій, которые пускаются въ ходъ бѣлоруссами во время ссоры, въ родѣ: „кабъ табѣ ручки—у кручви, ножки—у качарезки; кабъ яму вочи вывернуло, языкъ высулопило“ и т. п. Должно сказать, что заговоры на смерть, на болѣзнь весьма мало распространены въ народѣ, даже среди знахарей, такъ что, пожалуй, можно сомнѣваться въ томъ, что такого рода заговоры существуютъ; а если существуютъ, то какъ исключительное достояніе не большаго числа лицъ, считающихъ себя „настоящими“ чаровниками. Возможно, что они не хотятъ дѣлиться своимъ сокровеннымъ достояніемъ, придавая ему необыкновенную цѣну. Заговоры заурядныхъ знахарей—предохранительнаго и дѣлительнаго свойства.

„любизниковъ“ по-бѣлорусски, но самыхъ дѣйствительнымъ изъ нихъ считаются двѣ косточки летучей мыши — вилочки и крючокъ. Добывать ихъ рекомендуютъ такъ: надо посадить летучую мышь въ новый горшокъ, завязать его повымъ же кускомъ холста и закопать ночью въ муравейникъ. Возвращаясь домой, нельзя оглядываться назадъ и нужно заткнуть уши, чтобы не слышать писка летучей мыши. Черезъ три недѣли нужно вынуть горшокъ изъ муравейника. Муравьи съѣдятъ всю летучую мышь, оставятъ только двѣ волшебныя косточки: крючокъ и вилочки. Чтобы приворожить когонибудь — стоитъ только незамѣтно потянуть къ себѣ того челоуѣка крючкомъ: будетъ такъ льнуть, что не отвяжешься безъ помощи вилочекъ; а надоѣло — стоитъ только оттолкнуть его вилочками, и весь любовный *шалъ* какъ рукой свинетъ.

Если же желаютъ разстроить счастье повобрачныхъ, то разбиваютъ вдребезги горшокъ передъ свадебнымъ поѣздомъ, когда онъ возвращается послѣ вѣчанія молодыхъ.

VIII.

Разныя мелкія сுவѣрїя.

Въ этой статьѣ мы намѣрены сгруппировать всѣ тѣ пережитки древняго міросозерцанія, которые, при систематизаціи нашихъ матеріаловъ, мы упустили изъ виду отнести къ тому или другому отдѣлу или затруднялись сдѣлать это. Мы уже имѣли случай замѣтить, что бѣлоруссы держатся весьма многихъ сுவѣрїй совершенно безотчетно, не давая имъ никакого объясненія. И если вы спросите: почему то-то и то-то пужво дѣлать, а того-то нельзя, то въ большинствѣ случаевъ вамъ отвѣтятъ: кто его знаетъ; такая отъ старыхъ людей *поголка* идетъ; старые люди знали. потому что умяѣ насъ были; такъ отцы и дѣды дѣлали и намъ приказывали и т. п. Но если и существуютъ въ народѣ объясненія тѣхъ или другихъ сுவѣрїй и предразсудковъ, то, разумѣется, нельзя ожидать отъ нихъ раціональности; однако какъ бы ни были пораціональны эти объясненія, они важны и сами по себѣ, какъ матеріалъ для изученія народнаго міросозерцанія, а также важны и въ томъ отношеніи, что они часто дополняютъ пережитки старинныя и этими дополненіями нерѣдко ставятъ ихъ въ связь съ тою или другою особенностью народнаго міросозерцанія и

быта. Если же возможно установить связь между двумя или несколькими пережитками, если возможно обобщить их, тогда легко сдѣлать тотъ или другой выводъ, тогда легче придать имъ рациональное объясненіе. Но повторяемъ: въ міросозерцаніи бѣлорусса есть немало совершенно безсвязныхъ, одиноко стоящихъ суевѣрій. Такія однопочвыя суевѣрія напоминаютъ собою ходячія присловья, заключительныя сентенціи изъ народныхъ анекдотовъ и правоучительныхъ разсказовъ, въ родѣ, на примѣръ, присловія: „семипудовый пшкъ“, которое непонятно безъ соответствующаго ему анекдота, хотя оно и употребляется самостоятельно и хотя анекдотъ мало кому извѣстенъ; или въ родѣ поговорицы: „отступъ, мара, — я твой богъ“ (такъ говорятъ навязчивому челоуѣку), — пословицы, которая напоминаетъ заклятіе и очевидно имѣетъ мифологическое происхожденіе; но ея первоначальное значеніе и смыслъ утеряны, забыты и могутъ быть восстановлены только при посредствѣ догадокъ, сопоставленій и остроумныхъ соображеній. То же можно сказать и относительно многихъ пережитковъ: когда-то народъ умѣлъ себя объяснить — почему, на примѣръ, отъ перелоха надо обмывать больного водой, въ которую опущено четыре уголька, а теперь онъ не отдаетъ себѣ въ этомъ отчетъ, но всетаки дѣлаетъ. Такіе пережитки, повидимому, уже не имѣютъ живыхъ корней въ народномъ мышленіи, а удерживаются въ немъ только въ силу косности народнаго ума и его приверженности къ старинѣ. Мы уже немало сообщили ихъ на предшествующихъ страницахъ, въ этой же главѣ помѣстимъ только остатки на-

шихъ записей, которые, по той или другой причинѣ, не вошли въ предыдущія главы.

Говоря о вѣрѣ бѣлоруссовъ въ магическую силу слова, мы упустили изъ виду кое-что безынтересное для характеристики этого вѣрованія.

Бѣлоруссы, вслѣдствіе убѣжденія, что слова могутъ повредить, когда сообщаютъ о какомъ либо несчастіи, предварительно оговариваются: „ня тутъ кажучи“ (не здѣсь говоря), и затѣмъ ужь сообщаютъ, что случилось. Рассказывая о чьей нибудь болѣзни, когда приходится, для ясности, указать мѣсто, пораженное болѣзью, на тѣлѣ своемъ или того, кому рассказываешь, то надо предварительно прибавить: „не раунуючи“, т. е. не сравнивая, — иначе та же болѣзнь можетъ приключиться. Фактъ этотъ не только служитъ иллюстраціей вѣрованія, что отъ слова станется, но также показываетъ, какое значеніе въ первобытномъ мышленіи имѣетъ уподобленіе.

Если сообщаютъ что нибудь непріятное по адресу отсутствующаго или клянутъ его, то тѣ, которые не желаютъ, чтобы это случилось съ нимъ, обыкновенно замѣчаютъ: „якъ ёнъ ня чуиць, дыкъ нехай яму не валзиць (не вредить)“.

При упоминаніи чорта, надо прибавлять: „ня у гэтымъ свяценомъ мѣсьци кажучи“, иначе въ домѣ можетъ поселиться нечистая сила.

У Бога дни роуные, да часы ня роуные, — говорятъ бѣлоруссы и вѣрятъ, что есть такіе несчастные моменты, въ которые, если начнешь что-нибудь дѣлать — не будетъ удачи, а если скажешь что нибудь

дурное—непрѣменно случится; поэтому благоразумные люди, начиная какое нибудь дѣло или сообщая о чемъ нибудь дурномъ, не желательномъ, въ первомъ случаѣ говорятъ: „дай, Боже, у добрый часъ пачать“, а во второмъ: „дай, Боже, у добрый часъ сказать, а у злой помочать“. Последней формулой, между прочимъ, починаются свадебныя „благословенія“ молодыхъ.

Вопреки приведенному воззрѣнію, что у Бога вѣдѣніи равны, считается, что поведѣльникъ—несчастный день. Въ этотъ день вѣзья выѣзжать въ дорогу или начинать что нибудь важное. Но эти два противорѣчивыя воззрѣнія мирно уживаются въ мышленіи бѣлоруса, какъ и многое другое противорѣчивое.

Суевѣрія, основанныя на уподобленіи. Мы уже говорили, какое значеніе имѣютъ уподобленія въ воззрѣніяхъ бѣлорусовъ на происхожденіе болѣзней и ихъ лѣченіе. Но кромѣ того есть не мало разныхъ суевѣрій и примѣтъ, которыя, повидимому, основываются только на уподобленіяхъ. Можно думать, что это составляетъ особенность грубой мысли—считать подобное въ какомъ нибудь отношеніи за тождественное.

Напримѣръ, чтобы у дѣтей скоро прорѣзывались зубы, надо имъ вѣшать на шею волчій зубъ. Таково повѣріе. Повидимому здѣсь вся сила въ нѣкоторомъ уподобленіи. Вѣшая ребенку на шею волчій зубъ, полагають, что у него будутъ зубы также скоро расти, какъ у волченка.

Вотъ еще повѣріе. Надо носить въ кошелькѣ двойной орѣхъ, „спорышъ“, чтобы деньги „спори-

лись". Здѣсь, кажется, все дѣло въ сдохствѣ понятій спорышъ и спориться.

Крестьяне не позволяютъ дѣтямъ дѣлать кресты изъ лучинокъ и подражать церковному пѣвю, полагая, это этимъ накликается смерть. Замѣтивъ что -нибудь въ этомъ родѣ, говорятъ: Что ты вѣщуешь? Хочешь, кабъ бацька, абы matka померли!

Есть повѣріе, что не слѣдуетъ качать пустую колыбель: отъ этого можетъ ребенокъ умереть. Весьма вѣроятно, что здѣсь все дѣло въ *пустотѣ*, что качая пустую колыбель при живомъ ребенкѣ, мы какъ бы накликаемъ несчастіе, вслѣдствіе котораго колыбель должна *опустѣть*. Но возможно и другое объясненіе. Бѣлоруссы говорятъ, напримѣръ, что нельзя качать погами, потому что тогда на ноги садится нечистая сила и такимъ образомъ мы ее качаемъ. Можетъ быть когда-нибудь полагали, что качая порожнюю колыску, мы привлекаемъ въ нее нечистую силу, которая можетъ причинить вредъ ребенку, когда потомъ положимъ его въ колыбель, и отъ этого онъ можетъ заболѣть и умереть.

Если невѣста не желаетъ, чтобы у нея рожались дѣти, то, по совѣту зрахарокъ, стираясь къ вѣщу, кладетъ завазуху замкнутый замокъ; этотъ же замокъ въ первую брачную ночь надо положить подъ подушку. Если же выходитъ замужъ пожилая женщина, которая, по извѣстнымъ физиологическимъ признакамъ, уже не надѣется имѣть дѣтей, а желала бы имѣть ихъ, то кладетъ завазуху открытый замокъ. Очевидно, въ этомъ суевѣріи закрытый замокъ дол-

женъ предрѣшать закрытіе женской утробы, прекращеніе дѣторожденія, а открытый—наоборотъ.

Примѣты. Если идешь или ѣдешь по дѣлу и встрѣтишь когонибудь съ полными ведрами —будетъ удача, а съ пустыми —не жди добра. Примѣта очевидно построена на уподобленіи: полныя ведра знаменуютъ исполненіе желанія. Напримѣръ, встрѣчаютъ молодыхъ съ полными ведрами и высказываютъ пожеланіе, чтобы ихъ жизнь была такъ полна счастья. И вообще, если несущій воду встрѣчаетъ когонибудь идущаго по дѣлу, то высказываетъ нѣчто въ родѣ привѣтствія: „съ полнымъ цѣбе!“ и ему отвѣчаютъ: „дзякуи“, т. е. благодарю.

Встрѣча съ попомъ предвѣщаетъ несчастіе. Чтобы предохранить себя отъ него, — надо плюнуть. Это суевѣріе является отголоскомъ той далекой борьбы, которую вело закоснѣлое язычество съ христіанскимъ вѣроученіемъ, съ христіанской церковью и ея служителями. Такъ какъ въ то время священники, по княжескому повелѣнію, должны были крестить язычниковъ, хотя бы насильно, и наблюдать за исполненіемъ постановленій христіанской церкви новокрещенами, а также требовать отъ нихъ знанія молитвъ и важнѣйшихъ правилъ вѣры, и подвергать незнающихъ и неисполняющихъ наказанію, то, понятно, что наши предки, будучи христіанами только по имени, уклонялись отъ встрѣчи съ священникомъ, такъ какъ она часто влекла за собою наказаніе, иногда весьма суровое.

Если волкъ перебѣжитъ дорогу — это хорошая примѣта: будетъ удача въ дѣлахъ (отсюда присловье:

„Ему вонкъ дорогу перебѣгъ“, когда что-нибудь счастливо окончилось), а если перебѣжить заяць—лучше возвращайся назадъ: не будетъ успѣха. Трудно сказать, на чемъ основано это суевѣріе. Вѣроятно корни его кроются въ какомъ нибудь мѣологическомъ возрѣіи общаго характера, которое теперь заглохло, потому что, если допустить, что здѣсь имѣло мѣсто какое нибудь случайное совпаденіе, грубый, невѣроуверенный опытъ, то тогда нельзя было бы объяснить широкаго распространенія этого суевѣрія. Впрочемъ, такихъ непонятныхъ суевѣрій много есть. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ надеждѣ, что сопоставленіе ихъ съ вѣрваніями другихъ народовъ, сравнительное изученіе, раскроетъ ихъ скрытый смыслъ и непонятное значеніе.

Примѣты и суевѣрія на счетъ домашнихъ животныхъ. Когда продаешь лошадь или корову, вообще что-нибудь живое, и желаешь, чтобы „пошло рукой“, то не надо передавать ихъ новому хозяину голыми руками: не будутъ плодиться. Въ такомъ случаѣ „бьютъ по рукамъ“ и передаютъ купленное „косматою рукой“, т. е. завернувши руку въ полу платья. Въ поясненіе можно сказать, что косматое считается символомъ богатства.

Когда продаешь поросенка, ягненка, курицу и т. п. на расплодъ, и если посадишь продаваемое животное въ мѣшокъ впередъ головой, держа за заднія ноги, то у продавца эти животныя переведутся, а у покупателя расплодятся; если же будешь сажать въ мѣшокъ задними ногами, то продавцу хорошо, а у покупателя

не будет прилода. Поэтому, чтобы никому обиды не было, слѣдуетъ сажать въ мѣшокъ снопоу, держа за ноги.

Вѣрять, что у извѣстнаго хозяина могутъ водиться голько извѣстной масти животныя. Поэтому, когда болѣетъ какое либо домашнее животное, его перепродаютъ другому за копейку, за двѣ (конечно — номинально), надѣясь, что съ перемѣной хозяина оно поправится.

Мѣсто, на которомъ стоятъ хлѣвы, можетъ быть счастливымъ или несчастливымъ; когда часто окольвають скотъ, совѣтують переставить на другое мѣсто хлѣвы.

Есть люди съ „легкой рукой“, отъ которыхъ если что-нибудь пріобрѣтешь, будетъ «ручить», т. е. множитья, счастливо вестися.

Если жеребенокъ или теленокъ много бѣгаетъ, рѣзвится — признакъ, что его съѣстъ волкъ.

Когда воютъ собаки — это онѣ предчувствуютъ или ва-кликають смерть или другое несчастье. Чтобы они перестали выть надо что-нибудь изъ посуды перевернуть кверху дномъ.

Когда въ избѣ заведется много мышей — это значитъ, что онѣ кого-нибудь выживають; значитъ — предстоитъ смерть или отъѣздъ кого-нибудь изъ семьи.

Разныя суевѣрїя. Если беременная женщина придетъ просить чего-нибудь одолжить, не слѣдуетъ удовлетворять ея просьбы — иначе мыши будутъ ѣсть хлѣбъ и платье. Иногда это случается даже и тогда, когда откажешь въ одолженїи. Чтобы предотвратить эту неприятность, нужно велѣдъ этой женщины бросать угли или кусочки печной глины. Но тогда ея ребенокъ, который родится, будетъ ѣсть угли и глину.

Не слѣдуетъ сидѣть на порогѣ, когда черезъ него

проходить женщина, потому что, если она будетъ въ это время „не чистая“, то у того, кто сидитъ, пойдутъ по всему тѣлу болячки.

Нельзя бросать куда попало истоптанные ланги (отопки), а надо класть ихъ на крышу. Почему?— намъ не умѣли объяснить.

Нельзя разговаривать черезъ порогъ или черезъ окно: это къ ссорѣ.

Нельзя спать передъ закатомъ солнца: заболѣешь лихорадкой.

Нельзя класть пожъ вверхъ остриемъ: будетъ неприятность.

Нельзя стунать на соломенки, лежащіе накрестъ: можетъ заболѣть нога.

Охъ, еще много чего нельзя!... но на этомъ мы закончимъ нашъ очеркъ.

Мы не касались въ немъ пережитковъ обычнаго права, а также суевѣрныхъ обрядовъ, совершаемыхъ бѣлоруссами на родинахъ, крестинахъ, свадьбъ и нѣкоторыхъ другихъ семейныхъ празднествахъ. Да и въ той области, которую мы себѣ намѣтили при написаніи этой статьи, мы не исчерпали и десятой части суевѣрныхъ воззрѣній бѣлорусскаго крестьянина: мы выбирали изъ нихъ самое типичное и наиболѣе распространенное или, по вашему мнѣнію, цѣнное для науки. Но и изъ приведеннаго нами достаточно видно, какой густой сѣтью суевѣрій и предразсудковъ опутанъ умъ бѣлорусса, какъ затемнено его мышленіе порожденіями первобытнаго мрака и какъ необходимъ свѣтъ науки, свѣтъ истиннаго познанія, чтобы разсвѣять всѣ эти призраки, все это царство тьмы...

КРАТКІЙ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- Авласье* (Власія)— конское *Валтиры*, 57.
свято, страница 98. *Великодни* (Пасха), 106.
Анимизмъ, опредѣленіе, 45. *Весновка*, 105.
Анимистическія, воззрѣн. *Веснянки*—пѣсни, 101,
на происхожд. болѣзн. 156, 102.
157, 158. *Виръ*— мѣстопробыв. во-
дника, 71.
Бабы— праздненство, 56. *Восколики*, 145.
Беременность и связан. съ *Водяникъ*, 76.
ней суевѣр., 179. *Вода* и связан. съ ней
Блюда на кутью, 86; повѣрія, 19, 40.
— на похоропахъ, 51. *Волосы* въ повѣр. и кол-
Богатце — названіе огня, дов., 68, 137, 169.
17. *Волочebníки*, 106.
Богалъ— праздненст. и оли- *Волочebníя пѣсни*, 107.
цетвор. солнца, 122, 123. *Волчій зубъ*— повѣр., 175.
Богачовалъ свѣча, 124. *Ворожбитки*, 146.
Божества усадебныя, 65. *Ворожба*, 151.
Братки (цвѣток.) и свя- *Вой собаки* — повѣр.,
зан. съ ними повѣр., 120. 179.

- Встрѣча* — съ волкомъ, *Домовой*, 66.
 178; *Души* — помятію, 50.
 — съ зайцемъ, 178;
 — съ попомъ, 177; *Евникъ* — олицет. 69.
 — съ полными ведрами, 177. *Женитьба комини*, — обр.
 — Төрешки, игръ, 90.
Выливаніе, какъ лѣченію, 162. *Животныя*, повѣр. 31.
Выкликаніе весны, 101.
Выниманіе слѣда, 159. *Заговоры* — значеніе, 37,
Вымъриваніе, какъ лѣчен., 38, 43;
 163. *Заговоръ* отъ огника, 16;
Вѣдьмы, 146. — отъ вочницъ, 16;
 — коровницы, 113. — предъ отъѣздомъ,
 39;
Гаданіе землей, 20; — отъ укушенія змѣи,
 — огнемъ, 19; 38;
 — по хлѣбу, 22; — отъ золотника, 38;
 — по внутренностямъ живота., 85; — отъ вывца, 38;
 — на коляды, 87; — отъ кровотеч. 39;
 — отъ нутраныхъ болѣзней,
Горы — связан. съ ними 40, 41;
 повѣр., 25; — отъ уроць, 42;
 — лысыя, 26. — отъ хлѣвника, 72;
Грызеніе, какъ лѣченіе, — отъ ружья, 138;
 160. — отъ перенелоха,
 162;
Даваніе воды, 40. *Загробный міръ*, 51.
Дзяды, 55. *Закатъ солнца* — повѣр.,
Десятины, 52. 180.

- Заломы*—колдов. 169, 170. *Качаніе* пустой колыбели, 176.
Замокъ—повѣр., 176. *Качаніе* погами, повѣр., 176.
Земля—воззрѣн., 20. *Качаніе* погами, повѣр., 176.
Змьи, 32. *Клады*, 112.
Змѣй-огньоносцъ, 73. *Клѣтчикъ*—олицет., 74.
Змѣиный вырой, 33. *Коза*—колядной обычай, 96, 97.
Змѣиное мясо, 33, 34. *Колдовство* профес., 72,
Знахарки, 146. — 134, 155;
Знахарскія средства: — на смерть, 168,
— отъ геморроя, 149; 169.
— — грудн. болѣзн., 148; — *Коляды*—общ. понят., 82.
— — желтачки, 150; *Коляда* постная, 84, 86;
— — золотухи, 149; — богатая, толстая, 84, 88.
— — лихорадки, 147; *Колядныя* гаданія, 87;
— — ломоты, 148; — обряды, 86;
— — ожога, 150; — обычаи и игры, 88.
— — ревматизма, 147; *Колядовщики*, 95, 96.
— — укушен. змѣи, 150; *Конское свято*, 98.
— — чесотки, 150. — *Косматая рука*, 178.
Иванъ да Марья, 120. *Культъ предковъ*, 51.
Играсолнца на купалу, 111. *Купала*, 111;
Игры колядн., 88. *Капалка*,—растеніе, 111.
Испугъ и его лѣчен., 161, 162, 163; *Купальскіе дары*, 117;
— какъ лѣченію, 163. — *Камни*—воззрѣн., 23. — зелье, 115;
Камни—воззрѣн., 23. — *Каменныя бабы*, 24. — обряды, 115;
Качаніе—лѣчен., 160. 120.

- Купальскія пѣсни*, 115— *Масленич. пѣсни*, 99.
 120; *Маточникъ*, 78.
 — роса, 114; *Механическое лѣчеп.* 159,
Купальскій дѣдокъ, 30. 160.
Кутія, 84. *Микольщина*, 110.
Кривые вечера, 89. *Миколинъ батька*, 110.
Лазычикъ, олицет. 70. *Милостыня*, значеніе ея
 для загробн. міра, 53, 54.
Лапти, повѣр., 180. *Моръ* и средство противъ
Летая рука, 179. него, 167.
Лисичье сердце, какъ лѣ- *Моровая панна олиц.*, 167.
 карст., 144. *Мыши* и связан. съ ними
Лихорадка лѣчен, 164, 164. суевѣріе, 179.
Лишай происх. и лѣчен., *Мѣлъ* въ обряд., 65.
 155.
Ломанье свѣчи, колд., 169; *Наузы*, 71, 163, 166,
Лѣшій олицетвор., 77, 78. 169 и 170.
Лѣченіе огнемъ, 15, 16; *Небесныя войны*, 129.
 — заговорами, 37-43; *Небожничій великъ-день*
 — механич. прием. 56.
 159, 160; *Ногти* въ повѣр. и колд.,
 — знахарское, 147- 68, 169.
 150; *Ножъ* — относящ. къ пому
 — знахарское и общо- суевѣр., 180.
 известное, 155- *Ночницы* — болѣзнь и оли-
 168; цетвор., 16.
Любизникъ приворотн. зелье,
 170. *Огникъ* (вогникъ), 15.
Масленица, 98; *Однодневное полотно*, 168.
Олицетворенія стихій, 75.

- Олицетворен. зла*, 127. *Профес. колд. лѣсника*, 136;
Отбирание молока, 113. — *пастуха*, 72;
Откидывание ячменя, 161; *Птицы*—вѣщія, 34.
Очагъ, 17. *Пѣніе курицы*, 34.
- Папоротникъ*, 30. *Радовница*, 53.
Перворожденные, 159. *Разбиваніе горшка*, колдов.
Переполахъ—лѣчен., 161. 171.
Переходы души, 51. *Разныя суевѣрія*, 179,
Перунъ—олицет., 75, 76. 180.
Перуновы стрѣлы, 25. *Разрывъ-трава*, 31.
Погодки—обрядъ, 52. *Растенія*—суевѣрн. возр.
Подвѣй—олицет. 79; 29.
— его лѣченію, 166; *Ралешники* (волочевники)
Подпечникъ, 66. 107.
Подзвѣзъ, 163, 164. *Растираніе*, какъ лѣче-
Подобіе въ объяснен. проис- нію, 160.
хожд. болѣзи., 155. *Русалки*, 77.
Поминальн. столы, 51; *Русальная недѣля*, 20, 77.
Похороны. обряды, 51-53. *Рябиновая ночь*, 144.
Приворотное средство, 170.
Прикладзины—обрядъ, 52. *Свѣчи богачевая*, 124.
Примѣты, 177. *Сонъ и сновидѣніе*, 48.
— и суевѣр. на счетъ *Сообщники нечистой си-*
домашн. животн. лы, 133
178. *Сороки*, 101.
Проведеніе борозды, какъ *Сорочины*—обрядъ, 52.
средство противъ мора, 167. *Спорыши*, 176.
Профес. колдовство, 134; *Суевѣрія* при продажѣ
— мельника, 155; животн. 178.

- Суевѣрія* основан. на упо- *Хатникъ*—олицет., 66.
 добленіи, 175, *Хльбъ* въ воззрѣн., 21.
 176; *Хльвникъ* — олицетвор.,
Суроицы—163, 164; 70, 71.
Ставленіе горшка, лѣчен.
 160; *Цмокъ*, 130.
Сцѣль и ея лѣчен., 165. *Церковн. пѣніе*, суевѣрн.
 взглядъ на подражан. ему,
Толкован. сновъ, 49; 176.
Топтаніе—лѣчен., 159. *Цѣплянѣ колодокъ*, (ма-
Тризнитъ—значен. слова, слен. обыч.), 99.
 49.
Чаровники, 149.
Ули въ обрядахъ и лѣчен. *Чортъ*, 128;
 65, 161. — какъ источникъ
Ужи. 32. зла, 131.
Уподобленіе въ происхожд. *Чуръ*, 64.
 болѣзн., 155; *Чуранье*, 65, 167.
 — въ заговорахъ,
 156; *Шестины*—обрядъ, 62;
 — въ другихъ су- *Шопты* (заговоры), 37.
 евѣріяхъ, 175.
Уроци—лѣчен., 163, 164. *Щедрикъ*, 84.
Усадебныя божества, 65, 66.
Юрья, 109.
Фетишизмъ—опредѣл., 13. *Юрьева роса*, 109.
Фетишизмъ слова, 35, 174. *Юрьевск. обыч.* 109.
Хавтуры (похороны), 51, *Ящуръ*—игра, 93.
 52;

INSTYTUT

BADAŃ LITERACKICH PAN —
 BIBLIOTEKA
 00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 76
 Tel. 26-68-63 <http://cin.org.pl>

F
18527